

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

МУСУЛЬМАНЕ В ЕВРОПЕ

**СОСУЩЕСТВОВАНИЕ,
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ,
МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ
ДИАЛОГ**

МОСКВА
ИЕ РАН
2021

**Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки**

**Институт Европы
Российской академии наук**

МУСУЛЬМАНЕ В ЕВРОПЕ

**Сосуществование, взаимодействие,
межцивилизационный диалог**

**Доклады Института Европы
№ 382**

Монография

**Москва
ИЕ РАН
2021**

УДК [323.15:28](4)
ББК 66.3(4),54
М91

Редакционный совет:

**Ал.А. Громыко (председатель),
Н.Б. Кондратьева (зам. председателя), А.И. Бажан,
В.Б. Белов, О.В. Буторина, К.Н. Гусев, П.Е. Кандель,
Р.Н. Лункин, О.Ю. Потёмкина**

Ответственный редактор А.К. Камкин,
редакторы К.Н. Гусев, Е.В. Дрожжина

Рецензенты:

Басов Фёдор Алексеевич, кандидат политических наук,
Шумилин Александр Иванович, доктор политических наук

Тема НИР 0167-2021-0008

«Динамика изменений и значение религиозных, культурных
и социальных факторов в развитии внутренней
и внешней политики европейских стран (2021–2023 гг.)»

**Мусульмане в Европе. Сосуществование, взаимодействие, междви-
лизационный диалог = Moslems in Europe. Coexistence, cooperation, dia-
logue of civilizations : [монография] / [отв. ред. А.К. Камкин]. – М.: Ин-т
Европы РАН, 2021. – 158 с. – Доклады Института Европы = Reports of the
Institute of Europe / Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Ин-т
Европы Российской акад. наук ; № 382). – Парал. тит. л. англ. – Авт. ука-
заны на об. тит. л. – DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report42021_382. –
ISBN 978-5-98163-174-0.**

В монографии представителей научного сообщества России рассмат-
ривается комплексная и междисциплинарная тема сосуществования и диа-
лога европейской и исламской культур. Авторы анализируют положение
мусульман в различных европейских странах, проводят ретроспективный
анализ диалога двух цивилизаций, обращаются к духовному наследию не-
которых мусульманских богословов, опыт которых может быть полезен
для налаживания межконфессиональных и междвицизационных отноше-
ний на европейском континенте.

Авторский коллектив: И.Л. Бабич (гл. 6), Л.С. Биссон (гл. 7), А.Г. Га-
джиев (гл. 10), А.А. Глашев (гл. 2), А.К. Камкин (введение, гл. 9, за-
ключение), М.В. Клинова (гл. 1), Р.Н. Лункин (гл. 4, 5), А.А. Рожин (гл.
11), С.Ж. Токтамысов (гл. 8), А.Г. Хайрутдинов (гл. 3).

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакционного совета.

DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report42021_382

© ИЕ РАН, 2021

Russian Academy of Sciences

Institute of Europe RAS

MOSLEMS IN EUROPE

**Coexistence, cooperation,
dialogue of civilizations**

**Reports of the Institute of Europe
№ 382**

Monography

**Moscow
IE RAS
2021**

Аннотация

Данная коллективная монография представляет собой результат исследований групп учёных-исламоведов, культурологов, антропологов из различных регионов России. Материалы работы объединяет основная тема – диалог мусульманской и европейской цивилизаций на территории Старого Света. Новые времена рождают новые вызовы: миграционный, демографический, пандемийный и пр. Жизнь показывает, что порой у европейцев нет адекватных ответов на новые вызовы современности.

Эта монография – первый и, будем надеяться, не последний опыт диалога учёных по данной проблематике. Россия как территория мирного существования различных религий, в том числе христианства и ислама, способна поделиться своим опытом с европейскими государствами, для многих из которых межрелигиозный диалог и взаимодействие различных культур – новый и сложный вызов.

Annotation

This collective monograph results from the researches of groups of experts in Islamic studies from different regions of Russia. Its articles are joint by the topic of dialogue of Islamic and European civilizations on the territory of the Old World. New times set new challenges: migration, demography, pandemic etc. And sometimes Europeans do not have adequate responses to the new challenges of modernity.

This study is the first, but, hopefully, not the last, experience of scientific dialogue on this topic. Russia as the territory of peaceful coexistence of various religions, including Christianity and Islam, can share its experience with European countries, for many of which the dialogue of religions and coexistence of different cultures is a new and complex challenge.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
Часть 1. Культура, религия, межкультурный диалог	10
Глава 1. Ислам и Европа. Вчера, сегодня... завтра?	10
Глава 2. Арабская наука в VIII–XII вв. и её влияние на европейскую культуру	18
Глава 3. Учение о всеохватной божьей милости как основа нового мусульманского дискурса в диалоге цивилизаций	31
Глава 4. Христианская миссия в регионах Северного Кавказа	45
Глава 5. Самоопределение ислама в Крыму после воссоединения с Россией	55
Глава 6. Мусульмане Северного Кавказа во Франции и Швейцарии	75
Часть 2. Политика безопасности. Борьба с экстремизмом	87
Глава 7. Ислам и республика во Франции	87
Глава 8. Вызовы и угрозы региональной безопасности в Центральной Азии, их влияние на европейскую безопасность	94
Глава 9. Радикальный исламизм как растущая угроза для современной Европы	101
Глава 10. Миграционный вопрос в отношениях между Турцией и ЕС на современном этапе	117
Глава 11. Ислам в социальной сфере Германии	127
Заключение	140
Литература	146
Об авторах	154

CONTENTS

Introduction	7
Part 1. Culture, Religion, Dialogue of Civilizations	10
Chapter 1. Islam and Europe. Yesterday, Today... Tomorrow?.....	10
Chapter 2. Arabian Science of VIII–XII Centuries and Its Impact of European Culture.....	18
Chapter 3. The Teaching of Comprehensive God’s Grace as a Basis for the New Muslim Discourse in the dialogue of Civilizations.....	31
Chapter 4. Christian Mission in the Northern Caucasus.....	45
Chapter 5. Self-Determination of Islam in Crimea after Reunification with Russia.....	55
Chapter 6. Muslims of the Northern Caucasus in France and Switzerland.....	75
Part 2. Security policy. Counter-extremism	87
Chapter 7. Islam and the Republic in France.....	87
Chapter 8. Challenges and Threats to Regional Security in Central Asia, their Impact on European Security.....	94
Chapter 9. Radical Islamism as a Growing Threat to the Modern Europe.....	101
Chapter 10. The Current Problem of Migration in Relations between Turkey and the EU.....	117
Chapter 11. Islam in the social life of Germany.....	127
Conclusion	140
Literature	146
About the Authors	154

ВВЕДЕНИЕ

Исламская и европейская цивилизации имеют многовековой опыт взаимодействия. Европейская наука и культура несут на себе отпечаток влияния Ближнего Востока. Труды античных философов, алгебра, шахматы, многие достижения медицины – вот далеко не полный перечень того наследия арабского мира, которое впитали европейцы. С начала проникновения арабского халифата в Испанию в VIII в. Европа и исламский мир были не только военными противниками. В университетах Кордовы и других городов мусульманские и еврейские учёные несли свет знаний студентам из многих стран Старого Света. Феномен Возрождения в Европе во многом обусловлен открытием европейцами интеллектуального и художественного наследия Античности благодаря представителям арабской науки.

Позднее Европу сотрясали многочисленные войны с арабами в ходе крестовых походов, соперничество с Османской империей, в ходе которого османы несколько раз осаждали Вену и другие крупные европейские города, Реконкиста, из-за которой мусульмане в коллективном сознании европейцев стали восприниматься прежде всего в военном контексте.

XVIII–XIX вв., считающиеся периодом расцвета и величия Европы, характеризовались крайним европоцентризмом: представители Старого Света, колонизировав практически все уголки планеты, известные человечеству, провозгласили категорической максимой «бремя белого человека». Казалось, другие мировые цивилизации, культуры, религии должны были склониться и уступить перед натиском механизированной европейской машины. Многие мыслители, культурологи, в частности, Николай Данилевский, а за ним и его немецкий визави Освальд Шпенглер, считали все культурно-исторические типы, кроме европейского (и славянского), умершими, полагая, что память о них жива только в грандиозных археологических и письменных памятниках прошлого. Колонизированные территории бывшего халифата были для европейцев страной «Тысячи и одной ночи», но никак не геополитической реальностью. Так же Европа воспринимала и другие великие культуры Востока – индий-

скую, китайскую, японскую.

Подобная ситуация продолжалась вплоть до середины XX в., когда в ходе слома колониальной системы на арену мировой политики и экономики вышли в качестве самостоятельных акторов не только отдельные государства, но и целые самодостаточные культурно-исторические типы, ищущие своей идентичности и места в едином человечестве. С этого момента Старый Свет стал свидетелем постоянно растущего влияния исламского фактора в политической, экономической и демографической повестке. Франция вела затяжную колониальную войну в Алжире, проигрыш в которой привёл к массовой миграции выходцев из стран Магриба в бывшую метрополию. В аналогичной ситуации оказалась Великобритания, ставшая центром притяжения экономических мигрантов из Индии, Пакистана и других колоний. Германия с середины 1960-х гг. стала привлекать гастарбайтеров из Турции. Выбор этой страны как государства-донора рабочей силы не был случаен: с конца XIX в. Германию и Турцию связывали особые отношения, выразившиеся в военном союзе и экономическом сотрудничестве.

Параллельно с ростом миграционных потоков на арену международных отношений вышел и феномен радикального исламизма, обусловленного многими факторами, среди которых: поиск национальной идеи во вновь создававшихся государствах исламского мира, исторические обиды мусульман на европейцев, разные векторы духовного развития Старого Света и стран Востока, а также, не в последнюю очередь, работа американских и британских спецслужб, рассчитывавших использовать арабский национализм и религиозный фактор в борьбе против советского влияния на Ближнем Востоке, в Афганистане и в Северной Африке.

Вторжение США в Ирак и Афганистан, а также агрессия против Ливии дали радикально настроенным исламистам повод говорить о новом натиске «западных крестоносцев» на мусульман. Это привело к росту террористических атак на европейские страны и общего антизападного настроения в широких слоях общества многих исламских стран. На фоне масштабной миграции мусульман в Европу это привело к росту взаимного недо-

верия между коренными европейцами и мигрантами, несмотря на все попытки интегрировать последних в западное общество. Политику мультикультурализма сами европейские политики признали провалившейся.

Почему так произошло? Ответ на этот вопрос частично дают авторы настоящего сборника. Европоцентризм и мессианизм европейцев, изменивший формы, но не сменивший за последние века свое содержание, порой не позволяет принимать иные цивилизации как равноценные и равнозначные. Представители мусульманских диаспор в Европе зачастую сетуют на то, что мигранты-мусульмане нужны европейцам в роли биороботов, а не равноценных сограждан. Возможно, это утверждение несколько утрировано, но за ним стоит понимание идейной и ментальной пропасти между Европой постмодерна и выходцами из стран преимущественно традиционного общества. У мусульман сложился образ европейцев как безбожников и богохульников, чему способствовали некоторые события (вспомним скандал с карикатурами на Пророка, немыслимый в обществе, уважающем культурные традиции других народов). В свою очередь, среди европейцев укоренился образ мусульман, которые якобы отстали от социальных достижений Европы. Правда, суть некоторых этих достижений, например, деградация такой ценности, как свобода слова и самовыражения и навязывание обществу социально девиантного поведения, порой вызывает больше вопросов и непонимания даже у консервативно настроенных жителей Старого Света.

Перечень тем, которые охватывает настоящая монография, весьма широк. Это и анализ взаимодействия науки и культуры стран Европы и исламского мира; и открытие российским и западным читателям малоизвестных деятелей исламского богословия, популяризация трудов которых способна стать альтернативой росту радикального ислама в странах Запада; и анализ жизни российских мусульман и межконфессионального диалога в РФ; и изучение жизни мусульман – выходцев из РФ в европейских странах. Особое место занимает анализ взаимоотношений европейцев и мусульман в Европе в контексте сложностей межкультурного диалога и вызовов международного терро-

ризма.

Среди авторов монографии представители разных городов и регионов России (Москва, Казань, Нальчик и т.д.) с разным религиозно-культурным кодом. Это позволяет провести комплексный анализ такого сложного явления, как межрелигиозный и межкультурный диалог. Авторы рассматривают его под углом зрения как богословия, истории науки, так и демографии, политики безопасности, борьбы с экстремизмом.

Настоящая монография – это, прежде всего, приглашение к продолжению дискуссии о роли и месте ислама в европейском культурном пространстве. Авторы надеются, что это приглашение будет услышано и нашими европейскими партнерами.

ЧАСТЬ 1. КУЛЬТУРА, РЕЛИГИЯ, МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ДИАЛОГ

ГЛАВА 1. ИСЛАМ И ЕВРОПА: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ... ЗАВТРА?

Тема миграции в Европу выходцев из стран с мусульманским населением давно привлекает внимание исследователей Института Европы РАН¹ и других научно-исследовательских учреждений. В НИ ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова РАН² и ИНИОН РАН³ данная проблематика изучалась и изучается под разными углами зрения. В последнее десятилетие учёные выражают тревогу по поводу наплыва исламских мигрантов и беженцев в страны ЕС и задаются вопросом, как и почему в Европе возникло противостояние ислама и христианства?

Обратимся к истории.

На наш взгляд, определённую роль в противоречиях между Востоком и Западом сыграли религиозные различия между исламом и христианством в Европе, но не только они. Римско-ка-

---

¹ См., напр., работы А.К. Камкина, О.Ю. Потемкиной, Р.Н. Лункина, В.С. Грибовского, Л.С. Биссон, Н.Б. Кондратьевой.

² См. работы О.Е. Трофимовой, Ю.Д. Квашнина, А.В. Кузнецова, А.С. Четвериковой, И.С. Семененко, И.П. Цапенко, Л.С. Худяковой, Е.А. Сидоровой и др.

³ См. работы Т.С. Кондратьевой, И.С. Новоженовой и др.

толическая церковь, представлявшая собой в средние века уникальный наднациональный институт в Европе, использовала религиозные обоснования в поддержку или в оправдание военных действий, в том числе крестовых походов. Военные походы на восток были связаны не только с духовной сферой. Папа Урбан II в 1095 г. осудил истошавшие и ослаблявшие христианский мир внутренние столкновения, призвал прекратить феодальные междоусобные войны в Европе и перенаправить вектор пассионарности в сторону Святой земли. Иерусалим и Ближний Восток в целом интересовали католическую Европу по политическим и экономическим соображениям: доступ к новым материальным ресурсам, чтобы не вести передел внутри Европы путём кровопролитий. Этот фактор послужил экономической причиной крестовых походов.

В свою очередь, экспансия мусульман также оказывала влияние на Европу: с VII по X вв., затем с XIV по XVIII вв. Профессор Флорентийского университета Ф. Кардини делает парадоксальный вывод о том, что именно названные периоды способствовали рождению Европы, «самоопределению» европейцев, вынужденных объединяться, искать пути и способы совместных защитных действий⁴. Взаимодействие с исламским миром в различных формах – как вооружённого противостояния (начиная с крестовых походов), так и обмена товарами, идеями, знаниями – способствовало выработке и закреплению Европой своей идентичности, общности⁵, которая создавалась на протяжении столетий. Вместе с тем с последствиями войн с мусульманами во многом связаны кризис экономики, упадок торговли, спад мореплавания, которые переживала Европа в тот период.

Отметим любопытное сходство в отношениях западноевро-

---

⁴ Кардини Ф. Европа и ислам. История непонимания. Серия «Становление Европы». М.: Александрия, 2016. С. 11.

⁵ Отметим, что сегодня понятие европейской идентичности представляется размытым и неясным, несмотря на наличие обширной историко-политической литературы, посвящённой вопросам, что значит ощущать себя и «быть европейцем». Как секулярное государство допускает различные вероисповедания, так и в ЕС сосуществуют различные этнические, религиозные, политические формы организации общества. Европейская идентичность не является прерогативой ЕС, а имеет разнообразные корни: территориально-пространственное и концептуальное значения различаются. Но это тема отдельного исследования.

пейских городов с сарацинами, с одной стороны, и русских князей с ордынскими ханами – с другой. Так, правители городов Южной Италии в Раннее Средневековье периодически прибегали к услугам сарацин в раздорах между собой⁶, и сарацины «помогали» то одним, то другим. Русские князья позднее, в XIII в., также сводили «феодалные счёты друг с другом при помощи ордынской военной силы», приглашая «пограбить княжества своих политических противников»⁷. Применительно к области внешней политики высказывалось мнение, что «и поганые надобны Руси» в качестве союзников в борьбе с соседями (венграми, поляками) в случае недостатка собственных сил⁸.

Однако помимо периодов особой напряжённости в отношениях христиан с мусульманами – в XII–XIII вв. – следует отметить вклад исламской науки и культуры в становление европейской цивилизации, а также положительное влияние экономического и культурного сближения Европы и исламского мира, давшего импульс хозяйственному, финансовому, технологическому, научному и интеллектуальному прогрессу в Европе. Торговля с арабскими странами приобрела настолько важное значение, что мусульманские монеты (динар, тарий, дирхам) получили хождение наравне с византийским денарием. Через арабский мир в Европу проникала философия, в том числе античная, и другие науки, что «изменило структуру европейского знания», сделав этот период «одним из наиболее просвещённых и благополучных в истории средиземноморских областей Европы»⁹. Так, бумага получила распространение в Европе в XIII в., а в исламской Испании этот носитель информации появился ещё в X в.

В то время науки в мусульманском мире были более развиты, чем в Европе. Для экономики, торговли, науки Европы стало насущной необходимостью изучение арабского языка как «языка великой культуры»¹⁰. Перевод в XII в. на латинский

---

⁶ Кардини Ф. Указ. соч. С. 33.

⁷ Похлёбкин В.В. Татары и Русь. 360 лет отношений Руси с татарскими государствами в XIII–XVI вв. (1238–1598). М.: Международные отношения, 2001. С. 50.

⁸ Похлёбкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет. Вып. II. М.: Международные отношения, 1995. С. 45.

⁹ Кардини Ф. Указ. соч. С. 82–83, 116, 108.

¹⁰ Кардини Ф. Указ. соч. С. 122.

язык Корана создавал предпосылки для ознакомления с трудами арабских учёных по философии, астрономии, географии. Распространялись переводы материалов по медицине и математике. В архитектуре, живописи, бытовом искусстве Испании стал развиваться самобытный стиль мудехар (по названию мусульман, живших на территориях, впоследствии отошедших к христианам) – конгломерат мавританского, готического, ренессансного искусства. В хозяйственной жизни мавры также были более прогрессивными.

Это отмечал немецкий учёный Ф. Лист (1789–1846), заложивший основы исторической школы политической экономии. В главе своего фундаментального труда «Национальная система политической экономии» (1841 г.), посвящённой Испании и Португалии, в историческом экскурсе в X в. он пишет о маврах, которые на плодородных землях с успехом выращивали хлопок, сахарный тростник, рис, занимались шелководством, имели свои ткацкие фабрики. Проведённый анализ хозяйственной жизни позволил Листу прийти к выводу, что в то время на территории Иберийского полуострова присутствовали все «элементы величия и благосостояния». Однако в XIV в. начался длительный период застоя, тогда же ухудшились отношения между христианской, мусульманской и еврейской общинами. Передовые сельскохозяйственные технологии постепенно утрачивались. Христианская знать предпочитала разводить скот, что позволяло извлекать более быстрый доход. В результате значительная часть Пиренейского полуострова была превращена в пустыню¹¹. Победивший «фанатизм в союзе с деспотизмом» начался с преследования евреев, а затем и мавров. В итоге ценнейший человеческий капитал – «трудолюбивейшие и богатейшие жители» – был выброшен из страны и национальной промышленности, и «могуществу был нанесён смертельный удар»¹². Начавшийся экономический упадок был также связан с проведением испанским государством политики накопления драгоценных метал-

---

¹¹ Кардини Ф. Указ. соч. С. 191.

¹² Лист Ф. Национальная система политической экономии. М.: Европа, 2005. С. 75. См. также: Клинова М.В. Государство и частный капитал: от теории к практике взаимодействия в европейских странах. М.: Магистр, 2011. С. 98.

лов, ввозимых из-за океана после открытия Х. Колумбом Америки, в ущерб развитию национального предпринимательства и экономики.

Итак, на определённом этапе исторической эволюции мусульмане сыграли прогрессивную роль, способствуя развитию европейской культуры и экономики. Однако впоследствии роли поменялись. Ф. Кардини представляет войны против мавров в Испании в XV в. не как религиозное противостояние, а, скорее, как борьбу между Европой и Азией, или, по Геродоту и Эсхилу, борьбу «между цивилизацией и варварством»¹³. Между тем и сам христианский мир Европы сотрясали внутренние раздоры, которые, как любые войны, в том числе против «неверных», осудил ещё Эразм Роттердамский (1466–1536). В своём произведении «Похвала глупости» он подчёркивает, что военные действия наносят ущерб обеим сторонам, и сравнивает разрушительное влияние войн на нравы с моровой язвой¹⁴.

Турецкое вторжение в Европу с XIV в. приобрело особый размах в XVI–XVIII вв., при том, что экономически турецкие завоеватели уже тогда уступали передовым странам Запада. Отголоски начавшегося длительного периода противостояния, в том числе и по проблеме «европейскости», слышны и в современной Европе. В 2007 г. экс-президент Франции Н. Саркози в контексте отношений со странами Средиземноморья и Турцией так изложил своё видение проблемы «быть европейцем»: все страны мира не должны интегрироваться в Европу¹⁵. Между тем, нельзя не признать, что расширение европейского влияния за пределы ЕС содействует укреплению его позиций как международного игрока.

Радикализация ислама, выразившаяся в крайних формах экстремизма и сериях террористических атак, осложнила обстановку в Европе. По мнению французского эксперта М.-А. Перуз де Монкло, интернационализация ответа на терроризм могла при-

---

¹³ Кардини Ф. Указ. соч. С. 196.

¹⁴ Erasmus. Moriae Encomium. P. 70, 171. URL: <https://archive.org/details/moriaecomiumid00eras> (дата обращения 22.09.2018).

¹⁵ Le discours d'investiture de Nicolas Sarkozy // Le Monde. 15.01.2007. URL: https://www.lemonde.fr/societe/article/2007/01/15/le-discours-d-investiture-de-nicolas-sarkozy_855369_3224.html (дата обращения 18.03.2017).

вести и к интернационализации его угрозы. На Западе господствует упрощённый подход, когда любые антиправительственные группировки в Африке, даже криминальные, относят к джихадистским¹⁶. После серии вооружённых вмешательств западных коалиций в Африке и на Ближнем Востоке в Европу в 2015 г. хлынул поток беженцев. Беженцы из зон военных конфликтов и гуманитарных катастроф, по прогнозам, составят самое социально обездоленное звено глобального переселенческого потока, внося свой вклад в дестабилизацию социального уклада принимающих сообществ¹⁷.

В целом доля мусульман в населении ЕС выросла с 4% в 1990 г. до более 7% к 2017 г.¹⁸, с учётом расширения ЕС за тот же период с 12 до 28 стран-членов. Зарубежные исследователи порой приводят устаревшие данные по численности мусульман в ЕС. Так, в статье 2019 г. указываются цифры за 2016 г. и утверждается, что отношение к мусульманам зачастую обратно пропорционально их реальному присутствию в странах: оно особенно негативно в государствах Балтии и Вишеградской группы (Польша, Чехия, Словакия, Венгрия) с минимальной долей исламского населения¹⁹, не принявших мигрантов после кризиса 2015 г. А в странах с большей долей мусульман в населении к ним относятся лучше.

С одной стороны, исходя из исторического опыта, отношение к мусульманам закономерно должно быть более прохладным в странах Восточной и Юго-Восточной Европы, которые в своё время пострадали от турецко-османских завоевателей. Северным странам Европы арабы и турки не угрожали, и там, особенно в Нидерландах, Швеции, Финляндии, к мусульманам относятся гораздо лучше. По данным *Pew Research Center*, среди

---

¹⁶ Pérouse de Monclos M.-A. L'Afrique, nouvelle frontière du djihad? P.: La Découverte, 2018. P. 196, 58.

¹⁷ Мир 2035. Глобальный прогноз / под ред. акад А.А. Дынкина. ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН. М.: Магистр, 2017. С. 77-78.

¹⁸ Кузнецов А.В., Фитуни Л.Л., Рыжкова Е.А., Трофимова О.Е., Филоник А.О. Исламские финансы и их специфика в Европе // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. №12. С. 53.

¹⁹ Ricci A.D. Attitude towards Muslims often inversely proportional to their actual presence // VOXEurop. 2019, February 11. URL: <https://voxeurop.eu/en/2019/islam-europe-5122647> (дата обращения 13.08.2019).

стран – членов ЕС принять мусульман в качестве членов семьи готовы в Нидерландах – 88% респондентов, Дании – 81%, Швеции – 80%, Финляндии – 66%, в Венгрии – 21%, в Чехии – всего 12%²⁰.

С другой стороны, выборы в Европарламент (ЕП) 2019 г. в общем показали укрепление позиций крайне правых сил, которых объединяет антииммигрантская риторика. В ряде случаев важную роль в таких итогах сыграло значительное присутствие в стране мусульман. В государствах с их высокой долей населения (Франция – 8,8%, Бельгия – 7,6%)²¹ на выборах в ЕП удачно выступили крайне правые партии. Во Франции «Национальное объединение» заняло первое место (23,31%), опередив правящую президентскую партию Э. Макрона. В Бельгии первые два места заняли правые националисты – «Новый фламандский альянс» (первое место и 13,47% голосов) и некогда маргинальные крайне правые евроскептики «Фламандский интерес» (второе место и 11,45%). При этом в ФРГ (6,1% мусульман в населении страны), получившей «прививку» от крайне правых по итогам Второй мировой войны, крайне правая партия «Альтернатива для Германии», несмотря на четвертое место, набрала 11% голосов. А в Нидерландах (7,1% мусульман и положительным отношением к ним в обществе) крайне правая «Партия за свободу» добилась поддержки лишь 3,53% избирателей (13,32% в 2014 г.)²². На Кипре, даже на фоне делящегося с 1974 г. конфликта между южной (греки-киприоты) и северной частью (турки-киприоты, составляющие примерно четверть населения острова – коренные жители, а не мигранты), крайне правые вообще не прошли в ЕП. Таким образом, эти выборы не проде-

---

²⁰ Vast differences across Europe in public attitudes toward Muslims. 2018, October 24. URL: https://www.pewforum.org/2018/10/29/eastern-and-western-europe-ans-differ-on-importance-of-religion-views-of-minorities-and-key-social-issues/pf-10-29-18_east-west_-00-00/ (дата обращения 01.02.2019).

²¹ Hackett C. 5 facts about the Muslim population in Europe. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/11/29/5-facts-about-the-muslim-population-in-europe/> (дата обращения 21.02.2018); Muslims make up 4,9% of Europe's population in 2016. URL: https://www.pewforum.org/2017/11/29/europes-growing-muslim-population/pf_11-29-17_muslims-update-20/ (дата обращения 19.02.2018).

²² Résultats des élections européennes 2019. URL: <https://resultats-elections.eu/resultats-des-elections/2019-2024/> (дата обращения 16.08.2019).

монстрировали общей закономерности, на них сказались внутривосточные факторы различной природы.

По данным межправительственной Международной организации по миграции, приток мигрантов в ЕС (в том числе после достижения договорённостей с Турцией в марте 2016 г.)²³, сократился: если в 2016 г., на пике миграционного кризиса, – он составил свыше 390 тыс. чел., то в 2017 г. – около 187 тыс., а в 2018 г. – уже 144 тыс. За первое полугодие 2019 г. приток мигрантов в ЕС составил около 40 тыс. человек²⁴. С января по май 2019 г. в Европу прибыло на 31% мигрантов меньше, чем за тот же период 2018 г.; на 60% меньше, чем за тот же период 2017 г. и на 85% меньше, чем за январь – май 2016 г. А власти балканских стран – Боснии и Герцеговины, Албании, Черногории – напротив, зарегистрировали существенный рост притока мигрантов в 2019 г. – на 40% больше, чем в 2018 г. во всех трёх странах и в 19(!) раз больше, чем с января по май 2017 г.²⁵

По оценкам *Pew Research Center*, доля мусульманского населения в Европе будет расти даже при нулевой миграции²⁶. Эта проблема носит главным образом эндогенный характер и обусловлена в значительной мере демографической спецификой. При этом от прибывающего в ЕС мусульманского населения требуется лишь уважение укоренившегося в Европе культурно-исторического кода европейской цивилизации, своего рода «общего культурного знаменателя Европы»²⁷. Проблема не сводится к тому, чтобы делить с мигрантами социальные блага и материальные средства в трудный период. Дело в угрозе принятому распорядку жизни и ценностям традициям, формирующим основы не только национальной, но и европейской идентичности.

---

²³ URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/649327/EPRS_BRI\(2020\)649327_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/649327/EPRS_BRI(2020)649327_EN.pdf) (дата обращения 20.06.2019).

²⁴ IOM-Flow Monitoring. URL: <https://migration.iom.int/europe?type=arrivals> (дата обращения 16.08.2019).

²⁵ Europe – Mixed Migration Flows to Europe Monthly Overview (May 2019). URL: <https://migration.iom.int/reports/europe---mixed-migration-flows-europe-monthly-overview-may-2019> (дата обращения 16.08.2019).

²⁶ Europe's Growing Muslim Population. URL: <https://www.pewforum.org/2017/11/29/europes-growing-muslim-population/> (дата обращения 16.03.2019).

²⁷ Рубинский Ю.И. Приметы времени. Т. 1. Мир и Европа: в 3-х т. М.: ИЕ РАН, 2018. С. 201.

ГЛАВА 2. АРАБСКАЯ НАУКА В VIII–XII ВВ. И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА ЕВРОПЕЙСКУЮ КУЛЬТУРУ

Арабская наука оказала существенное влияние на развитие европейской культуры. Завоевания арабов VII–VIII вв. постепенно сменились сильным влиянием арабской науки и просвещения на Европу, начав своё движение в Испании. Пик этого процесса приходится на IX–XIII вв. Данной теме посвятили свои работы крупные исследователи. Как отмечал И.И. Гинцбург: «Счастливая судьба выпала на долю арабского народа. Он приобщил Западную Европу, бывшую в варварском состоянии, к античной науке, проложившей ей путь к Ренессансу»²⁸. Этой же точки зрения придерживались и многие другие авторы фундаментальных работ по данному вопросу (Крачковский, Генон, Леклерк, Пушман, Нойбауэр и др.)²⁹.

С точки зрения не только методологии исследования, но и истории вопроса, большое значение имеют работы французского учёного и философа Рене Генона (1886–1956). Особенно следует выделить его небольшую, но весьма содержательную статью «*L'influence de la civilisation islamique sur l'Europe*», перевод которой на русский язык был опубликован ещё в 1991 г. в журнале «Вопросы философии», но она так и осталась практически не «замеченной»³⁰. Р. Генон отметил: «Можно с уверенностью сказать, что некоторые из естественных отраслей знания были в полном объёме заимствованы Европой у исламской цивилизации. Химия, например, до сих пор сохранила свое арабское наименование, восходящее, как известно, к древнему Египту, несмотря на то, что первоначальный и углублённый смысл этой науки стал совершенно недоступен нашим современникам и, можно сказать, навсегда утрачен для них»³¹.

---

²⁸ Гинцбург И.И. Арабская медицина и произведения Авиценны «Канон» и «Урджуза» – по еврейским рукописям Института востоковедения Академии Наук СССР // Труды Второй Сессии Ассоциации арабистов. 19–23 октября 1937 г. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1941. С. 34.

²⁹ Leclerc L. Histoire de la médecine arabe. Т. 1. Paris. 1876. P. 327; Puschmann Th. Handbuch der geschichte der Medizine. Jena. Band 1. 1902. S. 594–595.

³⁰ Генон Рене. Влияние исламской цивилизации на Европу // Вопросы философии. 1991. №4. С. 54–57.

³¹ Генон Рене. Указ. соч. С. 55.

Действительно, мы находим много подтверждений данному мнению. Однако тот же И.И. Гинцбург предостерегал от гипертрофированной идеализации влияния арабской науки на Европу. Он считал необоснованным, что средневековую культуру Испании называли «арабской» или «мусульманской», поскольку в контексте развития европейской мысли это ставило арабов в один ряд с античными греками³². На самом деле заслуга арабов в том, что классики Античности были «влиты» в европейскую науку посредством их языка. Арабы не заменили античных учёных, но они заново открыли для Европы Галена, Гиппократ, Аристотеля и др. Данный важный акцент иногда становится объектом споров, часто безосновательных.

До сих пор нет не только фундаментальных и прикладных исследований влияния арабской научной мысли на развитие европейской науки, но и специальных курсов в европейских и российских университетах. Это лишает европейскую науку мощного потенциала, способного подвигнуть её к новым прорывам. И здесь вновь необходимо обратиться к статье Р. Генона, который, говоря о значении подобных исследований для разрешения многих важных вопросов современной науки, остающихся без ответа, заключал: «Грустно сознавать, что подобные факты находятся вне поля зрения теперешней исторической науки, чьи исследования ограничиваются внешней стороной вещей, тогда как именно эти факты могли бы послужить ключом к разрешению стольких загадок, остающихся до сих пор таинственными и неразрешёнными»³³. Исследование истории европейской науки немислимо без фундаментального исследования «арабского периода» в её развитии. Такие исследования необходимо разделить по крупным направлениям: философия, медицина, математика, астрономия, фармакология, филология. Это приведёт к новым важным открытиям в истории европейской науки.

Возникновение и расцвет арабской науки

Для понимания всего механизма и способности арабской науки влиять на развитие в других регионах в Средневековье важно осветить этап формирования научной мысли в самом араб-

---

³² Гинцбург И.И. Указ. соч. С. 34.

³³ Генон Рене. Указ. соч. С. 57.

ском обществе в VII–VIII в. В ранний период, когда арабы, объединённые новой религией, победоносно шествовали по миру, ещё трудно говорить о наличии устоявшейся прочной научной традиции в арабском обществе. Более того, в этот период арабы воспринимали учёных, философов и врачей как носителей ереси и относились к ним с недоверием. Ситуация начала меняться в VIII в. Новая религия и её комментаторы пропагандировали образованность, уважение к книгам и наукам, особенно к врачам, о которых часто говорится в хадисах, приписываемых известным мусульманским богословам. Да и сам Коран содержал большую информацию о медицине, что даже стало предметом фундаментальных исследований ряда европейских учёных, занимавшихся историей науки³⁴. И именно научная и практическая медицина станет главным локомотивом развития всех отраслей арабской науки и её движения на Запад, о чём подробнее пойдёт речь ниже.

Арабская наука образовалась не на пустом месте. Завоевав прилегающие страны, в частности Сирию и Ирак, арабы нашли в них развитую медицину, школы различных направлений и богатую литературу на сирийском и персидском языках. Медицинская наука и практика в Ираке была в основном в руках сирийцев-несториан. И здесь особо следует отметить влияние сирохристианской книжности на формирование и развитие арабской науки. Если в VII–VIII вв. христианская и буддийская научная литература рассматривалась как ересь и сохранялась в Арабском халифате только тюрками, то в IX–X вв. арабы стали главными посредниками «возвращения» сирийской науки на Запад.

Нельзя не отметить и так называемые сиро-тюркские письменные памятники. В 1885–1887 гг. в Семиреченской области близ современных Бишкека и Токмака (Киргизия) были найдены христианские надгробные надписи. Благодаря им удалось установить неизвестный до того факт существования в XIII–XIV вв. христианского населения с сирийской духовной культурой и обрядностью к западу от озера Иссык-Куль. Надписи на этих надгробьях и некоторые другие эпиграфические памятники были двуязычными (на сирийском и тюркском) и написаны

---

³⁴ Opitz K. Die Medizin im Koran. Stuttgart. 1906. S. 2-8.

сирийским письмом, а иногда полностью на тюркском. Это открытие стало целой страницей в истории христианства и сирийско-христианской религиозно-философской мысли на Востоке, поскольку данные находки относятся не только (и не столько) к сирийским миссионерам, сколько к местному тюркскому населению, принявшему христианство от сирийцев.

Позднее были обнаружены ценнейшие сиро-тюркские рукописи. Три фрагмента хранятся в Институте востоковедения РАН. Как отмечает Н.В. Пигулевская, сиро-тюркский фрагмент из Хара-Хото значительно расширяет границы распространения этой письменности смешанного типа, рождённого сближением двух языков и культур³⁵. Эти бесценные христианские памятники дают представление о степени влияния сиро-христианских философов и учёных на территории Арабского халифата и за его пределами в Центральной Азии, через которых арабы и познакомились с греческой философией и наукой. А ведь для формирования науки в арабском мире после появления ислама большое значение имели труды именно ранних учёных, главным образом античных. Со многими их произведениями арабы познакомились благодаря сирийцам, которые довольно рано перевели на свой язык Платона, Лукиана, псевдосократовы диалоги. Именно на сирийском языке дошла до нас речь Фемистия «О добродетели» (Περὶ ἀρετῆς). Его речь «О дружбе» (Περὶ φιλίας) в полном виде также сохранилась только на сирийском языке, на греческом известна лишь краткая версия³⁶.

В этом плане показательна рукопись сочинения Мартирия Сахдоны (Страсбургский и Петербургский списки), если обратиться к его советам мудрости. Они не просто носят форму неких аскетических писаний, но в основном имеют в виду монаха и его «совершенную жизнь», чьи изречения носят известный философский оттенок, особенно в первой части рукописи, где он углубляется в познание истины, природы. Вторая часть содержит взгляды на человека и его связь с творцом мира, где видно,

---

³⁵ Пигулевская Н.В. Сирийские и сиро-тюркские фрагменты из Хара-Хото и Турфана // Советское востоковедение. I. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1940. С. 228.

³⁶ Пигулевская Н.В. Культура сирийцев в средние века. М.: «Наука», 1979. С. 116.

что автору близки представления Платоновой философии в соотношении идеи или прототипа к отображению или образу. Эти труды затем переводились сирийскими учёными на арабский и тюркские языки.

Большое количество медиков того времени были сирийцами-несторианами, евреями или греками. Только Харис ибн Калада был арабом. Именно он лечил пророка Мухаммеда и именно от него Мухаммед получил теоретические знания о медицине как о научной дисциплине, которые зафиксированы в Коране в Сборнике медицинских афоризмов, приписываемых пророку. Однако уже после первого периода переводов, когда основные работы Галена и Гиппократы стали доступны арабам на их языке, христиане потеряли свою монополию на медицину, а некоторые арабы достигли такого же высокого положения в теоретической медицине. Так формировалась арабская наука.

О роли сирийских и еврейских учёных написано достаточно много, но совершенно неизученным остаётся вклад в развитие арабской науки (медицины, филологии и философии) древних тюрков, главным образом уйгуров. Часть уйгуров, приняв ислам и вобрав в себя вместе с ним все достижения арабо-мусульманской культуры, к X в. сами обогатили арабскую науку. В Уйгурском каганате, уже в ранний период (VIII–X вв.) соединявшем в себе христианскую, буддийскую, манихейскую и мусульманскую культуры, были созданы медицинские трактаты, написанные на древнеуйгурском языке под сильным влиянием сирохристианской медицинской школы в Джундишапуре (Гундишапуре) и китайской медицины. Часть этих трактатов была издана в 1930–1932 гг. турецким востоковедом Р. Рахмат³⁷. Нельзя не отметить и крайне интересные и богатые по своему содержанию юридические манускрипты IX–XIII вв. на древнеуйгурском языке. Они говорят о том, что в тот период правовая мысль на Востоке была значительно прогрессивнее, чем в Европе. Один из самых ярких документов, доказывающих это – судебный письменный источник X в. «Жалоба слуги на хозяина»³⁸. Не-

---

³⁷ Rachamti G.R. Zur Heilkunde der Uiguren. SPAW. Berlin, 1930. S. 451-473; Rachamti G.R. Zur Heilkunde der Uiguren. SPAW. II. Berlin, 1932. S. 401-448. Rachamti G.R. Türkische Turfan texte, VII, SPAW. 1936.

³⁸ Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследо-

мыслимо даже представить, чтобы в Европе в X в. слуга мог пожаловаться в суд на своего господина.

Но самым значимым в зарождении и расцвете арабской науки и культуры было влияние сирийской медицины. В особенности это связано с деятельностью уже упомянутой медицинской школы в Джундишапуре. Нойбурэр называл её колыбелью арабской медицины. Кремер вообще связывал расцвет не только арабской науки, но и торговли и промышленности именно с деятельностью этой школы. Броун, в свою очередь, говорит о прямой связи арабской медицины через Багдад, Джундишапур, Эдессу и Антиохию с Александрией³⁹. Значение этой школы для арабской науки без преувеличения сравнивается со значением *Civitas Hippocratica* (Салернской медицинской школы) для европейской культуры.

Таким образом, арабская наука не была статичной и, влияя на европейскую культуру, продолжала сама постоянно обогащаться за счёт роста территорий на Востоке, охваченных влиянием ислама, впитывая в себя богатейшее наследие буддийской, манихейской, сиро-христианской и древнетюркской книжности. Большую роль в этом сыграли крупнейшие учёные и философы арабского Востока: аль-Фараби, Ахмед Ясеви, Сайф и-Сараи, Улугбек, Ибн-Сина (Авиценна), аль-Газали, Руми и др. Они вышли из тюркской и иранской среды и влились в арабскую культуру, сильно изменив её первоначальный облик. Этот синкретизм, возможно, и облегчил арабское влияние в Европе.

Арабы стали проводниками в Европу не только древнегреческой и римской науки, но и всего научного наследия Востока. И это не удивительно, ведь, например, древние тюрки задолго до появления ислама и победоносного шествия арабов основательно познакомились с религиозно-философскими и научными трактатами по медицине, астрономии, географии буддийского, манихейского и христианского (сирийского) происхождения. Наиболее значительными работами были буддийская *Suvarṇap-*

вания. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1951. С. 200-204.

³⁹ Эберман В.А. Медицинская школа в Джундишапуре // Записки Коллегии Востоковедов при Азиатском Музее Российской Академии Наук. Т. 1. Л.: РАН, Главнаука, Госиздат, 1925. С. 48.

rabhāsa в древнетюркском переводе под названием *Altun jaruq* (сутра «Золотой Блеск») и с тюркскими комментариями, два сводных текста с буддийским покаянием в грехах уйгурским письмом, два буддийских текста уйгурским письмом из Берлинской коллекции, фрагменты буддийского содержания и четыре буддийские легенды уйгурским письмом, опубликованные Мюллером⁴⁰, перевод буддийской сутры *Tiṣastvustik* (хранится в Санкт-Петербурге), опубликованной В.В. Радловым, «Сутра Общины Белого лотоса», перевод которой выполнен предположительно в X–XI вв.

Следует отметить большое влияние на формирование арабской философии и естественных наук в тот период крупнейшего представителя средневековой восточной философии аль-Фараби (872–951 гг.). Он происходил из тюрков и первоначальное образование получил на родине в Отраре (территория нынешнего Южного Казахстана) на тюркском языке. Вклад аль-Фараби в развитие арабо-мусульманской науки настолько велик, что его часто называют «Аристотелем Востока» и считают основоположником арабского перипатетизма и главным проводником неоплатонизма в арабской философии.

Таким образом, саму арабскую науку назвать арабской можно лишь условно, ибо она представляла собой синкретическое явление, впитавшее в себя все прогрессивные научные достижения Античности, с одной стороны, и Востока – с другой. Это сложное сочетание различных достижений учёных разного времени (Античность и Средневековье) и разных народов (греки, сирийцы, евреи, иранцы, китайцы, тюрки, индусы). Этот аспект часто игнорируется многими авторами, пытающимися упрощённо освещать столь сложный и важный этап в истории европейской науки и культуры.

Арабская наука и её вклад в становление западно-европейской культуры

Выше уже было особо отмечено место медицины в становлении и развитии арабской науки. Этот момент имеет ключевое значение и для понимания всей истории влияния арабской нау-

---

⁴⁰ Müller F.W.K. Uigurica IV. Berlin. 1931; Его же: Uigurica III. Uigurische Avadāna-Bruchstücke (I–VIII). APAW. 1922. №2.

ки в Европе. Многие авторы давно отмечали, что медицина и медицинские школы Востока сыграли большую роль в зарождении интеллектуальной культуры как Средневековья, так и новейшего времени⁴¹. В этом плане нельзя не согласиться с В. Эберманом: «Заинтересованные чисто практической стороной дела, представители национальности, вступающей на арену умственно-культурной жизни, переводят на свой язык сначала сочинения по медицине, а потом одновременно начинается перевод сочинений по философии и другим отраслям науки. Затем совершается переход к оригинальной творческой работе; медицина теряет своё преобладающее значение, являясь, таким образом, международным проводником умственной культуры»⁴².

Багдадская школа дала много знаменитых медиков, среди которых такие известные учёные, как: ат-Табари (IX в.), Али ибн Аббас (X в.), ар-Рази (IX в.), Сабит ибн Курра (IX в.), Коста ибн Лука (X в.), Авиценна (X–XI вв.), Аверроэс (XII в.) и др. Большинство этих учёных были неарабского происхождения. Так, в 800 г. в Багдаде была открыта новая большая больница христианским врачом Джibraилом ибн Бахтишу из Джундишапура.

Начиная с XII в., сочинения этих авторов проникают в Западную Европу, которая, будучи лишена всяких знаний оригинальных греческих источников, изучала эти сочинения через латинские переводы, сделанные с арабских оригиналов или с еврейских переводов последних. Таким образом, арабские медицинские труды служили для средневековых европейцев главным источником знаний по античной медицинской и иной литературе. А с появлением книгопечатания эти переводы арабской литературы составляли главный объём европейской печати вплоть до Ренессанса, когда европейцы впервые начали обращаться к греческим оригиналам⁴³.

Переводили с арабского на латынь не только труды Галена и Гипократа. Иудеи и мусульмане из Кордовы перевели на латынь более 70 работ вышеуказанных знаменитых врачей Халифата. Среди них многотомный труд «Аль-Хави» («Всеобъемлю-

---

⁴¹ Эберман В.А. Указ. соч. С. 48.

⁴² Там же.

⁴³ Гинцбург И.И. Указ. соч. С. 38.

щая книга») выдающегося врача и философа Абу Бакра Мухаммада ибн Закария ар-Рази (865–932). Этот трактат называли Медицинской энциклопедией. По каждой болезни автор приводил точку зрения греческих, сирийских, индийских, персидских и арабских врачей, а затем присовокуплял к ним собственные наблюдения и заключение⁴⁴. Медицинская наука стала проводником, как уже сказано, философии, математики, астрономии и филологии. Более того, именно из медицинских школ вышла философия как наука.

Арабская философия стала известной на латинском Западе главным образом через переводы трудов крупных учёных: Авиценны, аль-Фараби и др. Ряд христианских учёных сами знали арабский язык и опирались на арабские источники при написании своих сочинений на латыни. Однако переводы с арабского оставались главным источником влияния и распространения арабской философии. Первыми значимыми для философии арабо-латинскими переводами были труды по медицине и натурфилософии. Большая часть их была переведена в конце XI в. Константином Африканским в Италии, который, в отличие от более поздних переводчиков, пытался скрыть арабское происхождение своих текстов.

В Испании в первой половине XII в. было переведено несколько крупных астрологических текстов, в т.ч. «Большое Введение Аль-Бумасара» в астрологию, которое включало в себя много материалов из наследия Аристотеля. Переводы собственно философских текстов таких авторов, как аль-Кинди, аль-Фараби, Исаак Израэль, аль-Газали и Авиценна, а также произведений греческих философов, переведённых в своё время на арабский, осуществлялись во второй половине XII в. в Толедо, где работали два переводчика: Жерар Кремонский и Доминик Гундисальви. Трактат аль-Фараби «Перечисление наук», дважды переведённый ими, послужил образцом точности и правильности перевода для остальных переводчиков, став своего рода учебником по теории перевода арабских книг на латынь. Большой вклад в переводческую работу внесли еврейские перевод-

---

⁴⁴ Монтгомери Уотт У. Влияние ислама на средневековую Европу. М.: «Наука», 1976. С. 57-59.

чики, прекрасно владевшие несколькими языками. Особо нужно отметить перевод трудов Авиценны под руководством еврейского учёного Авен-Даута.

Было переведено большое количество античных работ по математике и астрономии, главным образом тех, которые для арабов представляли практический интерес. Затем эти работы уже переводились арабами и евреями в Испании на латынь.

Большое значение имела арабская литература для развития романской литературы и европейской поэзии. Её значение остаётся и поныне огромным для сравнительно-исторического языкознания и филологической науки Западной Европы. Языковая ситуация в Испании того времени ярко отражала огромное влияние, которое арабская наука оказывала на ту страну. В 1919 г. в в одном из своих выступлений крупный испанский исследователь влияния Востока на Европу Рибера⁴⁵ говорил: «Я повторяю (и буду повторять постоянно, так как этого требует справедливость), что такими же испанцами были мусульмане полуострова: испанцами по расе, испанцами по языку, испанцами по своему характеру, вкусам, пристрастиям и гению...»⁴⁶.

А ещё за 7 лет до этого в речи об Ибн Кузмани он высказал свой взгляд на язык и поэзию мусульманской Испании следующим образом. Семитизм стал составным элементом национальности испанских мусульман, но при этом не превалируя над романским, что не позволяет называть их ни семитами, ни восточными людьми уже с третьего или четвертого поколения после завоевания. Даже мусульманские фамилии, которые гордились своим арабским происхождением, в семейном обиходе обычно пользовались европейским языком – испанской ветвью романского, во всяком случае, до середины XII в. В арабской Испании существовало два народных языка (арабский и романский), на них говорили одни и те же люди: романский в семейной жизни, арабский – в официальной (в школах, общественных учреждениях и т.д.). Благодаря такому сосуществованию возникла сме-

---

⁴⁵ Хулиан Рибера и Тарраго (Julian Ribera y Tarrago) – 19 февраля 1858 – 2 мая 1934 – крупный испанский арабист, востоковед, профессор.

⁴⁶ Крачковский И.Ю. Полвека испанской арабистики // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Т. IV. Ленинград: издательство Академии наук СССР, 1930. С. 15.

шанная поэзия, в которой ясно проявились европейские и восточные влияния. Эта поэзия, презираемая приверженцами классической литературы, была понятна не только андалусскому народу, но и тем европейцам, которые проводили некоторое время в Андалусии, хотя и не так понятна нам теперь. Интимная и культивировавшаяся сперва в семье и низших социальных слоях, она постепенно проложила себе путь в высшие классы общества, превратившись в новую литературу Испании. В этой поэзии нет места образам аравийской пустыни. Она воспевает те же образы, которые в позднейшие века были широко представлены в европейских литературах, облекается в поэтические формы, отличные от классических восточных. В ней появляются стихи и рифмованные строфы на романском диалекте, очень похожем на галльский и португальский языки, свойственные наиболее архаичной испанской лирике.

Таким образом, уже с третьего или четвёртого поколения после завоевания мусульмане в Испании как арабского происхождения, составлявшие меньшинство, так и из местных христиан были билингвами. Кроме официального арабского языка они пользовались романским в повседневной жизни и даже в общественных отношениях. Сосуществование и симбиоз победителей и покоренных привели к сохранению романского языка у последних (большинство) и усвоению его первыми (меньшинство).

Языковая картина в тогдашней Испании получается достаточно сложной и красочной. Параллельно существовали два литературных языка – классический арабский и классический латинский и два народных – арабский народный и вульгарная латынь (зарождавшийся романский). Классическая латынь сохранялась как язык религии (а в некоторые периоды и в некоторых областях как язык литературы) христианами, которые оставались в Андалусии во время мусульманского владычества. Арабский классический язык как литературный не был исключительным достоянием мусульман, им пользовались и андалусские христиане. На это жаловался Альваро Кордовский, говоря, что его единоверцы бросают чтение латинских книг, увлекаясь арабскими, и, забывая свой язык, на арабском сочиняют даже стихи⁴⁷.

---

⁴⁷ Крачковский И.Ю. Арабская культура в Испании. АН СССР. Ин-т востоко-

Арабский народный язык и вульгарная латынь были языками, которыми одинаково пользовались одни и те же лица – не только христиане мусульманской Испании, но и мусульмане Андалусии⁴⁸. Подтверждением того, что романский язык употреблялся во всех слоях населения Кордовы, даже в трибуналах и халифском дворце, служит хроника ал-Хушани. Знаменитый Ибн Кузман, например, активно внедрял романский язык в литературу, излагая свои строфы на арабском разговорном диалекте и активно пользуясь романским. Эти факты очень важны для характеристики литературы того времени и для ранней истории кастильского языка.

Специалисты по романским языкам в исследованиях кастильского языка и развития романских языков констатировали, что ранее X в. материала практически нет, так как латинский был тогда единственным письменным языком. В документах могли только иногда попадаться образцы кастильского разговорного языка. Испано-арабская литература открывала новый и неожиданный источник по раннему периоду романских языков: большой и интересный материал, особенно по романской лексике, которая была в употреблении и у мусульман, и у христиан Андалусии. Этот материал одинаково интересен с точки зрения фонетики и семантики. Он раскрывает перед исследователем ранние этапы эволюции романского языка в ещё бесписьменный период⁴⁹.

Значение испано-арабской литературы трудно переоценить, и эта область филологии пока еще, как ни странно, недостаточно изучена. Андалусская поэзия была широко представлена такими еврейскими авторами, писавшими по-арабски, как Шмуэль Ха-Нагид, Моше Ибн-Эзра, Йегуда Галеви, Шломо Ибн-Гви-роль⁵⁰. Это влияние на литературу, филологию и философскую мысль Европы не прекращалось и позже (в XV–XVI вв.). Достаточно обратиться к поэзии Данте или Марсилио Фичино, где тоже находятся нити, связывающие эти произведения с Востоком.

Мистическая поэзия Алишера Навои, писавшего на староуз-

ведения. Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1937. С. 21.

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ Крачковский И.Ю. Полвека испанской арабистики... С. 15-17.

⁵⁰ Еврейская поэзия средневековой Испании / под общ. ред. Х. Ширмана, пер. В. Лазариса. Иерусалим. 1981.

бекском (чагатайском) и арабском языках, оказала влияние на становление литературы Западной Европы. Это хорошо видно из содержания его поэзии. Алишер Навои пишет свои бейты под явным воздействием суфийских традиций о земной любви как аллегории любви небесной, любви к Богу, слияния с божественным. При этом его произведения обнаруживают и явное сходство с поэзией западноевропейских неоплатоников, в частности Ренессансного (Флорентийского) неоплатонизма, ярким представителем которого был итальянский философ Марсилио Фичино. Кстати, его годы жизни (1433–1499) приходятся как раз на годы жизни Алишера Навои (1441–1501). В связи с этим большой интерес представляет содержание главного философского трактата Фичино «Платоновское богословие о бессмертии души» (опубликовано в 1482 г.).

И в этом плане вполне справедливо замечание В.М. Жирмунского: «...широкая струя любовной лирики развивается под знаком христианского платонизма, философия возвышенной любви, рассматривающей чувство к возлюбленной как аналог или аллерию божественной любви»⁵¹. Анализируя явное сходство поэзии Данте (символический образ Беатриче как воплощение божественной любви в земной, человеческой оболочке) или лирики Петрарки с мистической поэзией Навои и других поэтов Востока, В.М. Жирмунский пришёл к ещё более интересному выводу о первоначальном влиянии Востока на Запад, в частности, на поэтов эпохи Ренессанса.

Несколько слов следует сказать и об арабском влиянии на европейскую музыку. Уже цитировавшийся выше Рибера давно выдвигал тезис об арабском происхождении романской лексики в области музыки и музыкального искусства. Его подробная статья на эту тему так и называлась «Арабское происхождение романских слов, связанных с музыкой» (1928)⁵². В 1927 г. в популярной серии *Collección Hispania* Рибера изложил результаты своих исследований в этой области в отдельной мо-

---

⁵¹ Жирмунский В.М. Алишер Навои и проблема Ренессанса в литературах Востока // Сравнительное литературоведение. Л.: «Наука», 1979. С. 174.

⁵² Крачковский И.Ю. Полвека испанской арабистики... С. 30; Ribera J. La música árabe y su influencia en la española. Vol. 1. Madrid. 1927. См. также: Ribera J. La música andaluza medieval en Europa II, 1928. P. 133-149.

нографии на 355 страниц под заглавием «*La música árabe y su influencia en la española*» (1927).

* * *

Как показывает всё вышеизложенное, проблема влияния арабской науки на европейскую культуру освещена в научной литературе лишь в общих чертах. При этом до сих пор не выполнена научная работа по более глубокому исследованию каждой отдельно взятой отрасли и истории её влияния на соответствующую отрасль науки в Европе в указанный период. Скорейшее фундаментальное исследование влияния арабской науки на становление европейской медицины, философии, астрономии, математики, химии и фармакологии даст европейской науке доступ к ещё не исследованным, но значительно опередившим даже современные научные технологии знаниям. Это может привести к значительным открытиям в современной науке в таких областях, как астрофизика, медицина и математика.

В связи с этим нам видится целесообразным ввести в ближайшем будущем специальный раздел в истории европейской науки, посвящённый влиянию арабской науки на становление научной школы в Европе и на европейскую культуру. Также был бы полезен спецкурс (возможно в рамках «истории медицины») в высших медицинских учебных заведениях, посвящённый истории арабской медицины и её влиянию на европейскую медицинскую науку. Многие трактаты, которые не потеряли свою актуальность в теории медицины и фармакологии, до сих пор не переведены на европейские языки. Поэтому можно сказать, что более детальное изучение арабской науки может положительно отразиться на совокупном научном знании в современном мире.

ГЛАВА 3. УЧЕНИЕ О ВСЕОХВАТНОЙ БОЖЬЕЙ МИЛОСТИ КАК ОСНОВА НОВОГО МУСУЛЬМАНСКОГО ДИСКУРСА В ДИАЛОГЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Муса Джаруллах Бигиев (1875–1949) – выдающийся татарский религиозный мыслитель, теолог, педагог, издатель, публицист, общественный деятель, автор десятков богословских, ре-

лигиозно-философских и научных трудов и публикаций. Имя этого человека относится к длинному списку имён выдающихся представителей татарского народа, которые надолго были вычеркнуты из истории, несмотря на то что они все свои силы и жизнь посвятили служению интересам простых людей.

В то же время имя Мусы Бигиева стоит особняком в ряду его современников, выдающихся татарских общественных и политических деятелей: Гаяза Исхаки (1878–1954), Садри Максуди (1878–1957), Юсуфа Акчура (1876–1935), Мирсайта Султангалиева (1892–1940) и многих других. В эпоху поголовного увлечения модными социальными идеями конца XIX – начала XX в. – либерализмом, социализмом, марксизмом – М. Бигиев оставался апологетом исламских религиозных ценностей и видел будущее татарского народа, других мусульманских наций и всего человечества только в лоне этого религиозного учения.

Время показало, что Муса Бигиев намного опередил свою эпоху. Его идеи, нашедшие в своё время многочисленных сторонников как в России, так и в мусульманском зарубежье, на его родине, в силу понятных причин, были преданы забвению, а его имя было фактически запрещено упоминать. Что касается зарубежного мусульманского сообщества, интеллектуальная элита которого имела возможность непосредственно знакомиться с трудами М. Бигиева, то оно было охвачено идеями национально-освободительной борьбы, направленной против колониализма. В таких условиях зарубежные мусульмане легко принимали идеи национализма и воодушевлялись лозунгами борьбы за национально-государственную независимость. Именно в те годы на мусульманском Востоке обозначились тенденции отказа от исламских институтов права и принципов организации жизни социума. С обретением независимости стали создаваться государственно-правовые институты, основанные на принципах секуляризма и строительства общества по западным моделям.

Однако нельзя однозначно утверждать, что в странах с древней мусульманской традицией и религиозно-мотивированным населением произошёл полный отказ от ислама. В эти годы в подобных государствах мусульманского Востока возникали многочисленные религиозно-политические движения, исповедовав-

шие самые различные ценности. Однако они в основном оставались в политическом андеграунде, поскольку априори рассматривались как оппозиция действующим светским властям.

Последняя четверть XX столетия ознаменовалась двумя важными событиями геополитического характера. Во-первых, в 1979 г. произошла исламская революция в Иране. Во-вторых, канул в лету социалистический лагерь во главе с Советским Союзом. Последствия этих двух событий продолжают напоминать о себе даже сегодня, если не сказать больше: возможно, будущее цивилизации напрямую зависит от них. Казалось, что западный империалистический блок во главе с США после сокрушительной победы над своим соперником сможет без труда утвердиться на троне мирового господства и диктовать всему миру свои правила. Казалось, что проблема т.н. «третьего мира» отныне будет решена бесспорно в пользу Запада. Однако всё оказалось не так просто: в полный голос заявил о себе религиозный фактор, сила традиции и религиозных убеждений. Ведущие политологи современности признают, что развитые страны Запада не смогли навязать миру свои стандарты. Их лидерство в технологиях, промышленном производстве, экономике бесспорно. Но в области насаждения своих духовных ценностей они потерпели фиаско.

С окончанием эпохи антагонизма двух геополитических блоков, где страны т.н. «третьего мира» играли незначительные роли, началась эпоха противостояния мировых цивилизаций, среди которых подобные государства зачастую уже сами задают тон.

Выделяется несколько культурно-цивилизационных общностей: буддистская, мусульманская, индуистская, католическая, православная и протестантская. В основе деления лежат не этнические или расовые, а сугубо религиозные факторы. Положение усугубляется тем, что мир стал многополярным. В некоторых случаях наблюдается феномен глубокого проникновения пришлых культурных общностей в автохонную, но чуждую в культурно-религиозном и географическом аспектах среду, вызывающего драматические, а порой и трагические потрясения. Можно вспомнить миграционный кризис, переживаемый странами Западной и Восточной Европы. Приезжие, в основном мусульманские, массы из различных стран Востока настроены достаточно

агрессивно (причём не только по отношению к европейцам, но и к друг другу) и не намерены интегрироваться в жизнь на новом месте. Они убеждены, что Запад виноват перед ними и призван обеспечить им должный уровень жизни, не посягая при этом на традиционные устои жизни «новых европейцев».

Таким образом, Европа стала ареной соперничества двух социально-культурных укладов и двух мировоззренческих систем: западной постхристианской и т.н. исламской. Здесь сталкиваются и противостоят друг другу провозглашаемые этими системами ценности, отношение к окружающему миру, естеству человека, разуму и т.д.

Но транслируемая мигрантами на Западе форма представлений об исламе далека от модели, сформированной и воплощённой в реальность при жизни пророка Мухаммада как основателя первого исламского социума. Возникла невероятная по степени своей абсурдности ситуация, когда мигранты-мусульмане ищут лучшей доли в странах, населённых, с их точки зрения, неверными, стремятся установить в этих странах свои т.н. «шариатские» порядки, намереваются исламизировать коренное население. При этом они совершенно не понимают, что при существующем в их головах представлении о том, каким должен быть ислам, исламизация Европы (если ей суждено случиться) приведёт к созданию ещё одного отсталого и погрязшего в средневековом мракобесии региона мира.

В этой связи интересно познакомиться с наследием Мусы Бигиева, который на заре XX в., т.е. на фоне тотального отступления традиционного ислама и потери им едва ли не всех своих социально значимых позиций, заявил, что в будущем всё человечество будет иметь честь добровольного принятия ислама. Однако насколько отличен ислам в понимании М. Бигиева от того «ислама», который несут на Запад мигранты!

Совершенно ясно, что этот выдающийся татарский религиозный философ и богослов – один из основоположников и теоретиков идеологии исламизма⁵³. Распространение научного на-

---

⁵³ Исламизм – в нашем контексте и в нашем понимании данный термин не несёт и не может нести негативной окраски, придаваемой ему СМИ и исламофобской пропагандой.

следия Мусы Бигиева способно свести на нет масштабные усилия определённых сил по очернению и дискредитации ислама. Религиозно-философское наследие этого мыслителя способно не только воскресить в душах потомков мусульманских народов интерес к религии своих предков, не только познакомить с истинным исламом и его выдающимся гуманистическим потенциалом, но и указать путь для обладателей разума и трезвомыслия, не желающих поддаваться общемировому тренду по превращению людей в бездумных потребителей с их одновременным расчеловечиванием.

В этой связи вниманию читателей представляется краткий очерк важнейшей составляющей религиозно-философского наследия Мусы Бигиева – учения о всеохватности Божьей милости, представленного в двух трудах: «Доказательства Божьей милости»⁵⁴ и «Взгляд на верование людей в божество»⁵⁵.

Упомянутые труды учёного были написаны на основе лекций, которые Муса Бигиев впервые озвучил ещё в 1909 г., когда был принят на преподавательскую работу в знаменитое оренбургское медресе «Хусаиния»⁵⁶, отличавшееся своей приверженностью джадидизму. Здесь, на занятиях по истории религий, М. Бигиев и познакомил своих слушателей с концепцией о всеохватности Божьей милости.

Вкратце эта концепция звучит следующим образом: поскольку человеческая религиозность и вероубеждения – результат перманентной духовной эволюции человечества как единого организма, то все религии, соответствуя определённому уровню духовного развития того или иного человеческого сообщества, истинны. Следовательно, рано или поздно все люди будут прощены Создателем, независимо от того, какой веры они придерживались при жизни. Это означало, что описываемые в Ко-

---

⁵⁴ Бигиев М. Рэхмэт илаһия борһаннары. Типография газеты «Вақыт» в Оренбурге, 1911. 96 с. (Арабская графика, татаро-османский яз.).

⁵⁵ Бигиев М. Инсаннарның гакыйдә илаһияләренә бер назар. Типография газеты «Вақыт» в Оренбурге, 1911. 25 с. (Арабская графика, татаро-османский яз.).

⁵⁶ Подробнее об этом периоде биографии М. Бигиева, а также о баталиях вокруг поставленной им проблемы см.: Айдар Хайрутдинов. Философия Божьей милости в трудах Мусы Джаруллаха Бигеева. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing RU, 2017. 154 с. С. 7-37.

ране адские муки, как и сама геенна, не могут быть вечными.

Приведём весьма показательную цитату об этом из трудов самого М. Бигиева: «Когда человек в своём веровании в божество движется от периода детства к вершинам истины, то только одному Аллаху известно, сколько и какие верования он при этом проходит! Но такое движение человека, эти его очень медленные шаги в любом случае являются верными и правильными шагами по Прямому пути. Подобно тому, как разум отдельно взятой личности развивается от младенческого состояния к совершенству мудрости, так и общечеловеческий разум непреклонно движется и развивается от своего детства к истинному верованию. Этот божественный обычай подтверждается и многочисленными аятами Корана. Например, в 56-м аяте суры «Худ» Священный Коран говорит: «Воистину, я уповаю на Аллаха, моего Господа и вашего Господа. Нет ни одного живого существа, которого бы Он не держал за хохол. Воистину, мой Господь – на прямом пути»⁵⁷.

Нет сомнения в том, что в данном аяте подразумевается каждый человек. И если хохол каждого человека находится во всевластной руке его Владыки, то каждый человек неизбежно оказывается на Прямом пути. Иными словами, когда человек развивается в своих верованиях от младенческого периода к периоду обретения истины, то каждый человек идёт по Прямому пути»⁵⁸.

Этот путь предначертан людям волею божьей мудрости для того, чтобы люди шли по нему и развивались постепенно и естественным образом. Поэтому нельзя наказывать человека за верования, которые он исповедовал на пути от периода младенчества к периоду истины»⁵⁹.

---

⁵⁷ Перевод Юсуфа Али. См.: Священный Коран с комментариями на русском языке. Н. Новгород: Издательский дом «Медина», 2007. 1742 с.

⁵⁸ Прямой путь (арабск.: ас-сырат аль-мустанким) – одно из фундаментальных понятий ислама, введённое Кораном. Согласно суннитским представлениям Прямой путь означает путь истины, указанный Всевышним Аллахом для богобоязненных мусульман, избравших своей религией ислам. Источник: <http://muslimclub.ru/znanie/words/p/18.html> MuslimClub.ru (дата обращения 28.07.2019).

⁵⁹ Бигиев М. Взгляд на верование людей в божество. Избранные труды. В двух томах. Т. I. / Пер. с осман.: Хайрутдинов А.Г. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. С. 133.

Знакомя слушателей со своими рассуждениями, Муса Бигиев подчёркивал, что в подобных воззрениях о природе Божьей милости он не был «первопроходцем». Действительно, похожие мысли высказывались ещё в первые десятилетия мусульманской эры ближайшими сподвижниками пророка Мухаммада. Позже эта тема обсуждалась мусульманскими учёными. В частности, об этом писали такие крупные мыслители Средневековья, как Мухийаддин ибн Аль-Араби (1164–1240) и Аль-Маарри (973–1057/58), Ибн Таймия (1263–1328) и Ибн Аль-Кайим Аль-Джаузия (ум. 1350).

Перечисленные выше гиганты исламской религиозно-философской мысли провозглашали, что все люди, вне зависимости от того, какого вероисповедания они придерживались при жизни, в потустороннем мире рано или поздно окажутся в сени божественной милости и будут спасены.

Обосновывая идею всеохватности Божьей милости, Муса Бигиев обращался в том числе и к наследию упомянутых мусульманских учёных. Интересно отметить, что вопрос всеохватности божественной милости привлекал внимание и христианских мыслителей. Выдающийся российский советский востоковед В.В. Бартольд (1859–1930) писал, что «Мистика приводила и христиан... к убеждению, что благодать Божья, единственный источник спасения, доступна людям всех религий, даже иудеям и сарацинам...»⁶⁰.

Однако Муса Бигиев пошёл дальше своих предшественников. Во-первых, он предельно ясно сформулировал саму проблему, которая в его постановке получила следующее звучание: насколько соответствует действительности общепринятое среди мусульман представление о том, что люди, которые по той или иной причине остались в стороне от ислама, т.е. люди, которые с точки зрения официальной исламской догматики были неверными (кяфирами), обречены на вечные мучения в аду? Во-вторых, М. Бигиев не ограничился логическими и этическими рассуждениями о всеохватности Божьей милости, но привёл

---

⁶⁰ Бартольд В.В. Сочинения: Т. VI. Работы по истории Ислама и Арабского халифата. М.: Главная редакция восточной литературы «Наука», 1966. 785 с. С. 120.

в пользу этой идеи ряд доказательств, восходящих к Корану и Пророческой сунне⁶¹.

Обратимся к некоторым из приведённых им доказательств, чтобы иметь представление о ходе мысли и особенностях интеллектуального анализа аятов Корана, которые он избрал в качестве базы для обоснования своего понимания природы Божьей милости.

Первое доказательство всеохватности Божьей милости М. Бигиев выводит из 156 аята суры «Преграды»: «...Он сказал: Наказанием Моим Я поражаю, кого желаю, а милость Моя объемлет всякую вещь. Поэтому Я запишу её тем, которые богобоязненны, дают очищение и которые веруют в Наши знамена...»⁶².

М. Бигиев обращает внимание на то, что, согласно данному аяту, Бог, хотя и наказывает по своему желанию, тем не менее сразу же напоминает, что все люди и все вещи находятся в сени Его милости. Из этого следует, что наказание ограничивается Божьим желанием (машиййат), тогда как упоминание о всеохватной милости выражено словом «вещь» (шай), имеющим самый широкий смысл, к тому же усиленным определением «все» (кулл). Основываясь на этих послылках, М. Бигиев выводит доказательство того, что каждый человек неизбежно и навечно находится в сени всеохватной Божьей милости⁶³.

Второе доказательство извлекается из толкования значения эпитета «ар-Рахман», одного из имён Аллаха. Это имя – составная часть сакрального зачина «Би-исми Аллах ар-Рахман ар-Рахим» («Во имя Аллаха милостивого, милосердного!»⁶⁴), предвещающего 113 из 114 глав Корана. Слова *рахман* и *рахим*, буду-

---

⁶¹ Пророческая сунна (арабск.: суннат расул Аллах, т.е. Обычай Посланника Аллаха) – обширный комплекс письменно зафиксированных примеров поведения, высказываний и наставлений пророка Мухаммада, его вербальной и невербальной реакции на те или иные события и ситуации. Пророческая сунна считается образцом для поведения каждого мусульманина и руководством для всей мусульманской общины. Также сунну принято считать вторым источником мусульманского права.

⁶² Коран. Перевод И.Ю. Крачковского. URL: <https://falaq.ru/quran/krac/7> (дата обращения 29.07.2019).

⁶³ Бигиев М. Рахмэт илаһия борханнары. Типография газеты «Вақыт» в Оренбурге, 1911. С. 42. (Арабская графика, татаро-османский яз.).

⁶⁴ Коран. Перевод И.Ю. Крачковского. URL: <https://falaq.ru/quran/krac/7> (дата обращения 29.07.2019).

чи однокоренными и восходя к корневому значению «милость», тем не менее образованы по разным морфологическим лекалам, что придаёт каждому из них определённое смысловое наполнение. Основываясь на различиях смыслов этих двух слов, традиционная исламская экзегетика убеждает мусульман, что выражение «Би-исми Аллах ар-Рахман ар-Рахим» подразумевает Аллаха, который в этом мире милостив ко всем своим творениям (ар-Рахман), а в потустороннем мире, т.е. в жизни, наступающей после смерти человека – только к мусульманам (ар-Рахим).

Будучи великолепным знатоком арабского языка, доисламской арабской поэзии, Корана, коранической риторики и арабской филологии в целом, М. Бигиев убедительно опровергает данное убеждение с позиций семантической морфологии. Он заявляет, что в силу особенностей словообразования слово *рахман* охватывает более широкий спектр смыслов, нежели более узкое по своим морфолого-смысловым характеристикам слово *рахим*. Это означает, что понятие *ар-Рахман* означает Аллаха, который в силу всеохватности своей милости, постоянно оказывает и будет оказывать её всем людям, тогда как понятие *ар-Рахим* означает божью милость по отношению только лишь к этому миру, да и то лишь применительно к человеческим деяниям и поступкам⁶⁵.

В качестве очередного аргумента в пользу всеохватности божественного милосердия М. Бигиев приводит 62-й аят суры «Корова», краткий перевод которой звучит так: «Поистине, те, которые уверовали, и те, кто обратились в иудейство, и христиане, и сабии, которые уверовали в Аллаха и в последний день и творили благое, – им их награда у Господа их, нет над ними страха, и не будут они печальны»⁶⁶.

Разъясняя смысл этого аята, М. Бигиев пишет: «В этом аяте ясно обозначена своего рода мать спасения, а именно – вера в существование Аллаха, повелевающего творить добро и отстраняться от зла, вера в День, когда воздастся за каждое доброе и злое деяние, совершённое при жизни. Если человек под влия-

---

⁶⁵ Бигиев М. Рэхмэт илаһия борһаннары. Типография газеты «Вақыт» в Оренбурге, 1911. С. 51. (Арабская графика, татаро-османский яз.).

⁶⁶ Коран. Перевод И.Ю. Крачковского. URL: <https://falaq.ru/quran/krac/2> (дата обращения 29.07.2019).

нием этих двух факторов отстраняется от зла и порока, усердствуя в добре и благе, тогда такой человек в своей будущей жизни добьётся вечного счастья»⁶⁷.

Говоря о всеохватности Божьей милости, М. Бигиев основной акцент делает на том, что мусульмане заблуждаются в понимании смысла того, что сказано в Коране. Беспощадно сокрушая основы традиционно прививаемого мусульманам чувства религиозного эксклюзивизма и богоизбранности, он пишет: «Например, в суре «Предвечернее время» Властелин миров Всевыш ий Аллах говорит: «Клянусь предвечерним временем! Поистине, человек ведь в убытке, кроме тех, которые уверовали, творили добрые дела...»⁶⁸. Употреблённое здесь слово «человек, люди» не означает европейцев или татар.

В Драгоценном Коране, в 141-м аяте суры «Женщины» Всевышний Аллах говорит: «И никогда Аллах не устроит неверным пути против верующих»⁶⁹. Подразумевается ли здесь, что первые это саксонцы, а вторые – индийские мусульмане или земледельцы Египта? Не является ли реальность прямо тому противоположной?

В 29-м аяте суры «Ангелы» Благородный Коран говорит: «Ведь боятся Аллаха из Его рабов знающие»⁷⁰. В качестве знающих, учёных мужей здесь не подразумеваются стамбульские ходжи, шейхи аль-Азхара, мевлевии Индии, дамеллы Бухары, российские му’аллимы и татарские муллы.

В 105-м аяте суры «Пророки» Драгоценный Коран говорит следующее: «И написали Мы уже в Псалтири после напоминания, что землю наследуют рабы Мои праведные»⁷¹. Здесь под словом «рабы Мои праведные» также не подразумеваются египетские крестьяне-феллахи, магрибские сенуситы, стамбуль-

---

⁶⁷ Бигиев М. Взгляд на верование людей в божество. Избранные труды. В двух томах. Т. I. / Пер. с осман.: Хайрутдинов А.Г. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. С. 140.

⁶⁸ Коран. Перевод И.Ю. Крачковского. URL: <https://falaq.ru/quran/krac/103> (дата обращения 29.07.2019).

⁶⁹ Перевод автора статьи.

⁷⁰ В переводе И.Ю. Крачковского аят приводится под номером 27. URL: <https://falaq.ru/quran/krac/35> (дата обращения 29.07.2019).

⁷¹ Коран. Перевод И.Ю. Крачковского. URL: <https://falaq.ru/quran/krac/21> (дата обращения 29.07.2019).

ские каландары, индийские нищие-факиры, татарские суфии, ишаны из Альметьевска, накшбандии из Бухары.

Властелин миров, Всевышний Аллах говорит в Благородном Коране: «И была обязанностью для Нас защита верующих»⁷².

Кого Он имел в виду, когда упомянул здесь «верующих»? Десятки миллионов индийских мусульман, оказавшихся в неволе у нескольких англичан? Мусульман-яванцев, ставших рабами Голландии? Или?..»⁷³.

Таким образом, Муса Бигиев подверг переоценке многие традиционные убеждения мусульман, сложившиеся не на основе знаний, излагаемых в источниках ислама, а сформировавшиеся под влиянием внешних объективных и субъективных факторов. Как видим, М. Бигиев был совершенно не согласен с широко распространившейся среди мусульман убежденностью в обречённости т.н. «неверных», т.е. представителей немусульманских народов, на вечные муки в аду. По мнению М. Бигиева, это убеждение не имело под собой основы, поскольку, во-первых, оно противоречит провозглашаемому Кораном принципу наместничества (*хилафа*) человека на Земле, а во-вторых, не согласуется с фундаментальными установками ислама о безграничном милосердии Всевышнего и Его всеобъемлющей мудрости.

Обратив внимание на тот факт, что люди, проживая свои жизни в границах отпущенного им исчезающе малого по сравнению с вечностью вселенной отрезка времени, больше страдают, чем наслаждаются, М. Бигиев поставил вопрос о несоизмеримости наказания человека за совершённые им прегрешения, за которые его ожидают неописуемо ужасные и вечные муки ада. В этой связи мыслитель задаётся вопросом: может ли Бог, давший человеку краткий миг жизни, полной страданий, а затем обрекающий его на вечные муки, быть Милостивым и Милосердным Богом, каковым Он себя раз за разом называет?

В конце концов М. Бигиев пришёл к кардинальной переоценке природы всеобъемлющей милости Аллаха, которая была выражена им в учении о всеохватности Божьей милости.

---

⁷² Коран. Перевод И.Ю. Крачковского. URL: <https://falaq.ru/quran/krac/30> (дата обращения 29.07.2019).

⁷³ Бигиев М. Рэхмэт илаһия борһаннары. С. 81-82.

Данное учение знаменовало качественный скачок в трансформации представлений о Боге и его отношениях с человеком, подняв данный вопрос на принципиально новый философский и этический уровень.

Идеи Мусы Бигиева и его интерес к вопросу о сути отношений между Богом и человеком сформировались в условиях современных ему российских реалий начала XX в., когда татары, проживая на своих исторических территориях, оказались нежелательным инородческим меньшинством в окружении обласканного государством христианского большинства. Несмотря на это, провозглашённые выдающимся мыслителем идеи востребованы и сегодня, в том числе в условиях миграционного кризиса, принявшего глобальный характер. Сущностные параллели между двумя социальными реальностями очевидны, пусть в силу определённых исторических особенностей они и не совпадают в полной мере.

М. Бигиев пришёл к новаторскому осознанию природы Божьей милости будучи представителем татаро-мусульманского социума, осознававшего своё плачевное состояние. При этом народная память хранила картины великого прошлого: самостоятельную государственность, свободно исповедуемую религию, развитую культуру. Отсюда происходило, мягко говоря, настроенное отношение к русским и к национальной политике государства в отношении инородцев, которое раз за разом показывало татарам их место. В таких условиях у народа оставалась единственная духовная «отдушина» – ислам, и его нюансы, описанные в тысячах религиозных книг. Здесь народ черпал знания о том, что всем последователям ислама обещается грядущее райское блаженство, а всем притеснителям и гонителям мусульман – вечные муки в аду.

В подобных условиях водораздел между такими этическими и духовными категориями, как богоугодный и богопротивный, легко утратил своё первоначальное значение и приобрёл, на наш взгляд, несколько иную форму. Согласно кораническому исламу, люди разделены на две категории: верующие (му'мины), т.е. верующие в Бога, и т.н. «неверные» (кяфиры). Первые – богоугодные, а вторые – богопротивные. Быть в числе первых означает

быть покорным Богу, совершать то, что велено Им, и воздерживаться от того, что Им запрещено. Это – минимум, необходимый для того, чтобы заслужить Божью милость. Богопротивные при этом – своего рода зеркало, в котором верующий видит образец того, каким быть нельзя. В данном различии (и именно на это обратил внимание М. Бигиев) отсутствует какой-либо намёк на религиозную, этническую или иную идентичность.

В упомянутой выше этно-конфессиональной ситуации в Российской империи в этом «зеркале богоугодности» оказались христиане-русские, автоматически оценённые покорёнными мусульманами как богопротивные. Так в национальном сознании российских мусульман-татар произошла подмена ценностей: мы – богоугодные, ибо мы – мусульмане, а против нас – богопротивные, неверные, которым гореть в аду.

Но если отгаликовать от учения Корана, то очевидно, что последнее неверно, поскольку русские, христиане, признаются в Исламе как «Обладатели Священного писания», т.е. община, живущая по канонам предшествующей Исламу богооткровенной религии. В свете вышесказанного каких-либо гарантий того, что христиане-русские окажутся в огне ада, просто нет.

В эпоху, когда Муса Бигиев решал вопрос о природе Божьей милости, горечь утраты самостоятельности и притеснения со стороны властей, выразившиеся в том числе в гонениях на ислам, сыграли с мусульманами злую шутку: они погрузились в состояние самоуспокоенности, считая, что у них уже есть «путёвка в рай», поскольку каждый день они видели в «зеркале богопротивности» своих соседей-христиан, которые, по их мнению, гарантированно должны были попасть в ад. Глобальный контекст в тот момент выглядел так же, только речь шла о противостоянии мусульманских социумов и колониальной политики западных держав.

Подобная самоудовлетворённость и успокоенность мусульман «гарантированным» им раем, по мнению М. Бигиева, стали одной из причин искажений в понимании сути ислама. Теперь и речи не могло быть о духовном самосовершенствовании, поскольку для попадания в рай достаточно было произнести символ веры и совершать обряды. Резко ухудшилась нравственная

атмосфера мусульманского социума, человеческая мораль стала терять свои лучшие качества, поступки людей стали несовместимыми с принадлежностью к общине ислама. Но люди этого не замечали, ибо по причине потери духовной бдительности в «зеркале богоугодности» воцарилось ошибочное изображение.

У рассматриваемого вопроса имеется и другая сторона, отражающая состояние потаённых глубин внутреннего мира человека. Приятие или неприятие мусульманами учения о всеохватности Божьей милости позволяет выяснить степень духовной зрелости личности, обнажая её сокрытые пороки. Люди, называющие себя верующими в Бога, должны осознавать, что они всего лишь Его служители, рабы. И как бы ни относилась одна группа рабов к другой, судьбу и тех, и других в конце концов решает Создатель. Неприлично считать себя ближе к Богу только потому, что ты мусульманин, ведь культурно-религиозную среду не выбирают, как и родителей. Мусульманам лучше было бы вспомнить, что Аллах ведёт по пути истины того, кого пожелает, и не ведёт того, кого не желает вести. Нужно смириться с тем, что Аллах Сам решал, решает и будет решать впредь участь своих созданий. Мусульманин, признающий всеохватность милости Аллаха, ничего не теряет, ведь это нисколько не ограничивает его стремление искренне и самозабвенно служить Ему и не превращает это его стремление в сизифов труд.

Существует известное мусульманское предание о том, что из двух соседей, один из которых мусульманин, а другой – «неверный», Аллах накажет именно мусульманина за то, что тот не поделился своим духовным богатством с соседом. Иными словами, для мусульман соседствующие с ними иноверцы – это испытание нравственного совершенства и готовности делиться благами и знаниями, которыми Аллах их облагодетельствовал. Быть мусульманином – это ежесекундный духовный труд и самосовершенствование на пути к Богу, а не предвкушение наслаждения от созерцания мук, в которые якобы будут ввергнуты те, кто думал и жил иначе.

Поскольку М. Бигиев обосновал своё понимание природы Божьего милосердия в полном соответствии с традициями мусульманского богословия, его невозможно упрекнуть в прене-

брежительном отношении к источникам ислама и в интеллектуальном произволе. Его учение о всеохватности Божьей милости, предполагающее спасение всех людей независимо от религии, которую они исповедовали – это выдающийся вызов, ставящий мусульманский социум перед необходимостью выбора между внушёнными и укрепившимися за века убеждениями и собственно кораническим откровением.

Их выбор определит будущее отношений между мусульманами, по различным причинам оказавшимися в инокультурной среде, и обществами, которые открыли им возможность для обустройства жизни вдали от исторической родины. В свете сказанного совершенно очевидна сохраняющаяся актуальность учения о всеохватности Божьей милости и необходимость его дальнейшей популяризации для воспитания высокой культуры межнационального и межконфессионального общения в современном мире, характеризуемом этно-культурной и религиозной пестротой.

ГЛАВА 4. ХРИСТИАНСКАЯ МИССИЯ В ИСЛАМСКОЙ СРЕДЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Христианская традиция на Северном Кавказе имеет глубокие корни. Ислам и христианство фактически на равных могут считаться историческими религиями народов этого региона. В то же время судьба христианской веры на этой земле трагична: она была постепенно вытеснена исламом в период с XIV по XIX вв. При этом Северный Кавказ мог бы претендовать на роль древнейшего ареала распространения христианства. Византийские миссионеры основывали здесь первые общины уже в IV в., древнейшие храмы относятся к временам Аланской епархии X в. (Архыз, Карачаево-Черкессия). Адыгская этика в Кабардино-Балкарии сочетает в себе элементы ислама и христианства.

Однако к концу XIX в., когда Северный Кавказ оказался полностью под контролем России, православие стало верой почти исключительно русского населения, в основном казаков, которых целенаправленно переселяли на Кавказ в качестве опоры русской власти. Ислам уважался как вера местного населения

(лишь среди осетин и кабардинцев тогда были христиане). Период советской атеизации и отток русского населения с Северного Кавказа в 1990-е гг., казалось бы, поставили крест на христианском будущем региона. Но христиане вновь пустили корни во многих республиках Северного Кавказа. Постсоветская христианизация возвращает коренные народы к средневековой традиции.

Но в отличие от Средневековья, теперь на Кавказе не одна византийская традиция, а много различных христианских конфессий, каждая из которых предлагает свой путь «к корням». Прежде всего, на миссионерском поле региона с начала 1990-х гг. оказались православные и протестанты. Эта ситуация повторяет ту, которая сложилась в конце XIX в., когда среди русского населения православные священнослужители конкурировали с евангельскими движениями молокан и духоборов (существовали с конца XVIII в. как русский вариант протестантизма), а позднее и с баптистами (в то время эта миссия не затрагивала местное население).

Перестройка и распад СССР открыли двери любым миссионерам. Наряду с возрождением национальной культуры, интересом к исламу, в северокавказском обществе бурно развивались протестантские миссии, а православие долгое время оставалось чрезвычайно слабым. В начале 1990-х гг. общины Русской православной церкви (РПЦ) создавались русскими и лишь некоторыми обращёнными в православие из коренных народов. Приходы Ингушетии, Чечни фактически исчезли из-за оттока русских и Чеченских войн (священники РПЦ поддерживали боевой дух солдат, баптисты и пятидесятники раздавали Евангелия). Большой отток русских из Дагестана резко ослабил и так немногочисленные приходы этой республики. Целенаправленной миссии на Северном Кавказе православные не вели. Ситуация стала меняться только в 2010-е гг. благодаря общей стабилизации в регионе, административной реформе патриарха Кирилла и организации новых епархий на фоне миссионерского и социального подъёма внутри самой РПЦ.

Современное православие в регионе представлено РПЦ, у которой есть епархии в каждом регионе, кроме Ингушетии. Са-

мая большая – Ставропольская митрополия во главе с митрополитом Кириллом (Покровским). Она включает в себя Ставропольскую епархию (193 прихода, 191 священник и диакон)⁷⁴, Георгиевскую епархию (103 прихода, 80 священнослужителей (клириков)) и часть приходов Пятигорской епархии. Последняя частично располагается в Ставропольском крае, но также включает в себя республики Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия. Возглавляет епархию архиепископ Пятигорский Феофилакт (Курьянов), в неё входят 164 прихода и 167 клириков. Владикавказская епархия во главе с архиепископом Леонидом (Горбачевым) включает в себя территорию республики Северная Осетия (Алания), всего зарегистрировано 39 приходов⁷⁵. Махачкалинская епархия во главе с архиепископом Варлаамом (Понмарёвым) включает в себя Ингушетию, Чечню и Дагестан (всего 28 приходов, 31 клирик)⁷⁶.

Протестантской миссией занимаются баптисты, евангелисты, пятидесятники, адвентисты, лютеране. Численность их организаций в республиках Северного Кавказа лишь немногим меньше количества приходов РПЦ. К примеру, в республике с самым значительным присутствием христианского населения – Северной Осетии – 25 разных протестантских церквей и 39 приходов РПЦ из 108 всех зарегистрированных организаций. В самом русском регионе Северного Кавказа – Ставропольском крае – 334 православных прихода и 84 протестантских церкви из 498 всех религиозных организаций⁷⁷.

После 2012 г. в связи с усилением контроля за некоммерческими организациями в России наметилась следующая тенденция: массовая регистрация организаций РПЦ и превращение их

---

⁷⁴ Доклад митрополита Ставропольского и Невинномысского Кирилла на Епархиальном собрании. Пресс-служба Ставропольской епархии.05.02.2019. URL: <http://stavropol-eparhia.ru/doklad-mitropolita-stavropolskogo-i-nevinno-mysskogo-kirilla-na-eparxialnom-sobranii/> (дата обращения 10.03.2019).

⁷⁵ По данным портала о некоммерческих организациях Министерства юстиции РФ Minjust.ru. Информация представлена по состоянию на 29.04.2019.

⁷⁶ По данным официального сайта РПЦ Patriarchia.ru: Махачкалинская епархия РПЦ. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2674787.html> (дата обращения 05.03.2019).

⁷⁷ По данным портала о некоммерческих организациях Министерства юстиции РФ Minjust.ru. Информация представлена по состоянию на 29.04.2019.

главных конкурентов – протестантских церквей – в зонтичные структуры, в рамках которых регистрируется только базовая церковь, а все остальные существуют как религиозные группы. Таким образом, в регионах России евангельских общин и групп, как правило, в два раза больше, чем зарегистрировано.

Протестанты, как и православные, давно укоренились в регионе. В советский период существовали отдельные группы консервативных баптистов и пятидесятников, «братских лютеран», которые жили без пасторов и были похожи на баптистов. В 1990-е гг. лютеранские общины возродились там, где люди вспомнили о своих немецких корнях, в основном в местах, где исторически селились немецкие колонисты с XIX в. (часть их была меннонитами, но затем они слились с баптистским движением). Со временем появились общины на базе центров немецкой культуры или Российско-Немецкого дома, как в Ставрополе, и новые верующие, не связанные этническими корнями с лютеранством. Лютеранские общины есть в Ставрополе, Черкесске (столица Карачаево-Черкесии), Пятигорске (центре региона Кавказские Минеральные воды, часть Ставропольского края), в городах Майский и Прохладный (Кабардино-Балкария)⁷⁸.

Основное отличие православной миссии от миссии евангеликов в том, что РПЦ нацелена в первую очередь на условно русское население (а также осетин и адыгов-христиан) и не ведёт работу с местным мусульманским населением (в РПЦ принимают лишь тех, кто приходит самостоятельно, чтобы избежать прозелитизма). Лютеранская миссия фактически тождественна православной (в общинах – потомки русских немцев на Кавказе и русские). Католики привлекают людей с католическими корнями (поляков, белорусов, украинцев), а также ведут национальную миссию среди коренных народов, но опосредованно с помощью социальных и культурных проектов. Евангельские церкви, в отличие от католиков и православных, не сохранили национальных корней, поскольку уже в советское время были многонациональны, и не ограничивают себя в формах

---

⁷⁸ Визитация общин Северного Кавказа. Сайт Евангелическо-Лютеранской церкви России (немецкой). URL: http://www.elkras.ru/arhiv/arhiv_novostei/2015god/mai/vizitaciyaobshinsevernogokavkaza.jdx (дата обращения 03.10.2020).

прямой и косвенной проповеди среди местного населения. Следуя своим целям, христианские конфессии неизбежно привлекают потенциальных мусульман из числа народов Северного Кавказа, а также заимствуют друг у друга методы евангелизации.

Методы и широта миссии в большей степени объединяют протестантов с католиками, которым также удалось основать свои приходы и привлечь местное население. Хотя изначально католики создавали общины из тех, у кого были отдалённые католические литовские, польские корни.

Намного более многочисленным и распространённым движением, чем у католиков и лютеран, стало евангельское. Часть общин вышла из консервативных церквей советского времени, но большинство появилось в виде совершенно новых миссий баптистов, евангельских христиан, пятидесятников (харизматов).

Один из примеров нового типа миссии в РПЦ и диалога между конфессиями – деятельность Пятигорской епархии РПЦ (создана в 2011 г.). Её глава архиепископ Феофилакт провозгласил оригинальные принципы своего служения: «Церковь должна отстроить своё самостоятельное место в обществе, ей пристало быть частью, а иногда ареной общественных дискуссий и диалога. Добившись автономии от власти, церковь постепенно станет голосом народа перед властью. Мне постоянно приходят жалобы, и я защищаю людей»⁷⁹. Феофилакт терпим к религиозным меньшинствам – установил контакты с католиками и баптистами и принципиально готов к сотрудничеству с ними. По мнению Феофилакта, РПЦ – это естественный центр притяжения и объединения русского населения в горских республиках, особенно в казачьих станицах. Русские в национальных республиках – Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкессии – часто считают РПЦ выразителем своих интересов: «Русские здесь не гости, а такие же хозяева, как и горцы («жители гор», местное население)». Феофилакт считается с демократическими тра-

---

⁷⁹ Из интервью архиепископа Феофилакта с социологом Сергеем Филатовым (ноябрь, 2014). Филатов С., Лункин Р. Карачаево-Черкессия. Религиозно-общественная жизнь российских регионов. Т. II / ред. С. Филатов. М.; СПб.: Летний сад, 2016. С. 209-234.

дициями казачества, в частности, обычно удовлетворяет просьбы казачьих обществ о назначении в них конкретных священников. По свидетельству Феофилакта, у образованных горцев есть интерес к христианскому прошлому своих народов, но обращение в православие мало. Обращаются преимущественно женщины, чаще из смешанных семей. Есть криптохристиане. В республике заметны русские мусульмане. По оценке Феофилакта, их несколько сотен. Большинство – приезжие из других регионов России, все они радикалы⁸⁰.

В Нальчике, столице Кабардино-Балкарии, среди прихожан есть немного кабардинцев и балкарцев (большинство из смешанных семей), один священник – балкарец. В некоторых храмах в богослужении частично используется кабардинский язык. На Пасху 2014 г. кабардинский язык впервые частично был использован на богослужении в кафедральном соборе Нальчика. Одна из особенностей религиозной жизни в республике, как утверждает священник РПЦ Валентин Бобылев – это то, что кабардинцы, будучи мусульманами, посещают богослужение в православной церкви. Немногие принимают крещение и становятся практикующими православными, но интерес к данной религии есть. Как отмечает о. Валентин, «люди здесь на Северном Кавказе не переходят из одной веры в другую, а уходят от атеизма».

В Кабардино-Балкарии существует небольшая, но очень активная католическая община, состоящая из трёх приходов – Святого Иосифа (в Нальчике), Святого Семейства (в Прохладном) и Благовещения (в Благовещенке). Настоятель – француз, отец Лоран из Орлеана, принадлежащий к ордену Св. Иоанна. В приходах представлены поляки, русские, немцы, кабардинцы и балкарцы из смешанных семей. Серьёзная работа проводится с молодёжью, устраиваются летние лагеря «Каникулы с Богом». Отец Лоран, большой любитель конного спорта, в Благовещенке создал конюшню и обучает молодёжь конному спорту. При церкви существуют неформальные кружки «Друзей Церкви» и «Друзей французской культуры», объединяющие по преимуществу представителей горской интеллигенции. Сёстры ордена Матери Терезы оказывают помощь бомжам, нищим, инвалидам.

---

⁸⁰ Там же.

Наиболее активно национальной миссией занимаются баптисты. Существуют отдельные кабардинские и балкарские группы, которые собираются и читают Новый Завет и христианскую литературу на своих родных языках, также распространяемую миссией баптистов (Евангелие на кабардинский перевёл швед Лео Мартинсон). Пастор-балкарец Александр Мечиев объясняет мусульманам, что у них с христианами много общего. Например, мечеть переводится как Дом Молитвы, а мусульманин как «покорный Богу». Мечиев считает, что среди кабардинцев намного легче проповедовать, так как у них сохранились христианские корни в языке и именах. У балкарцев христианских корней уже меньше.

Христианская миссия неоднозначно воспринимается среди кабардино-балкарского общества. В редких случаях обращённых в христианство родственники лишают погребения в родном селе. Проповедуя в тюрьмах мусульманам, пастор говорит им, что он тоже правоверный, покорный Богу, человек. Тюремное начальство охотно пускает пастора к мусульманам, учитывая угрозу создания в зонах «джамаатов» (разделения на «зелёных» (мусульман) и «чёрных» (так «мусульмане» называют православных за то, что они, по их мнению, искажают Писание)).

В Черкесске успеха в миссии добилась церковь пятидесятников «Божий ковчег». Пастор церкви Гарик Кургинян полагает, что нельзя идентифицировать себя с исламом и Кораном, несмотря на то что там говорится об Иисусе. Надо не учить христианской философии, а прямо говорить о вере: о том, чтобы оставить всё, взять крест и идти за Христом. Поэтому те, кто заигрывали с мусульманами, остались малочисленными, а в церкви «Божий Ковчег» много новообращённых мусульман. Клановость и родственные связи Кургинян также рассматривает с точки зрения положительного влияния на миссию. Гонения со стороны представителей родов есть, но надо стараться служить всей семье.

В Москве, если обратить одного человека, то все потом не придут, а на Кавказе, если происходит одно исцеление, то приходит ещё пятеро, а иногда и вся родня. Поэтому церковь и не разрушает родственную систему. В общине складывается систе-

ма собственной клановости – общего братства. Карачаевцы, абазины легче идут в церковь, чем черкесы. Карачаевцы больше вспоминают свои христианские, аланские корни и традиции. Но и образованные черкесы интересуются христианством. Характерна ситуация, когда приходят «ваххабиты» и угрожают новообращённому христианину, а он им говорит – когда я был алкоголиком и наркоманом, вы мне не помогли, мне помогла церковь, и туда я буду ходить. Мусульманское население на Кавказе, как отмечает пастор, предназначено для христианской миссии протестантов, так как РПЦ формально не может работать среди народов Кавказа. При этом РПЦ активизировала свою работу с приходом епископа Пятигорского Феофилакта, стала применять евангельские методы, использовать национальные языки (в частности, на сайте епархии)⁸¹.

Все церкви Северного Кавказа по-разному и в разной степени столкнулись с проблемой преодоления местных запретов и стереотипов, а также принципов, которые существуют у самих церквей.

Во-первых, это связано с пониманием национальной миссии. В Московском патриархате официально придерживаются представления о том, что каждому этносу в России соответствует своя религиозная традиция, и народы мусульманской культуры должны принадлежать исламу. Это своего рода «каноническая территория» народа, на которую другим религиям лучше не заходить. Таким образом, формально РПЦ вроде бы не должна иметь национальной миссии на Кавказе, хотя в реальности она существует. Приходы и епархии РПЦ, как и любая христианская церковь, по мере активизации своей социальной и культурной работы не могут не выходить за рамки «русской веры», как многие коренные народы России называют православие.

У протестантов есть другая проблема. Для них национальная миссия и привлечение местного населения – это естественная миссионерская задача. Однако баптистам и пятидесятникам как фундаменталистам в восприятии истинности Библии и оправдания «только верой» культура по существу не нужна,

---

⁸¹ Филатов С. Кабардино-Балкария // Религиозно-общественная жизнь российских регионов. Т. II / науч. ред. С. Филатов. М.: Летний сад, 2016. С. 34-70.

традиции напоминают либо об исламе, либо о язычестве (как у осетин и адыгских народов – кабардинцев). Протестанты часто отвергают традиции, помогают молодому поколению становиться более похожим на молодёжь США или Западной Европы. Однако самые успешные протестантские церкви опровергают мнение о себе как об «антикультурных», потому что они так или иначе построены на национальной культурной миссии. Эта миссия включает элементы одежды, музыки, обычаев в церковную жизнь. Православные вслед за протестантами стали к концу 2010-х гг. использовать национальные языки в богослужении, распространять Евангелия на родных языках народов Кавказа.

Во-вторых, миссия у всех церквей связана с преодолением родовых и клановых связей. Православное духовенство не афиширует обращение местного населения в христианство (кроме открытой миссии в Северной Осетии), протестантские пасторы рискуют жизнью, но проповедают. В разных конфессиях появляются тайные верующие, которые не говорят о своей вере публично. Периодически миссионеры сталкиваются с враждебностью со стороны исламских радикалов, которые не раз захватывали в заложники евангелистов (граждан США) в Чечне и Дагестане в конце 1990-х гг.

В 2000-е гг. самой яркой и миссионерски активной была церковь пятидесятников «Осанна» в Махачкале. Её пастор Артур Сулейманов стал одним из первооткрывателей миссии среди мусульман (в основном, местных народностей – лакцев и аварцев). С начала деятельности церкви «Осанна» почти каждое воскресенье на служения приходили мусульмане и пытались сорвать собрание. Учащиеся исламских учебных заведений проводили антиевангелизацию. Национальную проблему в церкви решали с помощью грамотной работы с родственниками уверовавших дагестанцев. Некоторых неофитов выгоняли из дома, многим угрожали, но в церкви новообращённым говорили, что они должны ещё больше любить своих родственников. Конфликты часто выливались во встречи пастора Артура Сулейманова с родственниками, которые начинали возмущаться и угрожать, но пастор занимал миролюбивую позицию. И нередко сами возмущённые родственники становятся членами церкви «Осанна».

На юге Дагестана успешной была миссия норвежского проповедника Рика Фьосна среди другого народа – лезгин. На рубеже 2000-х гг. несколько проповедников в деревнях было убито. В 2010 г. после богослужения у своей церкви был застрелен сам пастор Артур Сулейманов (предположительно радикальным исламистом). Однако евангельская церковь продолжила своё существование. После этого никаких столкновений в республике уже не было.

Одной из последних антихристианских акций радикалов стала атака на храм в Чечне. В мае 2018 г. террористы попытались захватить заложников в православной церкви Архангела Михаила в Грозном, но были уничтожены. Сам храм РПЦ в столице Чечни был построен заново (после разрушения во время войны в 1990-е гг.) в 2009 г. усилиями главы Чечни Рамзана Кадырова.

Несмотря на трудности, Северный Кавказ – пример возникновения новых христианских церквей на основе традиций христианства, которые уже были утрачены, как в Кабардино-Балкарии. Уникальная ситуация сложилась в Северной Осетии, где христианство развивается одновременно с появлением националистов-язычников, рассматривающих многие храмовые комплексы как свои святилища и даже устраивающих нападения на древние храмы⁸². Новым стало то, что православные, протестанты, католики своей проповедью разрушают многие табу, которые ранее казались непреодолимыми (возможность изменения веры, выход за рамки родовых традиций, противопоставление своей веры родственным связям, отказ от полуязыческих традиций прошлого (например, у осетин и адыгов)). Христианство не только преодолевает клановые традиции, но и борется с советским предубеждением против религии как таковой и против агрессивного радикализма под исламским флагом (противопоставляя ему столь же сознательных и мотивированных верующих, но уже христиан).

---

⁸² Интервью архиепископа Леонида газете «Северная Осетия»: Алания приняла христианство осознанно и перспективно. Сайт Владикавказской епархии. 05.09.2018. URL: <https://blagos.ru/content/intervyu-arhiepiskopa-leonida-gazete-severnaya-osetiya-alaniya-prinyala-hristianstvo> (дата обращения 10.10.2018).

Наряду с протестантизмом, развитие Православной церкви на Северном Кавказе в 2010-е гг. помогает увидеть в «чистом» виде особенности демократизации и социализации православия, происходящие и по России в целом. Социальная активность и формирование реальных общин постепенно делают РПЦ значимой общественной силой, духовенство приветствует творческие инициативы прихожан, христианская миссия пробивает себе путь сквозь идеологические стереотипы, межконфессиональный диалог ломает сложившиеся представления о «традиционных религиях», среди которых политики и чиновники обычно не упоминают протестантов и католиков. Безусловно, новая христианизация Северного Кавказа стала важным фактором укрепления гражданского общества в регионе, очагом европейской культуры, обогащённой национальными традициями. Этот феномен может преподнести много замечательных сюрпризов, открыть новых местных лидеров и новые миссии, и именно укрепление этой миссии способно предотвратить новые войны и конфликты на Северном Кавказе.

ГЛАВА 5. САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ИСЛАМА В КРЫМУ ПОСЛЕ ВОССОЕДИНЕНИЯ С РОССИЕЙ*

После распада Советского Союза ислам на Крымском полуострове по существу развивался с чистого листа. Несмотря на богатые исторические традиции и распространение этой религии в Крыму (активная исламизация началась с XIII в.), появление мусульманской интеллигенции и просвещённого ислама на рубеже XIX–XX вв., связанного с именем идеолога джадидизма и новометодных школ Исмаила Гаспринского (Гаспарлы) (1851–1914), большевистская атеизация населения, а главное, депортация в 1944 г. народа – носителя ислама – крымских татар – не только прервали, но и почти уничтожили исламскую традицию в регионе.

С 1991 по 2014 гг. возрождение традиционного ислама происходило в тесном взаимодействии с развитием национального

---

* Глава посвящена особенностям существования мусульманских организаций Крыма в 2014–2016 гг.

движения и при одновременном росте новых миссионерских организаций, представители которых приезжали на полуостров из арабских стран и Турции⁸³. Законодательство Украины не ограничивало деятельность ни официально признанного Духовного управления мусульман Крыма (ДУМК), ни отдельных групп и течений. Духовное управление мусульман позиционировало себя как носителя «традиционного ислама», терпимого к различным проявлениям салафизма в общинах. Конфликты у «традиционных» мусульман возникали в основном с последователями движения «Хизб ут-Тахрир»⁸⁴. Первоочередными задачами крымско-татарского народа в лице Меджлиса, оказывавшего влияние на ДУМК, были приобретение политического влияния и экономическое обустройство в Крыму, включая «самозахваты» и узаконивание земель. Интересы самой сильной части крымско-татарского движения в лице лидеров Меджлиса фактически подменяли собой интересы и задачи Духовного управления мусульман. В прессе духовное управление часто называли «карманным Муфтиятом» или «отделом при Меджлисе». В результате, по признанию многих представителей крымской интеллигенции, полноценного национального возрождения после возвращения татарского народа на полуостров не произошло, а религиозное развитие не было столь активным. Ислам, как и во многих регионах постсоветского пространства, остался почти исключительно частью культурной самоидентификации народа⁸⁵. Различные исламские инициативы стали бурно развиваться лишь

---

⁸³ О начальном этапе развития ислама: Муратова Э. Ислам в современном Крыму: индикаторы и проблемы процесса возрождения. Симферополь: ЧП «Эльинь», 2008.

⁸⁴ Запрещена на территории РФ решением Верховного суда от 14 февраля 2003 г.

⁸⁵ Как отмечает Эльмира Муратова, «Большинство крымских татар – так называемые “светские” мусульмане. Ислам для них – это часть историко-культурной традиции народа, он присутствует в национальных обрядах и традициях. Поэтому, с их точки зрения, его нужно возродить, но только в тех формах и в тех объемах, которые “вписываются” в национальную культуру. Всё, что помимо этого, воспринимается как приносное, чуждое, вредное. Обязательные исламские нормы (намаз, пост, закят и др.) практикует небольшая часть крымско-татарского сообщества». «Межконфессиональный диалог в Крыму состоялся». Владимир Корягин. 09.04.2014. Gazeta.Ru. URL: https://www.gazeta.ru/science/2014/04/09_a_5985353.shtml (дата обращения 16.08.2017).

со второй половины 2000-х гг.

Присоединение Крыма к России разделило национальное и религиозное движения, поставив религиозный фактор на первое место и сделав Духовное управление мусульман самостоятельным религиозно-политическим субъектом взаимоотношений с властью и обществом. Вместе с тем более жёсткое российское законодательство о религии, нормы регистрации и регулирования миссионерской деятельности лишили мусульман и их лидеров того демократического поля свободы религии, которое существовало при Украине. Однако эти обстоятельства также способствовали усилению религиозного фактора в политике, поскольку религия в данном случае стала удобной опосредованной формой для отстаивания национальных и политических интересов.

Развитие ислама в Крыму до 2014 г. было освещено в целом ряде сборников и монографий – их авторы подчёркивают постепенный рост уровня мусульманского образования, роли ислама в повседневной жизни⁸⁶. Противоречия, ожидания и страхи после установления российской власти на полуострове Крым в 2014 г. были, в частности, проанализированы в статьях Э. Муратовой, Д. Мухетдинова и А. Хабутдинова⁸⁷.

По словам Муратовой, в обстановке растерянности большинства мусульман и конфликта внутри Меджлиса⁸⁸ стали воз-

---

⁸⁶ Муратова Эльмира. Ислам в современном Крыму: индикаторы и проблемы процесса возрождения. Симферополь: ЧП «Эльиньо». 2008; Beyond memory: the Crimean Tatars' deportation and return. GretaLynnUehling. New-York: Palgrave Macmillan, 2004; Ислам в истории и культуре Крыма: учебное пособие для учителей общеобразовательных школ / под ред. А. Исмаилова, Э. Муратовой; Таврический нац. ун-т им. В.И. Вернадского, Крымский инженерно-педагогический ун-т, Духовное управление мусульман Крыма. Симферополь: Таврида, 2013; Булатов А. Ислам в Крыму: от трагического прошлого к проблемам современности // Россия и мусульманский мир. 2013. №4(250). С. 51-74.

⁸⁷ Муратова Эльмира. Мусульмане Крыма в новых политических реалиях. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2016. №5. С. 163-171; Мухетдинов Д., Хабутдинов А. Крым: мусульманская община в контексте общего развития региона // Ислам в современном мире. 2014. №4(36). С. 51-58.

⁸⁸ 26 апреля 2016 г. Меджлис крымско-татарского народа во главе с Рефатом Чубаровым и Мустафой Джемилевым был признан экстремистской организацией Верховным судом Крыма, 29 сентября 2016 г. это решение подтвердил Верховный суд РФ и оно вступило в силу.

возможными несколько вариантов развития ситуации.

Первый, оптимистический, предполагал постепенную адаптацию крымских татар к новым реалиям и успешную интеграцию мусульманских лидеров в российскую исламскую среду, но требовал решения проблем крымско-татарского народа и исходил из того, что оппозиционеры эмигрируют из Крыма. Второй, пессимистический, подразумевал поляризацию крымского общества и нарастание протестных (радикальных) настроений среди мусульман. Третий, реалистический, предполагал консервацию на определённый срок нынешней ситуации, при которой сохранялось бы разделение общества на сторонников и противников изменения статуса Крыма, а «точечное» давление силовиков не провоцировало бы массовую радикализацию мусульман⁸⁹.

По словам Д. Мухетдинова, интеграция мусульман Крыма в российское исламское пространство в определённой степени стала неизбежна, несмотря на то что российские и украинские власти не приветствовали тесные связи Крыма с исламом в Татарстане, представленном в ДУМ РФ и ДУМ Татарстана. Контакты духовных управлений после 2014 г. открыли новые возможности для совместного развития религиозной жизни и культурных традиций⁹⁰.

Представленные в данной главе материалы основаны на полевых социологических исследованиях религиозной жизни, проведённых в Крыму в 2016 г.⁹¹ Было взято около 50 экспертных интервью у представителей органов власти, отвечавших за религиозную политику, представителей Духовного управления мусульман Крыма, отдельных мусульманских общин и движе-

---

⁸⁹ Муратова Эльмира. Мусульмане Крыма в новых политических реалиях // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2016. №5. С. 170-171.

⁹⁰ Мухетдинов Д., Хабутдинов А. Крым: мусульманская община в контексте общего развития региона // Ислам в современном мире. 2014. №4(36). С. 51; Мухетдинов Д. К вопросу о российском мусульманстве // Ислам в современном мире. 2015. Т. 11. №4. С. 81-90.

⁹¹ Дата проведения исследования: 2-9 октября 2016 г. Участники проекта: руководитель проекта Р.Н. Лункин, рук. Центра по изучению проблем религии и общества ИЕ РАН; М.Ю. Рошин, в.н.с. Института востоковедения РАН. Место проведения: Симферополь, Севастополь, Евпатория Республика Крым. Были опрошены несколько десятков представителей религиозных и национальных объединений Крыма.

ний, лидеров национальных организаций, журналистов, местных социологов, историков и музейных работников, священников и пасторов разных христианских конфессий, караимов.

Глава отражает общее понимание ситуации автором на базе интервью, основанных на социально-антропологическом подходе, предполагающем использование метода развёрнутых бесед с респондентами. Итоги таких бесед складываются в «насыщенное описание» (определение социолога К. Гирца)⁹². На примере исследования мусульманских организаций в Крыму хорошо видна сложность процесса реформатирования религиозной жизни и национального движения. В центре анализа – культурная и общественно-политическая роль ислама и религиозная политика властей в Крыму после 2014 г. на фоне российско-украинского кризиса, а также исламские организации в их взаимосвязи с властными структурами и национальным движением.

Ислам и национальное движение

Сохранение и укрепление крымско-татарского народа после переселения на родину в постсоветский период стали приоритетными для национального движения, представленного Курултаем и Меджлисом крымско-татарского народа. Меджлис был образован в 1991 г., а Духовное управление мусульман Крыма – в 1992 г. Ислам как религия через лидеров и общины ДУМК лишь в 2000-е гг. стал фактором, консолидирующим крымских татар на фоне других исламских движений, начавших появляться в Крыму. При этом национальное движение смотрело на религиозных лидеров как на подчинённую себе силу, а ислам рассматривался только в контексте крымско-татарского вопроса на Украине.

До 2014 г. 90% мусульманских общин Украины было сосредоточено в Крыму. По опросам Центра Разумкова, в 2011 г. 18% тех, кто назвал себя мусульманами, каждый день исполняли религиозные обряды. При этом почти 100% мусульман Крыма –

---

⁹² Клиффорд Гирц. Интерпретация культур. Культурология. XX век. Пер. с англ. / науч. ред. Елфимов А.Л., Матешук А.В. Издательство «Российская политическая энциклопедия». М., 2004. С. 31; Астахова Лариса. Интерпретативная антропология религии Клиффорда Гирца: религиозные практики как сети значений // Государство, религия и церковь в России и за рубежом. 2013. №3(31). С. 162-177.

крымские татары (в 2011 г. они составляли 12% населения полуострова). Укоренённость народа в исламской традиции очевидна. Уровень религиозности среди крымских татар соответствовал и даже превышал средний общеевропейский уровень практикующих верующих в РФ и странах ЕС⁹³. По данным ДУМК, около 10% крымских татар регулярно посещают мечеть и выполняют пятикратные намазы, около 30% ходят в мечеть по пятницам и около 60% – по праздникам.

21 апреля 2014 г. был подписан Указ Президента РФ №268 «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития». Удивительно, но при Украине не было принято ни одного подобного общегосударственного акта о судьбе и статусе крымских татар. Надежды части крымских татар на то, что Россия последует старому советскому принципу наций на самоопределение и предоставит народу государственность, оказались иллюзией. Указом 2014 г. в политической плоскости тема статуса крымских татар для российской власти была формально закрыта.

Однако определённая «запретность» национальной тематики ещё больше повысила роль ДУМК, поскольку заявлять о национальных интересах без большого политического риска стало удобнее опосредованно, через отстаивание религиозных и культурных традиций. Ранее быстрой переориентации ДУМК на российскую политику способствовал радикальный разрыв с основной на Украине национальной организацией крымских татар – Меджлисом, а вернее, с её руководством в лице Рефата Чубарова и Мустафы Джемилева. Эти политики начали резко критиковать РФ «за оккупацию Крыма». В итоге часть членов Меджлиса интегрировалось во властные структуры и руководство ДУМК, а другая преследуется в судебном порядке в Крыму.

В 2014–2016 гг. открытым оставался вопрос, удастся ли Духовному управлению мусульман (или нескольким мусульманским объединениям) перехватить повестку национального дви-

---

⁹³ Бекирова Э.Ш., Халилев Р.А. Ислам в Крыму: современное состояние и перспективы развития // Проблеми сучасної педагогічної освіти. Педагогіка і психологія. 2013. Вип. 40(1). С. 285-289.

жения и найти свой путь национально-религиозного возрождения. На полуострове было два духовных центра, связывавших свою судьбу с традициями крымских татар. Таврический муфтий относил себя к суфийскому направлению и состоял из нескольких десятков крупных общин и большой мечети в Евпатории. Он соответствовал целям российской политики искоренения «ваххабизма» в любой форме. Представление о «традиционном исламе» в ДУМК – это спектр между полюсами от «светского ислама», основанного на культурной самоидентификации, до религиозных фундаменталистов-салафитов, которые посещают молитвы в мечетях, но не руководят ими и не создают самостоятельно публичных организаций.

Руководство и сторонники ДУМК во власти – в Госкомнаце, правительстве, мэрии Симферополя – оказались наследниками Меджлиса с точки зрения используемых политических методов. Они шли на те же компромиссы, что и старое руководство Меджлиса, стремившееся договориться с властью и вместе решать национальные и деловые вопросы в интересах группы представителей крымско-татарского движения.

Национальное движение не было монолитным и в украинский период, и ассоциировать его полностью с Меджлисом, а тем более с его лидерами, неправильно. Как и при Украине, в 2014–2016 гг. и позднее существовали пророссийские движения крымских татар (Милли Фирка, «Единство Крыма»). Возникло новое движение «Крым» под эгидой местных властей, куда входят и бывшие члены Меджлиса. Ещё в украинский период звучала эмоциональная и резкая критика в адрес Меджлиса из среды самих крымских татар: обвинения в коррупции и сговоре с местной властью, в бездействии по вопросам оформления земли для крымских татар, статуса народа и его автономии. Одним из оппонентов Меджлиса был Руслан Бальбек, ныне депутат ГД РФ от Крыма.

Это позволяет сделать вывод о том, что новое поколение крымско-татарских политиков и руководство ДУМК были если не рады уходу старых авторитарных лидеров, то, по крайней мере, стремились использовать новые возможности после того, как Меджлис прекратил своё существование. Об этом говорят

и столкновения муфтия Аблаева и Чубарова в прессе и лично, когда в Анкаре в августе 2015 г. Чубаров и Ленур Ислямов пытались помешать встрече муфтия с министром по делам религии Турции и угрожали ему, удерживая в гостинице⁹⁴.

После 2014 г. ДУМК держался на определённой дистанции от Меджлиса в силу риторики его лидеров, называвших предателями тех, кто остался в Крыму. Муфтият официально осудил действия и заявления Чубарова и Джемилева и продолжает делать это периодически, в том числе на международных площадках. Например, Айдер Исмаилов выступил с подобной оценкой в ОБСЕ в октябре 2016 г. Однако со старейшинами Меджлиса в ДУМК старались не ссориться в силу присутствия там людей с разными взглядами (всего членов Меджлиса чуть более 30, и только 10 уехало из Крыма после событий 2014 г.). Как отмечали в духовном управлении, если 10 человек занимали проукраинскую позицию, то это не значило, что все они также были против ДУМК. Были те, кто поддерживал ДУМК и подчёркивал, что муфтият остаётся с народом. С Меджлисом в Киеве связи тоже окончательно не были прерваны.

Основной пророссийской национальной организацией, связанной с ДУМК и властью, в 2014–2016 гг. была общественная организация «Крым» во главе с Ремзи Ильясовым (заместитель Председателя Государственного Совета РК). Его заместитель – Заур Смирнов, глава Госкомнаца. Оба – бывшие члены Меджлиса.

Тесная связь ДУМК с властью таила в себе опасности для развития национального движения. Разочарование во власти было способно повлечь за собой разочарование в позиции ДУМК. Это могло вывести на первый план оппозиционно настроенных по отношению к Меджлису и ДУМК представителей крымско-татарского движения, хотя ни одно из их образований не имело преобладающего влияния среди всего крымско-татарского населения. Прежде всего, это такие организации, как: «Къырым Бирлиги» (Единство Крыма, лидер Сейтумер Ниметуллаев); быв-

---

⁹⁴ Глава Меджлиса и муфтий Крыма изложили свои версии «скандальной» встречи в Анкаре. Крым.Реалии, 25.08.2015. URL: <http://ru.krymr.com/a/news/27215985.html> (дата обращения 30.04.2021).

шая партия «Милли Фирка» и её активисты; движения, связанные с ЦДУМТМ; ветераны Национального движения крымских татар (НДКТ) 1990-х гг.⁹⁵ Линию НДКТ в 2014–2016 гг. продолжал «Къырым Бирлиги», поддерживая контакты с Таврическим муфтиятом, но при этом стремясь не портить отношения и с ДУМК. Лояльность по отношению к новой власти проявлял и Совет старейшин крымско-татарского народа «Намус» (глава Дильшод Ильясов, председатель правления Темур Челебиев). Интеллигенция со своей независимой, но в целом лояльной по отношению к РФ, позицией группировалась вокруг Библиотеки им. Исмаила Гаспринского в Симферополе⁹⁶.

Довольно сложно отделить национальную идеологию ДУМК от идеологии лидеров Меджлиса на Украине (различаются лишь методы и острота высказываний). Более того, именно радикализм киевского Меджлиса сделал ДУМК столь приемлемым для властей центром национального самосознания крымских татар.

Приспособление исторической памяти крымских татар к новой ситуации после 2014 г. с их сложными отношениями с Российской империей и СССР складывалось из противоречий, связанных не только с отношением к России и Украине, но и с разной оценкой пути, который крымские татары прошли в рамках Украины после 1991 г. Как подчёркивал заместитель муфтия ДУМК Айдер Исмаилов, психологическое состояние верующих и в целом крымских татар в Крыму было неоднозначным. Люди понимали необратимость процесса, но не хотели адаптироваться к новому: «Мы ждём пока многие, прежде всего, интеллигенция, привыкнут к новому. Кроме того, надо понимать, что на

---

⁹⁵ Рефат Годженев и Руслан Эминов в 2015 г. встречались с С. Аксёновым.

⁹⁶ Автор не ставил своей задачей проанализировать течения и конфликты в рамках национального движения крымских татар. Упомянуто лишь то, что помогает понять роль и значение исламских организаций и, прежде всего, ДУМК. Автор совместно с М.Ю. Роциным взял целый ряд интервью и у представителей национальной интеллигенции (Заур Смирнов, председатель Госкомнаца, Февзи Якубов, ректор КИПУ, Рустем Эминов, этнолог, сотрудник Бахчисарайского музея-заповедника, Руслан Эминов, участник крымско-татарского движения, Сейтумер Нимитуллаев, лидер крымско-татарского движения «Единство Крыма» («Къырым Бирлиги») и его заместители – Ришат Аблаев, Асан Изитдинов, активист движения и писатель Эскендер Умеров. Даты исследования: 2-9 октября 2016 г.).

протяжении 50 лет на крымских татарах было клеймо предателей, – им сложно сразу переменить Родину, и на Украине этим пользуются как инструментом, а люди не могут так сразу измениться. Ещё жива историческая память о царской и советской политике по отношению к этому народу. От этого происходят боязнь и недоверие к власти, страх того, что снова будут гонения, критики власти и России постоянно говорят, что вас снова депортируют (по *ATR* – крымско-татарскому телеканалу, расположенному в Киеве и известному своей критикой России, также об этом говорят)»⁹⁷.

Для возрождения доверия необходимо время и определённые шаги по реабилитации крымско-татарского народа. Духовное управление стало принимать активное участие в лоббировании интересов крымских татар. ДУМК считал, что практически ничего не делается для решения проблемы названий сёл в районах республики (чтобы было два равноправных названия – русское и крымско-татарское). По мнению управления, процесс выплаты компенсаций шёл медленно, подзаконных актов и реальных шагов по реабилитации крымско-татарского народа в 2014–2016 гг. не было. Интеграция крымских татар в общество, по мнению мусульманских лидеров, могла бы идти быстрее, если бы власти применяли к крымским татарам все льготы, положенные репрессированному и депортированному народу. «Нужно дать крымским татарам представительство во власти, возможность участвовать в управлении их Родиной. Зарегистрированная национально-культурная автономия является просто общественной организацией, которую критикует интеллигенция и национальное движение, – заявлял Айдар Исмаилов. – Большой вопрос – насколько уместна лишь автономия крымских татар в своей республике и у себя на Родине, которая охватывает весь Крым. Должны быть более эффективные механизмы интеграции крымско-татарского движения в общество и во власть»⁹⁸.

На основании интервью с целым рядом общественных деятелей можно было утверждать, что и ДУМК, и оппонентов вла-

---

⁹⁷ Полевой материал автора (ПМА). Дата проведения исследования: 2-9 октября 2016 г. В феврале 2016 г. автор также брал интервью у Айдера Исмаилова.

⁹⁸ См. сноску 98.

сти, и её сторонников, и тех, кто за, и тех, кто против Меджлиса, объединяла одна идея: Республика Крым строится на крымских татарах, и нужно открыто сказать о том, какая нация составляет ядро республики. Не так важно, как будет называться представительство крымских татар во власти, главное – механизм этого участия, и на это нужна политическая воля.

Духовное управление мусульман Крыма

После перехода Крыма в Россию в 2014 г. («переходом» это событие называют сами крымчане) религиозная политика на полуострове была ужесточена. Это выразилось в контроле общественной деятельности, ограничении социального служения централизованных и местных религиозных организаций. Отразилось это и на исламе. В 2015–2016 гг. интенсивно проходила перерегистрация всех религиозных общин по законодательству РФ (2 раза её сроки продлевались), и этот процесс в 2016 г. ещё продолжался.

В мусульманской сфере российские власти сделали ставку на отношения с ДУМК и его руководством (с 1992 по 1999 г. муфтием был Нури Мустафаев, с 1999 г. – член Меджлиса муфтий Эмиралли Аблаев). Мусульманские лидеры быстро вписались в новую политическую ситуацию. Они оказались готовы порвать с Меджлисом и осудить его действия, в том числе в прессе. Муфтий и его заместители критиковали заявления и действия членов Меджлиса. Объектом критики стали силовые акции на границе, антироссийские акции, выступления в ОБСЕ⁹⁹. ДУМК стало активно сотрудничать с российскими объединениями, в большей степени с Духовным управлением мусульман РФ (ДУМ РФ) во главе с верховным муфтием Равилем Гайнутдином. Многие мероприятия ДУМК курировал советник главы ДУМ РФ Али Вячеслав Полосин. ДУМК позиционировало себя как независимое управление, свободное в своих контактах с конкурентами и критиками ДУМ РФ, в частности, с Альбиром Кргановым, муфтием Духовного собрания мусульман России. Напрямую поддерживало отношения с ДУМ Республики Татарстан (делегация ДУМ РТ одной из первых посетила Крым в

---

⁹⁹Заявления опубликованы на официальном сайте ДУМК: Духовное управление мусульман Крыма. URL: qmdi.org.

2014 г.) и ДУМ Чечни (делегация ДУМК участвовала во Всемирной исламской конференции в Грозном «Кто они – Ахлюс Сунна валь Джама'а» в 2016 г., при этом Эмиралли Аблаев написал фетву за запрет ваххабизма¹⁰⁰ на территории РФ).

В украинский период в ДУМК входило около 350 объединений, которые регистрировали свои уставы или же были зарегистрированы как организации. В Крыму около 300 мечетей с минаретами и молельных домов. Центральное медресе действует в посёлке Азовский Джанкойского района. В 2014–2016 гг., по сведениям ДУМК, прошло (или проходило) перерегистрацию почти 200 общин, а другие собирались регистрироваться. Ситуация осложнялась тем, что до 2004 г. на Украине была двойная регистрация религиозных организаций: регистрация устава считалась основанием для предоставления статуса юридического лица, но помимо этого регистрировались и организации. В 2004 г. был создан Единый реестр юридических лиц: регистрация устава и организации стали обязательными в совокупности, но далеко не все общины к 2014 г. регистрировались как организации.

Министерство культуры Украины учитывало данные обо всех общинах¹⁰¹. Существовали, к примеру, джамааты, где был мулла с помощниками для проведения обрядов (в среднем 7 человек на молельный дом). Таких групп в 2016 г. было около 600 (данные ДУМК).

В украинский период в Крыму было около тысячи мусульманских общин, но по законодательству РФ большинство из них – это религиозные группы, действующие без регистрации, поскольку основная форма существования общин по законода-

---

¹⁰⁰ Понятие «ваххабизм» в данной статье используется в условном смысле, в том, в каком его употребляют представители власти или различных мусульманских течений. Перед автором не стояло задачи давать определение ваххабизму как течению. В российском контексте «ваххабитами» называют не только последователей Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба, но и салафитов, последователей «чистого ислама».

¹⁰¹ По информации Министерства культуры Украины на 01.01.2014 в Крыму и Севастополе было 929 общин, из которых 410 были так или иначе зарегистрированы. См.: Продлена перерегистрация религиозных организаций Крыма. 04.04.2015. Институт религиозной свободы, Киев. URL: www.irs.in.ua; а также блог исполнительного директора ИПС Максима Васина: <http://mvasin.org.ua>.

тельству РФ – зарегистрированное «религиозное объединение». Численность зарегистрированных общин на 2017 г. по-прежнему не отражала реальное число мусульманских общин¹⁰². Исламское среднее специальное образование верующие получали в медресе в Джанкое – оно мужское и женское. В республике в 2016 г. было 15 крымско-татарских школ, где изучался крымско-татарский язык и основы ислама.

Заместитель муфтия ДУМК Айдер Исмаилов отмечал в интервью автору¹⁰³, что отношения с властями и другими религиозными лидерами выстраивались годами, начиная с 1991 г., когда ДУМК было зарегистрировано. В отношениях с другими религиозными объединениями после февраля 2014 г. ничего не изменилось, хотя духовное управление потеряло возможность открыто критиковать Симферопольскую и Крымскую епархию Украинской православной церкви Московского патриархата (УПЦ МП). Продолжал существовать Межконфессиональный совет Крыма «Мир – дар Божий» (с 1992 г.), представляющий позицию православных, мусульман, иудеев, протестантов, католиков, караимов и Армянской апостольской церкви перед руководством республики. Единственным серьёзным разногласием, которое в начале 2000-х гг. привело к выходу муфтия Аблаева из совета, стало возмущение мусульман установкой православными казаками крестов у крымско-татарских сёл и кладбищ. За этим последовал крестоповал, когда крымские татары срубали установленные кресты. Кроме того, ДУМК заявляло, что без представителя Киевского патриархата (УПЦ КП) не будет членом совета «Мир – Дар Божий» (при российской власти эта проблема потеряла актуальность, так как УПЦ КП стала постепенно вытесняться с полуострова). Муфтий де-факто снова вернулся в межконфессиональный совет только в 2014 г. (по крайней мере, он подписывал многие заявления совета с призывами к миру), но проблема осталась. Без ведома епархии УПЦ МП казаки по-

---

¹⁰² На 17.01.2017 г. по сведениям Информационного портала Минюста РФ (в разделе «Информация о зарегистрированных некоммерческих организациях») в Республике Крым зарегистрировано всего 166 мусульманских организаций (151 обозначены как общины ДУМК), а в Севастополе 6 (все зарегистрированы в рамках ДУМК).

¹⁰³ См. сноску 98.

прежнему устанавливают кресты, но руководству епархии, видимо, удалось доказать ДУМК, что митрополит Лазарь не благословляет подобные действия, и ДУМК дистанцировалось от крестоповалов.

Характеристика новой роли ДУМК на полуострове включала в себя как приобретённые после 2014 г. преимущества, так и потери, выраженные в целом ряде негативных явлений. Ценой, заплаченной ДУМК за сохранение своего политического значения как основного мусульманского объединения Крыма, стала частичная потеря спонсоров (прежде всего, турецких) и жёсткий контроль спецслужб за любыми финансовыми потоками и образовательными проектами. ДУМК лишилось молодёжного движения, практически все инициативы и проекты были прекращены и закрыты под давлением правоохранительных органов, в т.ч. в рамках профилактики возможных проявлений экстремизма на религиозной почве. Любое социальное служение или культурные акции стали невозможны без согласования с правоохранительными органами, что остановило всю общественную работу ДУМК в переходный период 2014–2016 гг. и отпугнуло большое количество активной молодёжи. Как отмечал Айдер Исмаилов, после 2014 г. большинство именно молодёжных общин не прошло перерегистрацию: они попали под подозрение властей, стали подвергаться проверкам. Часть активистов уехала из Крыма самостоятельно, часть была вынуждена это сделать во избежание обвинений в участии в запрещённом в России движении «Хизб ут-Тахрир».

Государственно-церковные отношения в Крыму находились в 2014–2016 гг. на стадии становления и сложного согласования интересов. Как отмечали в ДУМК, на местах остался старый контингент чиновников, поэтому приходилось лавировать и продавливать все решения. При этом глава республики С. Аксёнов также курировал вопрос строительства соборной мечети. При Украине процесс выделения земли для мечети занял 8 лет. Городские власти не хотели оформлять землю в собственность, из-за чего ДУМК судилось за землю, дойдя до Верховного суда Украины. Только под давлением главы республики Василия Джарты удалось провести через городской совет решение оформить

землю – в 2011 г. Но строительство началось только в 2014 г., когда президент России взял под свой патронаж соборную мечеть.

Собор Александра Невского Симферопольской епархии УПЦ МП в центре города был построен тоже при поддержке В.В. Путина. 17 августа 2014 г. в Ялте проходила встреча главы государства с культурными и религиозными деятелями Крыма, на которой муфтий Аблаев попросил президента о помощи. В 2016 г. был также освящён отреставрированный молельный комплекс «Сеит-Сеттар». Всего в Симферополе в настоящее время 18 мечетей. В главной мечети, где располагается ДУМК, собирается до 500 прихожан. В 2021 г. новая Соборная мечеть в Симферополе должна быть достроена и расписана (строительство началось в 2016 г.). В 2019 г. закончена роспись купола и стен симферопольского собора Александра Невского. Из других президентских проектов можно упомянуть продолжающуюся реконструкцию древнего городища в музее-заповеднике «Херсонес Таврический».

Подчёркивая своё исключительное монопольное положение в Крыму и свою лояльность властям, ДУМК настаивало на том, чтобы все культовые сооружения передавались централизованной организации, а не местным общинам. Это требование поддерживали и в УПЦ МП, где по Уставу действует подобный порядок, и в Духовном управлении караимов, которое фактически потеряло здание кенасы в Симферополе, где была зарегистрирована независимая община «Чолпан». Как отмечали в руководстве ДУМК, власти шли в этом отношении навстречу духовному управлению. ДУМК было передано около 70 зданий старых мечетей.

Беспокойство руководства ДУМК было связано с тем, что на некоторые мечети претендовали его конкуренты из Таврического муфтията. Последнему удалось отвоевать у ДУМК мечеть Джума-Джами в Евпатории. В 2015 г., по информации ДУМК, было принято судебное решение о передаче мечети в ведение ДУМК. Однако мусульманская община «хабашитов», как называют мусульман из Таврического муфтията в ДУМК, была несмотря на протесты ДУМК, зарегистрирована по адресу мечети Джума-Джами 23 декабря 2015 г. По словам Исмаилова, Таври-

ческий муфтият только прикрывается именем суфиев (нетрадиционным для Крыма эфиопским суфизмом), а на самом деле борется за власть и противодействует ДУМК, хотя «стремление к власти не свойственно суфиям»¹⁰⁴.

Руководство ДУМК пыталось не допустить, чтобы кто-либо проводил свою идеологию в Крыму, в общинах ДУМК. Поэтому оно не приветствовало создание отдельно суфийских общин или общин по национальному признаку, к примеру, выходцев из Дагестана, хотя мусульманская община дагестанцев уже существовала в Саках, а ДУМ Дагестана распространяло в Крыму на улицах миссионерскую газету «Ас-Салам». Салафитских общин в Крыму на 2016 г. насчитывалось несколько десятков. Существовали те, кто выступал против них, но религиозных «войн» между общинами не было. ДУМК не пыталось от них избавиться, а салафиты не выступали против ДУМК. Руководство ДУМК пыталось выдерживать баланс сил в общинах, которые входили в него и включали в себя открытых или скрытых салафитов, но старалось при этом не допускать, чтобы салафиты становились имамами.

Одним из факторов, повлиявших на настроения крымских татар, стало политическое и полицейское давление на активистов этно-религиозных групп. Многие активные члены Меджлиса, мусульманских движений были арестованы, против некоторых были заведены уголовные дела, кто-то был осуждён как член «Хизб ут-Тахрир», кто-то за участие в деятельности Меджлиса, признанного в РФ экстремистской организацией. На деле оказалось довольно сложно различить активных мусульман и активистов национального движения, с одной стороны, и просто общественно активных крымских татар, с другой. Все они попали под подозрение или стали вне закона.

Главным дивидендом, полученным от власти, оставалось строительство мечетей в Крыму под эгидой ДУМ Крыма и Севастополя. Помимо этого, активно развивались образовательные и научные связи с исламскими вузами Москвы, Татарстана, с научными кругами Симферополя. Несмотря на сокращение числа проектов, создавались полностью подотчётные ДУМК об-

---

¹⁰⁴ См. сноску 98.

разовательные структуры, проекты и мечети, имевшие обязательства только перед ним, а не перед турецкими или арабскими фондами.

Таврический муфтият

Отношения ДУМК с властями в первые годы пребывания Крыма в составе России осложняло не только обсуждение национальных проблем, сопряжённое с критикой Меджлиса в адрес тех, кто остался в Крыму, с постоянным обострением крымского вопроса со стороны Украины, но и существование конкурентных по отношению к ДУМК мусульманских движений. Постепенно в русле общероссийской религиозной политики на полуострове осталась одна доминирующая организация, представляющая интересы мусульман и де-факто крымских татар (ДУМК). Деятельность «Хизб ут-Тахрир» была автоматически запрещена на территории полуострова после 2014 г., поскольку в соответствии с законодательством РФ эта организация является экстремистской. Многие салафитские группы, хотя и требовали поставить своих имамов во главе общин, не стремились создавать своей организации. Альтернативное духовное управление было создано при негласной поддержке российской власти, но реальной власти в рамках мусульманской уммы и политического влияния не приобрело.

В соответствии с принятой на федеральном уровне практикой поддержания баланса между конкурирующими муфтиятами в Крыму в конце августа 2014 г. была предпринята попытка создания альтернативного по отношению к ДУМК Таврического муфтията (муфтий Руслан Саитвалиев, председатель Энвер Ахтемов¹⁰⁵), который в 2016 г. оставался незарегистрированным. По замыслу, он должен был продолжать традиции одноимённого муфтията, существовавшего до 1917 г. Он вошёл в Центральное духовное управление мусульман (ЦДУМ) во главе с муфтием Талгатом Таджуддином (муфтий отрицал своё участие в его создании). С 2016 г. Таврический муфтият также начал поддерживать контакты с Духовным собранием мусульман

---

¹⁰⁵ Полевой материал автора (ПМА). Дата проведения исследования: 2-9 октября 2016 г. Интервью с Р. Саитвалиевым и Э. Ахтемовым совместно с М.Ю. Роциным.

России Альбира Крганова, который, впрочем, встречался и с руководством ДУМК.

Существование Таврического муфтията (ЦДУМТМ) стало, по мнению многих экспертов, опрошенных в ходе полевых исследований, предметом торга и скрытого шантажа между властью и ДУМК. По требованию ДУМК и в обмен на лояльность по отношению к властям, Таврический муфтият не был зарегистрирован как региональное объединение, хотя фактически он существует. В 2015 г. была зарегистрирована община Таврического муфтията в Евпатории в одной из самых больших исторических мечетей полуострова – Джума-Джами. По признанию лидеров мечети (в интервью автору), власти и ДУМК побоялись применять силу для выдворения общины, но полиция периодически проводила проверки. Есть также мечети ЦДУМТМ в Каменке и Судаке.

Таврический муфтият занимает наиболее выраженную про-российскую позицию в Крыму. Поддержку ЦДУМТМ в виде публикаций в прессе и выступлений в Крыму оказывает православный исламовед Роман Силантьев, который обвинял ДУМК в связях с «ваххабитами». Также Таврический муфтият сотрудничал с Российским институтом стратегических исследований. Кроме того, в Симферополе ЦДУМТМ поддерживал отношения с представителями левопатриотического движения известного политолога Сергея Кургияна «Суть времени». В Таврический муфтият, по словам его лидеров, в 2016 г. входило до 100 общин и групп.

История противостояния двух мусульманских организаций началась ещё в 2010 г., когда был создан Духовный центр мусульман Крыма (ДЦМК) во главе с муфтием Ридваном Велиевым. По словам представителей Таврического муфтията, он работал в ДУМК, но его уволили за резкое осуждение «Хизб ут-Тахрир». ДЦМК стал активно выступать против этого движения и арабской организации «Ар-Раид». К возникновению нового духовного центра привела как миссия ДУМ Украины суфийского направления во главе с Ахмедом Тамимом в Крыму, так и появление недовольных политикой муфтията и Меджлиса внутри общин ДУМК. Таврический муфтият стал наследником ДЦМК.

В ДУМК ещё в украинский период объявили новую организацию «сектантским» образованием и причислили к «хабашизму», хотя сами лидеры Таврического муфтията не считали себя хабашистами, а причисляли себя, как и ДУМК, к традиционному исламу, частью которого считали суфизм. По словам Руслана Саитвалиева, верующие муфтията – последователи суфийского шейха Абдуллы аль-Харари аль-Хабаша (1910–2008), родившегося в мусульманском городе Хараре в Эфиопии. От части его имени и было образовано наименование «хабашиты». В муфтияте его считали «ярлыком», специально используемым представителями ДУМК для представления их «сектантами».

Глава Таврического муфтията Руслан Саитвалиев окончил в Киеве Исламский университет Духовного управления мусульман Украины (ДУМУ). Он придерживался шафиитского мазхаба, но при этом с уважением относился к ханафитским взглядам большинства крымских татар. Возрождение в Крыму «традиционного ислама»¹⁰⁶ в Таврическом муфтияте понимали достаточно широко. Это, прежде всего, опора на исторические традиции, посещение могил предков, проведение молитвенных собраний с песнопениями-маулидами («мевлюды» в крымско-татарском произношении) и зикров с проповедями и пением маулидов.

Свидетельство богатых суфийских традиций Крыма в прошлом – сохранение в Евпатории текке дервишей, закрытого в середине 1930-х гг. Сегодня это музей. Помимо этого там есть могилы шейхов. Таврический муфтият проводит в мае в селе Новоульяновка Бахчисарайского района ежегодный религиозно-культурный фестиваль «Къарлы Азиз», посвящённый Азизу Эскендеру, суфийскому святому Крыма, умершему в 1940 г. (в этом селе находится его могила). В 2016 г. проведение фестиваля было сорвано местными властями, в чём ЦДУМТМ видит влияние ДУМК. Фестиваль в Новоульяновке собирал до 10 тыс. человек, а организаторами выступали общественные движения, связанные с ЦДУМТМ: «Акъ-Мечеть», «Адет», «Алма-Тархан», женская общественная организация «Умют», молодёжные орга-

---

¹⁰⁶ Под крымско-татарским исламом автор понимает всё многообразие мусульманских движений и организаций на территории Крыма, как зарегистрированных, так и незарегистрированных.

низации «Алтын Ярыкъ», «Янъы Къырым».

Национальные задачи для нового муфтията, если он сможет выжить как единая структура без регистрации, не представляются приоритетными. Руслан Саитвалиев высказывал мнение, что посредническая организация между крымскими татарами и властными органами не нужна. Главной целью должно быть противодействие экстремистским организациям, прежде всего, «Хизб ут-Тахрир». Кроме того, шейх Руслан полагал: «У нас в Крыму бардак. Например, открыто действует объединение “Созидание (Ар-Раид)”», которое является ширмой для братьев-мусульман¹⁰⁷. Ваххабитов надо изолировать, если их нельзя исправить»¹⁰⁸.

Участие и поддержку со стороны российских властей не отрицали в самом Таврическом муфтияте, где подчёркивали лояльность России и поддерживали курс федеральных властей на борьбу с любыми проявлениями ваххабизма и полный запрет этой идеологии. ЦДУМТМ поддержал Грозненскую фетву августа 2016 г. с призывом запретить ваххабизм, но ирония в том, что на Грозненской конференции присутствовала делегация ДУМК, которая добилась объявления «еретиками», помимо ваххабитов, также и «хабашитов», под которыми в ДУМК имеют в виду руководство Таврического муфтията. Правда, перечисление «еретиков» содержалось не в тексте фетвы, а в отдельном обращении ряда муфтиев.

Очевидно, что и в дальнейшем будет сохраняться скрытая конкуренция между двумя духовными управлениями – ДУМК и ЦДУМТМ. В связи с существованием Таврического муфтията ДУМК оказывается в противоречивом положении организации, постоянно вынужденной доказывать представителям власти свою лояльность и «традиционность» своей идеологии (эта аксиома в политике правоохранителей в России для Крыма стала нововведением).

---

¹⁰⁷ Организация, запрещённая на территории Российской Федерации.

¹⁰⁸ На зикре, который также удалось посетить автору статьи в резиденции Таврического муфтията, было много молодёжи, в том числе школьников, всего – примерно 30–40 человек. Молитвы произносятся по-арабски, религиозные гимны (нашиды) – на крымско-татарском. Молодые проповедники с богословским образованием выступают по-русски.

Культурное, национальное и религиозное многообразие – неотъемлемая историческая особенность Крыма. Каждый период истории прибавляет свои штрихи к этой картине. В начале 1990-х гг. на полуострове, вернувшись после депортации, вновь появился, возродившись из пепла, крымско-татарский народ со своими богатыми культурными и религиозными традициями. После событий 2014 г. в Крыму продолжился процесс формирования мусульманской крымско-татарской интеллигенции, а также своей версии (или нескольких версий) «традиционного ислама». Религия стала в большей степени, чем раньше, политическим фактором, выражающим интересы различных частей крымско-татарского сообщества. Ключевую роль в этом процессе играет ДУМ Крыма и Севастополя. Его судьба – постоянное лавирование между разными группами и интересами – условно «русской» и крымско-татарской частью власти и в целом элиты в Республике Крым; националистами в Крыму и Меджлисом в Киеве (с которым ДУМК сближает «национальная программа» достижения автономии и собственной государственности); «светским» исламом и салафитами, в чём союзником ДУМК и врагом «ваххабитов» выступает Таврический муфтият; между светской и религиозной интеллигенцией. Успех ДУМК, как и его конкурентов, заключается совсем не в уничтожении возможных соперников. При Украине ДУМК также требовало не регистрировать «Хизб ут-Тахрир»; после 2014 г. их не стало, но проблемы, уже не столь острые, остались. Настоящий успех будет в реальном влиянии исламской культуры и образования на жизнь крымчан. Именно от этого зависит ответ на вопрос, будет ли ислам интегрирующим или дезинтегрирующим политическим фактором на полуострове.

ГЛАВА 6. МУСУЛЬМАНЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ВО ФРАНЦИИ И ШВЕЙЦАРИИ

В 1990–2000-е гг. мусульмане, эмигрировавшие с Северного Кавказа, главным образом чеченцы (в связи с проходящими в республике военными действиями), смогли получить статус по-

литических беженцев во многих странах. Основная масса осела во Франции и Германии. По неофициальным данным, чеченцев во Франции около 10-15 тыс., а в Германии – более 40-50 тыс. Незначительная чеченская диаспора есть и в Швейцарии. Официальной статистики северокавказских общин в этой стране нет, поскольку они фиксируются в документах как россияне, но, по нашим полевым материалам, в Швейцарии сейчас проживают около 2-3 тыс. чеченцев.

До настоящего времени практически все стороны адаптивных процессов выходцев с Северного Кавказа во всех странах Европы не были объектом и предметом научных изысканий. Известно лишь несколько работ европейских учёных, в которых поднимаются вопросы особенностей адаптации чеченцев к европейской жизни в 1990–2010-е гг. В 2008 г. в Институте политических исследований (Париж) французский учёный Лоран Винатье защитил диссертацию «Война в Чечне, изгнание и диаспора (1997–2007 гг.)»¹⁰⁹. Объектом изучения стало положение чеченцев в большинстве европейских стран. Результаты исследований Л. Винатье опубликовал в 2013 г.¹¹⁰ Изучается и криминальная составляющая жизни чеченских беженцев в Европе. В 2006 г. была опубликована статья комиссара бельгийской Федеральной полиции Ф. Фарси «Чеченская организованная преступность – новая угроза Европы»¹¹¹. Проблемам чеченских беженцев-женщин в гендерном контексте посвящены работы чешского специалиста А. Шчепаниковой¹¹².

Российские и европейские антропологи не уделяют должного внимания особенностям этнографической адаптации северокавказских эмигрантов к европейской жизни и культуре. Это связано с трудностями сбора первичных полевых этнографических материалов. Во-первых, северокавказцы, главным образом

---

¹⁰⁹ Vinatier L. Guerre en Tchetchenie, exil et diaspora (1997–2007). Paris, 2008. 292 p.

¹¹⁰ Vinatier L. Tchétchènes : une diaspora en guerre. Paris, Perta, 2013. 292 p.

¹¹¹ Farcy F. Le crime organisé tchétchène, nouvelle menace pour l'Europe. Avril 2006. URL: <http://www.drmmc.org/spip.php?article196> (дата обращения 04.02.2018).

¹¹² Szczepanikova A. Chechen Women in War and Exile: Changing Gender Roles in the Context of Violence // A. Le Huérou, A. Merlin, A. Regamey and E. Sieca-Kozłowski (eds.) Chechnya at War and Beyond. Routledge, 2014. 292 p.

чеченцы, проживающие без разрешающих документов, не готовы беседовать с этнографами. Во-вторых, те, кто не «в ладах с законами», тоже стараются избегать контактов с учёными. Наконец, свойственные части северокавказских эмигрантов антироссийские настроения не способствуют установлению с ними тесных взаимоотношений.

В 1990–2010-е гг. в Европе появились кавказские эмигранты, которые стали проводить фундаментальные научные исследования в области кавказоведения, но в основном данные проекты охватывают кавказскую эмиграцию 1920–1930-х гг. Другим ключевым направлением в области современного кавказоведения стала кавказская филология и религиоведение (следует отметить глубокие и всесторонние исследования доктора наук М. Царевой¹¹³).

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что зарубежное кавказоведение, охватывающее жизнь северокавказских общин в современной Европе, во многом ещё нуждается как в сборе первичных материалов (архивных и полевых этнографических), так и в проведении аналитических исследований. Данная глава отчасти восполняет этот пробел. На основе собранных автором полевых этнографических материалов во Франции и Швейцарии в 2015–2019 гг., в главе рассматриваются антропологические особенности северокавказских эмигрантов в Европе и анализируется место исламских ценностей в их новой жизни.

Выбранные для исследования страны – Франция и Швейцария – значительно отличаются друг от друга по двум основным тенденциям, оказывающим ключевое влияние на формирование религиозных и культурных аспектов жизни северокавказских мусульман. Прежде всего, это количество представителей данной религии из различных стран, составляющих мусульманские общины в выбранных нами государствах.

Численность таких общин влияет на возможность выходцам с Северного Кавказа войти в мусульманское сообщество страны. Хотя в Швейцарии обосновались группы мусульман из раз-

---

¹¹³ Царева М. Пантеон ингушей. М.: Изд-во Триумф, 2016. 543 с.; Царева М. Следы древних цивилизаций в языках и культуре ингушей и чеченцев. М.: Триумф, 2016. 320 с. и др. работы автора.

личных стран (турки, косовские албанцы, сирийцы), в целом среди всех групп эмигрантов мусульман немного. Приведём статистику по кантону Невшатель. В 2018 г. там проживало 45 тыс. эмигрантов: больше всего португальцев – 13320 чел., затем французов, итальянцев, испанцев, и, наконец, косовских албанцев – 1141 чел. Во Франции же группа лиц, исповедующих ислам, весьма значительна. В результате влияние, которое в реальной жизни оказывают мусульмане из других восточных стран на северокавказских мусульман, во Франции гораздо выше, чем в Швейцарии.

Второй фактор, влияющий на жизнь мусульман – это государственная политика принимающей страны. И в этом контексте между Францией и Швейцарией есть большие различия. Франция, несмотря на все трудности, связанные с миграцией мусульман в последнее десятилетие (теракты и т.д.), продолжает отстаивать идеи культурной, в том числе и религиозной, толерантности и отделения любой религии от государства. Швейцария – уникальная страна, которая вопреки характерной для Европы культурной толерантности объявила о «нулевой терпимости» и формирует весьма специфическую, если не сказать жёсткую, политику по отношению к проживающим в ней мусульманам.

Перечисленные факторы оказывают значительное влияние на поведение северокавказских мусульман в этих странах.

Основные тенденции исламской жизни северокавказцев в Европе

Представители народов Северного Кавказа, исповедующие ислам, в эмиграции воспроизводят сложившуюся ко времени их отъезда с родины религиозную жизнь. Растёт численность чеченских мусульман, которые «практикуют» ислам и во Франции, и в Швейцарии. Иногда процесс перехода из «этнических мусульман» в «практикующие» бывает быстрым: женщины приезжают в Европу и, ещё проживая в общежитии для эмигрантов и ожидая разрешения на пребывание в Швейцарии и во Франции, начинают, по выражению северокавказцев, «кутаться». В иных случаях для этого нужны годы¹¹⁴.

---

¹¹⁴ Там же.

В эмиграции чеченские мусульмане стремятся обучать родившихся уже во Франции детей исламу. В 2011 г. в Страсбурге ими была создана Культурная и духовная ассоциация кавказцев Страсбурга (*ASS. Culturelle et Cultuelle des Caucasiens de Strasbourg*), её руководителем стал Шамиль Албаков. Ассоциация занимается обучением детей и молодёжи нормам ислама (выразительное чтение Корана, исламские догматы и т.д.), языкам (французскому, арабскому, русскому), помогает мигрантам решить возникающие конфликты (в правовой сфере), оказывает материальную помощь нуждающимся. В Швейцарии такой практики нет.

В Швейцарии и во Франции сформировалась группа людей, которая не работает, а живёт на социальные пособия и, по сути, ничем не занята. Среди них те, кто был травмирован войной, и социальные иждивенцы. Для этой группы практика ислама – важная составляющая жизни, решающая многие, в том числе и психологические, проблемы молодёжи.

Наиболее сложная категория чеченских эмигрантов – подростки, у многих из них проблемы с адаптацией в новой стране¹¹⁵. В школах они никак не могут «прижиться», отпускают бороду, держат уразу, делают намаз, часто посещают мечеть, не учатся и не работают, дома высказывают радикальные исламские идеи. У них нет другой среды общения. Все их друзья – чеченцы, азербайджанцы, косовские албанцы¹¹⁶.

Более углублённое вовлечение северокавказских мигрантов в ислам и исламскую жизнь во Франции и Швейцарии, с одной стороны, безусловно, компенсирует им отсутствие интересного содержания жизни в эмиграции, а, с другой, невольно отдаляет от окружающего общества, и прежде всего от остальных россиян-мигрантов. Русская среда во Франции и даже в Швейцарии огромна. Она во многом восполняет для выходцев с Северного Кавказа круг общения. В Швейцарии альтернативной социальной средой для северокавказцев стали албанские эмигранты. Их очень много. Они, как и чеченцы, сунниты, что способствует вза-

---

¹¹⁵ Бабич И.Л. Полевые материалы автора (ПМА), Франция, март 2016, интервью с В., балкарка, 50 лет.

¹¹⁶ Бабич И.Л. ПМА, Франция, март 2015 г., интервью с Ж., чеченка, 45 лет; ПМА, Швейцария, 2018–2019 гг.

имному сближению: с албанцами дружат не только чеченские мужчины, но и женщины¹¹⁷. Русская среда в Швейцарии более многочисленная, чем северокавказская. Русские также привлекают северокавказцев в свою среду, но отмечают, что последние ведут себя отчасти «обособленно»¹¹⁸.

Выходцы с Северного Кавказа, находясь в эмиграции, боятся ослабления своих этнических культур. Если во Франции этот процесс не так выражен, то в Швейцарии дети всех эмигрантов, родившиеся в стране или приехавшие маленькими, пройдя швейцарскую школу, к 20 годам становятся «швейцарцами», приобретая швейцарскую идентичность. Опасаясь, что это может произойти и с их детьми, чеченцы усиленно стремятся передать своим детям традиции и нормы поведения и морали, воспитать в них «ях» – важный элемент этнической культуры, символизирующий сохранение чести, достоинства и самоуважения¹¹⁹.

Понимая, что ослабление этнической культуры в Швейцарии неизбежно, чеченцы больше полагаются на «мусульманский» фундамент. Многие чеченские эмигранты, особенно девушки и женщины, начинают активно исламизироваться именно в Швейцарии. Они приезжают в страну и носят довольно открытую одежду, без платков и хиджабов. Затем уже в Швейцарии начинают интересоваться исламом, читать дома молитвы, «кутаться», соблюдать посты и исламские каноны при проведении свадеб и поминок (похорон не бывает, так как всех отвозят хоронить на родину)¹²⁰.

Мусульманский акцент чеченцев очень хорошо иллюстрируется решением проблемы женихов для подрастающего поколения чеченских девушек. Для чеченцев важно заключение брака со «своими». Браки со швейцарцами для них неприемлемы. Поэтому поиск женихов – важная и трудная задача для современной жизни чеченцев в стране. Приглашают женихов даже из Чечни. Но это не решает проблему полностью. В результате в чеченской среде сформировалось такое правило: жених может

---

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Бабич И.Л. ПМА, интервью с З.Д.

¹¹⁹ Бабич И.Л. ПМА, интервью с А., чеченка, 55 лет, Базель, 25, 27 августа 2019 г.

¹²⁰ Бабич И.Л. ПМА, интервью с С., чеченка, 67 лет, Базель, 24 августа 2019 г.

и не быть чеченцем, но он должен быть мусульманином (арабом, турком, албанцем)¹²¹.

Исламский радикализм в Швейцарии и Франции

В настоящее время европейские государства вообще и Франция в частности стремятся контролировать радикальных мусульман, в том числе и северокавказских (главным образом чеченцев). 13 февраля 2015 г. сотрудниками Главного управления внутренней безопасности Франции (*DGSI*) были задержаны 6 чеченцев в возрасте от 32 до 38 лет в г. Альби, недалеко от Тулузы, в ходе расследования дела об отправке джихадистов в Сирию. У одного из арестованных было французское гражданство, другой имел франко-российское происхождение, остальные – статус политических беженцев. Всем были предъявлены обвинения в причастности к террористической группировке и финансированию боевиков. Они подозревались в содействии отправке кандидатов для джихадистских группировок в Сирию, в оказании им финансовой или логистической поддержки.

31 августа 2016 г. спецслужбы Бельгии составили список террористов, в котором фигурируют и 29 граждан России. Большинство из них – выходцы с Северного Кавказа, в основном из Чечни. Все они связаны с террористической организацией «Кавказский эмират», запрещённой в ряде европейских стран. В Бельгии они занимались исламистской пропагандой, а в ряде случаев и финансовой поддержкой экстремистов. 11 фигурантов списка с российскими паспортами сейчас находятся в Сирии и Ираке, ещё 13 вернулись в Бельгию. Одно из террористов удалось перехватить на обратном пути, ещё четверо уехали из страны. Всего в перечне бельгийских спецслужб 614 человек. Среди них, помимо россиян, граждане Бельгии, Франции, Марокко, Алжира, Нидерландов, Италии, Сирии, Туниса и Македонии.

В 2018 г. в центре Парижа 20-летний чеченец-эмигрант с криками «Аллах Акбар» набросился на прохожих около Оперного театра. До этого в течение двух лет он состоял на учёте в правоохранительных органах как «потенциальный террорист»¹²².

---

¹²¹ Бабич И.Л. ПМА, интервью с А., чеченка, 55 лет, Базель, 25-27 августа 2019 г.

¹²² Француз или чеченец: кто такой парижский террорист Хамзат Азимов?

Швейцария проводит последовательную жёсткую политику по отношению к мусульманам и исламу как религии и религиозным институтам. После проведённого в 2008 г. референдума по запрету минаретов в стране между швейцарскими властями и швейцарскими мусульманами начались конфликты. Последние всё время стремятся создавать для себя комфортную нишу для проживания в соответствии с их религиозно-идеологическими ценностями.

В 2013–2014 гг. мусульмане коммуны Фолькетсвилль (кантон Цюрих) и ассоциация «Аль-Худа» решили организовать исламский детский сад. Представляя свою идею, педагоги обещали готовить детей к поступлению в школы в полном соответствии с учебными планами, установленными министерством образования Швейцарии. Помимо базовых занятий, одинаковых во всех детских садах, планировалось проводить дополнительные уроки арабского языка и исламского богословия. Дети должны были воспитываться в исламских традициях. Кантональные власти Цюриха не только запретили создание такого сада, но и лишили лицензии ассоциацию «Аль-Худа»¹²³.

С 2015 г. в стране началось обсуждение вопроса о запрете ношения хиджабов, а также бурок, вуалей и никабов. Один из швейцарских кантонов – Тичино (итальянская часть страны) – принял такое решение на референдуме в 2013 г. (закон вступил в силу в 2016 г.). В 2018 г. кантон Санкт-Галлен принял аналогичное решение. Подобные законы уже работают во Франции, Бельгии и Голландии¹²⁴. В других кантонах (особенно в Монтрё, где на берегу Женевского озера осели богатые мусульманские семьи) постоянно можно видеть мусульманок с полностью закрытым телом и лицом, даже в жару¹²⁵.

Главным аргументом против введения ряда исламских кано-

URL: <http://ru.rfi.fr/rossiya/20180514-frantsuz-ili-chechenets-kto-takoi-parizhskii-terrorist-khamzat-azimov> (дата обращения 13.06.2019).

¹²³ Рахимов А. В Цюрихе запретили исламский детский сад // Наша газета. 30.05.2014. URL: <https://nashagazeta.ch/news/nauka/17742> (дата обращения 04.02.2019).

¹²⁴ Гирко Т. Туристки в парандже: какое будущее в Швейцарии // Наша газета. 15.09.2016. URL: <https://nashagazeta.ch/news/ma-suisse/turistki-v-parandzhe-kakoe-budushchee-v-shveycarii> (дата обращения 02.02.2019).

¹²⁵ Бабич И.Л. ПМА. 2017–2018 гг., Монтрё (Швейцария).

нов в образовательную систему Швейцарии стало то, что благодаря определённым методам швейцарской школы дети эмигрантов проходят важный путь интеграции в швейцарское общество. Нежелание школьников-мусульман выполнять требования швейцарской школы – основание для отказа в получении швейцарского гражданства. Данное правило касается не только мусульман, но и всех эмигрантов, желающих получить швейцарское гражданство. Как рассказывали нам эмигранты, при подаче документов на гражданство у них просили подтверждение участия в различных швейцарских сообществах, например, в Обществе «Красного Креста» и др. Власти страны действительно придают большое значение способности желающего стать гражданином Швейцарии интегрироваться в её общество¹²⁶. И образовательная система – один из ключевых инструментов адаптации эмигранта к швейцарской жизни, культуре, поведению и т.д.

Школа, северокавказцы и ислам

Наибольшие сложности возникают в связи с попыткой внедрения исламских канонов в образовательную систему Швейцарии. Как показывают интервью с кавказскими эмигрантами, образовательная система страны направлена не столько на обучение школьников, сколько на создание системы комплексной интеграции детей эмигрантов в швейцарское общество. В 2016 г. в стране начались дебаты по поводу того, что школьники-мусульмане не хотят пожимать руку своей учительнице, как принято в швейцарских школах. Один из руководителей исламского совета Николя Бланшо считает, что «рукопожатие не является одной из ценностей, закреплённых в Конституции Швейцарии»¹²⁷. Этот жест противоречит религиозным убеждениям мусульман всего мира (нельзя прикасаться к женщине, не являющейся членом семьи). Возглавляющий Собрание глав департаментов образования Швейцарии Кристоф Эйманн заявил: «Мы не должны допускать отклонения от правил по религиозным причинам».

---

¹²⁶ Бабич И.Л. ПМА, интервью с М., Невшатель (Швейцария), 24 августа 2018 г.

¹²⁷ Гирко Т. Прокуратура Конфедерации заинтересовалась Центральным исламским советом // Наша газета. 28.11.2016. URL: <https://nashagazeta.ch/news/ma-suisse/prokuratura-konfederacii-zainteresovalas-centralnym-islamskim-sovetom> (дата обращения 02.02.2019).

Также школьники-мусульмане отказываются посещать уроки плавания¹²⁸. Иногда они не хотят посещать организованные для всех классов летние и зимние лагеря, что также воспринимается властями как нежелание включаться в швейцарское общество. Уроки плавания и учебные лагеря – неотъемлемая составляющая образовательной системы Швейцарии¹²⁹.

Дети северокавказских мусульман, посещающие школу во Франции, сталкиваются со светским принципом образования. В стране запрещены внешние атрибуты религиозной принадлежности в общественных местах, например, хиджабы. В государственных французских школах детям не преподают религию или религиозную культуру. Там преподают философию, на уроках которой детей учат размышлять, формируя личностное мировоззрение¹³⁰. Школа воспитывает в детях понятие о том, что религия – дело частное, и она не должна быть частью общественной жизни Франции.

Именно это не нравится французским мусульманам в школьном воспитании. Во французском законодательстве главенствуют принципы светскости и равенства, в том числе равенства всех религий. Именно этот принцип не позволяет относиться к различным религиям по-разному. Одно из следствий принципа светскости – непризнание государством ни одной религии. Все религии имеют право на существование, но ни одна из них не признаётся официально.

Ислам, быт и традиции северокавказцев

Во Франции и Швейцарии северокавказцы не носят ни национальной, ни исламской одежды, а пользуются обычной, европейской. Северокавказские девушки и женщины, будучи практикующими мусульманками, носят платки. Чеченцы соблюдают посты, не едят свинину и не употребляют алкоголь. Пища –

---

¹²⁸ Такой случай имел место в школе в одной из коммун Базеля. Был и случай, когда мусульманин-эмигрант из Боснии Эмир Тахирович запретил своей 14-летней дочери посещать школьные уроки плавания.

¹²⁹ Гирко Т. Путь к швейцарскому гражданству лежит через бассейн // Наша газета. 29.06.2016. URL: <https://nashagazeta.ch/news/ma-suisse/put-k-shveycarskomu-grazhdanstvu-lezhit-cherez-basseyn> (дата обращения 02.02.2019).

¹³⁰ Бабич И.Л. ПМА, ноябрь 2015, интервью с И.Д., кабардинка, 18 лет; интервью с С.Д., кабардинка, 17 лет.

важный атрибут сохранения своей культуры в эмиграции: чаще всего мигранты с Северного Кавказа сохраняют приверженность к национальной кухне. Большое разнообразие национальных блюд бывает на чеченских свадьбах¹³¹.

На мусульманский праздник Курбан Байрам мигранты-адыги во Франции делают национальный суп ашрык, для которого нужно 7 злаков (зёрна белой кукурузы, три вида фасоли, перловая крупа, пшеница шлифованная, рис, пшено) и вяленое мясо, сохранившееся с прошлого Курбан Байрама. Разносят мясо среди всех северокавказских мусульман (раньше сырое, в настоящее время – чаще приготовленное).

Во многом домашняя жизнь северокавказских мигрантов наполнена скорее этническим, нежели исламским компонентом¹³². Традиционные танцы – важный атрибут этнической идентичности в эмиграции. Во время праздничных встреч танцуют все: и девушки, и юноши, и мужчины, и женщины¹³³.

Северокавказские мусульмане во Франции и Швейцарии совершают мусульманский обряд венчания – неках: они идут в дом к мулле или он приходит к жениху и невесте. Северокавказцы редко оформляют брак в мэрии. Жених выплачивает родителям невесты небольшой калым (примерно 200-500 евро). На северокавказских свадьбах во Франции народные традиции присутствуют редко. У адыгов, осетин и других народов, за исключением чеченцев, свадьбы проходят в ресторанах, национальный компонента практически нет (кроме отдельных блюд)¹³⁴.

Свадьбы чеченцев – одно из главных событий их жизни во Франции и Швейцарии. На такие мероприятия приглашают от 300 до 500 чел. Сохраняется традиция ввода невесты в дом: для этого расстилают бараньи шкуры, жених обращается к старшим из семьи невесты, просит его простить, что забирает невесту, жених и невеста убегают понарошку и т.д. На свадьбе невеста вместе со своей подругой стоит в углу залы. Жениха на свадьбе нет. Во Франции и Швейцарии на чеченских свадьбах продолжают устраивать отдельные столы для мужчин и женщин (у

---

¹³¹ Бабич И.Л. ПМА, март 2016, интервью с Ж. чеченка, 40 лет.

¹³² Бабич И.Л. ПМА, март 2015 г., интервью с Х., чеченка, 45 лет.

¹³³ Бабич И.Л. ПМА, ноябрь 2015, интервью с Т. кабардинка, 35 лет.

¹³⁴ Бабич И.Л. ПМА, март 2015 г., интервью с А., кабардинка, 46 лет.

других северокавказских народов эта традиция ушла в прошлое). За каждым столом – свой тамада (у других северокавказцев один тамада для всех столов)¹³⁵. Сохраняется роль «танцевального тамады», который с помощью палочки выбирает тех, кто будет танцевать следующий танец¹³⁶. Блюда на чеченских свадьбах во Франции национальные: жижиг-галнаш, плов, лепёшки с творогом, сыром, мясом. Приглашаются национальные артисты (из Чечни или из Европы; известно, что такие музыканты есть в Страсбурге).

Похоронные традиции мусульман Северного Кавказа во Франции и Швейцарии практически не воспроизводятся, поскольку всех умерших стараются увозить на родину, а в эмиграции проводят лишь поминки, для которых готовят ритуальные блюда, например, лакумы. Их разносят в дома семей северокавказских эмигрантов. Когда мусульманин ест лакум, он читает дуа – молитву за покойного¹³⁷.

* * *

Анализ исламской жизни северокавказцев во Франции и Швейцарии свидетельствует о том, что религиозный фактор поразному проявляется в механизме адаптации эмигрантов к европейской жизни и культуре. Для некоторых ислам вообще перестаёт играть роль. Такие эмигранты адаптируются к новой жизни, находя для себя различные способы интеграции в новое общество. Другие, их меньшинство (главным образом это подростки), начинают исламизироваться, а подчас и радикализуются. Для таких эмигрантов ислам выступает своего рода психологическим инструментом, своеобразной адаптацией к жизни в Европе. Подобные мусульмане, к сожалению, слабо интегрируются в европейское общество, не живут его интересами. Они ограничивают свой образ жизни небольшим, и подчас радикальным, мусульманским сообществом, противопоставляющим свои ценности государству, в котором живут новые граждане. В жизни такого меньшинства ислам играет существенную роль. По-

---

¹³⁵ Бабич И.Л. ПМА, 2016 г., интервью с М., чеченец, 30 лет.

¹³⁶ Бабич И.Л. ПМА, 2015, интервью с А.Ч., 40 лет, кабардинка, Лион, 10 ноября.

¹³⁷ Бабич И.Л. ПМА, 2011 г., интервью с Б., осетин, 46 лет; 2015, интервью с Д., чеченец, 40 лет.

сколькx сейчас ислам используется многими мировыми игроками как политический инструмент, из бытовой жизни северокавказских мусульман он переходит в их политическую жизнь, составляя для мирового терроризма новую молодёжь.

ЧАСТЬ 2. ПОЛИТИКА БЕЗОПАСНОСТИ. БОРЬБА С ЭКСТРЕМИЗМОМ

ГЛАВА 7. ИСЛАМ И РЕСПУБЛИКА ВО ФРАНЦИИ

Насколько ислам совместим с республиканскими ценностями, какое будущее ждёт Францию в связи с возрастающим числом граждан, исповедующих эту религию, существует ли так называемый «французский ислам» – эти вопросы волнуют как философов и религиозных мыслителей, так и политиков, журналистов и обывателей. Для оценки положения ислама и возможностей интеграции мусульман во Франции необходимо понимать, какой тип сообщества представляет собой французское государство, какие основания заложены в республиканский проект и насколько присутствие ислама может повлиять на переосмотр универсалистской модели гражданства.

Республика как универсалистский проект

После революции 1789 г. именно во Франции возникает гражданское понимание нации как политического сообщества. Фундаментом общественного консенсуса становятся разделяемые всеми членами общества гражданские ценности: единство и неделимость нации, равенство всех перед законом, уважение прав и свобод личности, закреплённые в Конституционном договоре. Согласно республиканской модели именно лояльность всех членов общества нации как единому и высшему политическому образованию и нейтральность самого государства способны обеспечить единство и солидарность всех её членов. Нация и государство в данном случае синонимы. В современной французской политической традиции нет определения нации через этничность. Нация – это сугубо политическое образование гражданского характера. Этот принцип обеспечивает, с одной стороны, открытость республиканской модели гражданства к приёму

новых членов, и в то же время её ограниченность с учётом возрастающего многообразия европейских сообществ и растущего числа мусульман.

Во Франции гражданское понимание нации как политического сообщества привело к слиянию двух понятий, которые выражаются французскими словами *nationalité* и *citoyenneté*. В русском языке понятие национальность обозначает, как правило, принадлежность индивида к нации, понимаемой как общность происхождения, т.е. скорее в категории, которая стоит на ступень выше этничности. Гражданство определяет принадлежность члена общества к формальному институту государства. Так, один и тот же человек может иметь национальность, несовпадающую с формальным гражданством. Это объясняется многонациональной природой самого российского общества, в котором проживают люди разных национальностей, но будучи гражданами России, все они – россияне. Во французской традиции первое понятие определяется как «юридическая принадлежность человека к народу, конституировавшему государство»¹³⁸. Это народ, представляющий собой общность культуры, ценностей и исторического наследия, которые становятся достоянием каждого гражданина. Второе понятие обозначает включённость индивида в политическое сообщество, в котором гражданин обладает политическими правами и обязанностями. Во французском законодательстве эти два понятия не отделены друг от друга, составляя единый принцип гражданства. Следовательно, человек, получающий статус гражданина Французской Республики, становится одновременно обладателем французского гражданства (*citoyenneté*) и французской национальности (*nationalité*), независимо от своего этнического происхождения (*ethnicité*).

Таким образом, для Франции релевантен лишь один тип идентичности – гражданский. Французское государство официально «слепо» и не признаёт другие типы идентичности (этническую, религиозную и др.). Приверженность гражданской нации должна главенствовать над другими измерениями самоидентификации французов. В 2017 г. этот принцип был в очередной раз озвучен французским президентом Э. Макроном в ходе

---

¹³⁸ Fulchiron H. La nationalité française. Paris. 2000. P. 4.

ужина-ифтара с представителями мусульманской общины¹³⁹: «Никто не может просить французов и француженок во имя этой веры [ислама] нарушать законы Республики...»¹⁴⁰.

Вместе с получением политических прав от нового гражданина ожидается добровольное принятие основных республиканских ценностей, т.е. индивид становится полноценным гражданином, когда присоединяется к «республиканскому общественному договору», к политическому консенсусу, который исторически сложился во Франции. «Каждый гражданин Франции, независимо от его происхождения, должен принять общие для всех политические принципы, определённые Конституцией»¹⁴¹, – так говорится в докладе Высшего совета по интеграции иммигрантов при премьер-министре Франции. К таким политическим принципам относится и принцип светскости (фр. *laïcité*), о котором будет сказано чуть позднее.

Интеграция через ассимиляцию

Первые дискуссии об отношениях между этничностью и республикой во Франции появились лишь тогда, когда стало очевидно, что принцип гражданства не способен решить проблемы, связанные с культурным, религиозным и этническим отличием иммигрантов, становящихся гражданами Республики. Взаимосвязь интеграции иммигрантов и гражданства стала обсуждаться в стране гораздо позже, чем, например, в Великобритании – только в начале 1980-х гг. Долгое время французское правительство рассматривало присутствие работающих иммигрантов как временное, не предполагая, что даже после жёсткого ограничения на въезд в страну в конце 1970-х поток иммигрантов лишь возрастет по линии воссоединения семей. Невозможность насильственной репатриации, на которую долгое время надеялись французские власти, впервые серьёзно поставила вопрос об интеграции иммигрантов, легально проживающих во Фран-

---

¹³⁹ Вечерний приём пищи после захода солнца до совершения вечерней молитвы в дни Рамадана

¹⁴⁰ Macron veut un islam compatible avec la République // Le Figaro, 21 juin 2017. URL: <http://www.lefigaro.fr/actualite-france/2017/06/21/01016-20170621ARTFIG00001-macron-veut-un-islam-compatible-avec-la-republique.php> (дата обращения 12.02.2018).

¹⁴¹ Contrat et l'intégration / Haut Conseil à l' intégration. Paris, 2003. P. 110.

ции. В этот период на поверхность вышло недовольство этнических меньшинств и их борьба за свои права. Выступления мусульман, которые в большинстве своём уже были французскими гражданами, стали свидетельством важности для них сохранения этнокультурной и религиозной идентичности в рамках республиканского государства.

До 1980-х гг. в политическом лексиконе европейских стран в отношении интеграции мигрантов доминировало два термина: «ассимиляция» (*assimilation*) и «включение» (*inclusion*). Термин «интеграция» и новый одноимённый практический подход стали постепенно распространяться в европейских государствах, но этот процесс не затронул Францию. Принципиальное отличие интеграции от ассимиляции в том, что интеграция допускает сохранение иммигрантами своих этнокультурных, языковых и религиозных особенностей и даже определённых связей со страной происхождения.

Из сказанного выше очевидно, что принцип гражданства во Франции напрямую связан с соответствующим пониманием нации, с республиканской моделью государства. Гражданское понимание нации придаёт гражданству открытый характер, поскольку членом нации в таком случае может стать любой индивид, вступающий в «общественный договор», т.е. признающий основные республиканские ценности и идеалы независимо от этнического, культурного и религиозного происхождения.

Однако в принципе французского гражданства присутствует сильный культурный компонент ассимиляции. С одной стороны, государственный нейтралитет к любым видам различий предполагает равное отношение ко всем гражданам. В этом смысле французский принцип светскости служит логическим продолжением принципа равенства. Но он входит в противоречие с принципом свободы, утверждённым в ст. 18 Декларации прав человека и гражданина: «Каждый имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право подразумевает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как индивидуально, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в богослужении, обу-

чении, отправлении религиозных и культовых обрядов»¹⁴².

Светскость и ислам

Законом 1905 г. французское государство официально объявило о своём религиозном нейтралитете¹⁴³. Принцип светскости наравне с принципами свободы, равенства и братства составляет основу французской республиканской политической системы. За прошедшее столетие церковь и государство обрели определённый *modus vivendi*¹⁴⁴. Однако возрастающее влияние мусульманского сообщества во Франции способно поставить под вопрос универсалистский характер светскости.

С одной стороны, закон 1905 г. ознаменовал не только отделение государства от церкви, но и провёл границы для личной нравственной жизни граждан, не только мусульман, но и христиан, и иудеев. Провозглашённый во Франции принцип светскости стал манифестом постсекуляризма. Дух закона породил разрыв между осуществлением религиозного поклонения (культы) и моральным и социальным измерением религии. Спустя столетие эта ограничительная концепция религии, сводящая её в сферу сугубо индивидуальную, всё меньше принимается представителями различных религий во Франции. У мусульман, христиан, иудеев стало наблюдаться желание вернуть себе право устанавливать границы между общественным и частным, которые, казалось бы, были чётко установлены законом 1905 г.

Напомним, в случае ислама нет разделения на частную и общественную сферы жизни. Шариат признаётся религиозно-нравственным основанием поведения мусульман как в частной, так и в общественной сфере. А французская республиканская модель общества утверждает разделение между частной и публичной областями жизни, предполагающее, что вопросы религии и культуры относятся к личному делу каждого индивида. Однако образование иммигрантских общин, которые стали претендовать на защиту своих культурных и религиозных прав (напри-

---

¹⁴² Всеобщая декларация прав человека. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (Электронный ресурс. Дата обращения 21.03.2018).

¹⁴³ Loi du 9 décembre 1905 concernant la séparation des Eglises et de l'Etat.

¹⁴⁴ Иеромонах Александр (Синяков). Французское понятие светскости // Мы в России и Зарубежье. 2006. №3(42). С. 29-32.

мер, ношение хиджаба в общественных местах), продемонстрировало, что традиционный подход Франции в области интеграции иммигрантов не может ограничиваться лишь политикой в сфере гражданства, рассчитанной на автоматическую ассимиляцию новых членов сообщества и приобщение их к республиканским ценностям.

Светская мораль, передаваемая государственной школой, сегодня подлежит переоценке. Государство во Франции стало функционировать как своего рода контрцерковь, претендующая на монополию на преобразование личности и гражданского общества посредством амбициозной политико-образовательной политики¹⁴⁵. Это право государства рано или поздно будет подвергаться пересмотру со стороны различных религиозных общин. Отношения между исламом и государством на самом деле представляют собой часть общего процесса переопределения отношений между государством и гражданским обществом. Французский республиканский проект, характеризующийся исключительной связью между национальностью и гражданством, может оказаться неэффективным перед лицом растущего мусульманского населения.

Во Франции ислам является второй по численности религией и третьей по числу мест, предназначенных для богослужений, после католицизма и протестантизма. В стране насчитывается порядка 2600 мечетей. По различным оценкам, мусульманское население Франции составляет от 4 до 6 млн чел.¹⁴⁶, что составляет около 8% населения страны. Такое существенное расхождение в данных связано с запретом во Франции на включение в официальные опросы пунктов об этнической или религиозной принадлежности. Главным образом исследователи опираются на страну происхождения граждан с иммигрантскими корнями, выходцев из стран Африки и Магриба. При этом, по данным исследовательского центра *Pew*¹⁴⁷, независимо от мас-

---

¹⁴⁵ Cesari J. Être musulman en France: Associations, militants et mosquées. Institut de recherches et d'études sur les mondes arabes et musulmans. 1994.

¹⁴⁶ Rapport annuel de l'Observatoire de la laïcité 2018–2019. URL: https://www.gouvernement.fr/sites/default/files/contenu/piece-jointe/2019/07/laicite_rapport_annuel_2018-2019_v16-bat-web.pdf (дата обращения 03.02.2019).

¹⁴⁷ Europe's Growing Muslim Population, Pew Research Center, 2017. URL:

штабов иммиграции число мусульман будет только расти.

По данным исследования института Монтеня под заголовком «Французский ислам возможен», опубликованного в 2016 г.¹⁴⁸ и основанного на социологическом исследовании *Ifop* (Французского института общественного мнения), около 29% опрошенных мусульман во Франции придерживаются ценностей, противоречащих республиканским, и считают, что «исламский закон (шариат) важнее законов Республики». 70% опрошенных покупают мясо халяль, но почти треть совсем не посещает мечеть, либо приходит туда лишь несколько раз в году в дни религиозных праздников. Исходя из этих данных ясно, что степень религиозности мусульман во Франции, как и в других странах Западной Европы, подвергается влиянию постсекуляризма. Религия приобретает более выраженное и часто исключительно культурное измерение, нежели служит повседневной практикой в исполнении религиозных предписаний, либо уходит в область сугубо личной жизни граждан и никак не проявляет себя в общественном поле. Это может также говорить о том, что политическое и культурное размежевание по отношению к либеральным ценностям наблюдается не только внутри общества в целом, но и внутри религиозных сообществ.

Светскость во Франции всё больше воспринимается не в качестве универсалистского проекта, обеспечивающего модус гражданского общежития, а как защитный механизм и основа для проведения ассимиляционной политики. Возможный вариант – это светскость, понимаемая как взаимная автономия, а не полное исключение из общественной жизни, поскольку невозможно отделить общественное от личного (семья, школа, этика межличностных отношений).

* * *

Желание достичь общественного единства через унификацию в современном многообразном обществе вряд ли возможно. Тогда Франции и другим странам Европы предстоит найти

<https://www.pewforum.org/2017/11/29/europes-growing-muslim-population/> (дата обращения 13.02.2019).

¹⁴⁸ Un islam français est possible. Rapport de l'Institut Montaigne, 2016. 188 p. URL: https://www.institutmontaigne.org/ressources/pdfs/publications/rapport-unislam-francais-est_-_possible.pdf (дата обращения 13.02.2019).

новые основания для сосуществования верующих, представителей различных религий, и неверующих в рамках либерального по духу государства. Учитывая неизбежно растущее число граждан, исповедующих ислам, независимо от масштабов иммиграции, Франции вполне вероятно придётся пересмотреть те базовые для республики ценности, на которых строилась французская гражданская нация.

ГЛАВА 8. ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ, ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЕВРОПЕЙСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ

Проблемы религиозного экстремизма в мире исследуются многими учёными, исследователями, экспертами, однако пока нет единого мнения в отношении данного феномена. Его проявления, разновидности, перспективы, различия в масштабах, содержании, мотивации имеют свою специфику в зависимости от исторических, социально-экономических, политических, региональных и других факторов.

Для успешной борьбы с экстремизмом, по мнению исследователей, необходимо концептуальное осмысление этого феномена, разработка методологической базы и методики исследования его сущности. От этого прямо зависит эффективность государственных решений в области антиэкстремистской борьбы.

Причины появления экстремизма в Центральной Азии (ЦА) многообразны. К объективно существующим причинам роста исламистского экстремизма в этом регионе следует отнести комплекс социально-экономических и внутривнутриполитических проблем, а также аспекты внешнего влияния на ситуацию в регионе.

Важнейшие факторы, влияющие на ситуацию в сфере безопасности в ЦА – проблематика исламистского экстремизма, близость Афганистана и перспективы расширения зоны нестабильности на центрально-азиатский регион. Основные военно-политические, экономические, дипломатические и иные шаги руководства стран региона диктуются в первую очередь стремлением избежать дестабилизации своих государств.

Интересно, что на протяжении времени оценка носителей

угрозы религиозного экстремизма в регионе менялась. Долгое время основными акторами экстремизма считались «Хизб ут-Тахрир» (ХТ) и Исламское движение Узбекистана (ИДУ)¹⁴⁹.

«Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» («Партия исламского освобождения») была основана в начале 1950-х гг. в Иерусалиме шейхом ан-Набхани фактически как филиал организации «Братья мусульмане» с целью освобождения Палестины от израильской оккупации. С течением времени задачи ХТ изменились. Сейчас во главу угла поставлена агитационно-пропагандистская работа по возвращению мусульман к исламскому (шариатскому) образу жизни и распространению ислама путём джихада. Главная цель – создание всемирного халифата. Согласно официальной доктрине, ХТ занимается идеологией и отрицает насилие как средство достижения политических целей.

В ЦА первые ячейки этой организации появились в начале 1990-х гг. в узбекской части Ферганской долины. Идейнными наставниками выступали эмиссары из арабских стран. Наибольшим влиянием движение пользуется в Киргизии, Таджикистане и Узбекистане, где оно предпринимает попытки внедряться во властные структуры, прежде всего в управленческий аппарат на периферии. ХТ активно вовлекает в свои ряды молодёжь, налаживает работу среди женской части населения. Постепенно в идеологических установках ХТ, пусть в завуалированной форме, но достаточно отчётливо, стали звучать призывы к захвату власти силовыми методами. Эта экстремистская партия официально запрещена во всех государствах – членах ШОС (Казахстан, Кыргызстан, Китай, Россия, Таджикистан, Узбекистан), во многих арабских странах, в Иране, Пакистане, а также в Германии. Но в ряде государств, в том числе европейских, ХТ работала легально. Наиболее активно – в Великобритании.

ИДУ было создано в 1995 г. Идеино-теоретические основы его деятельности, по существу, так и не были разработаны: представители «военного крыла» быстро заняли доминирующие позиции, а им было не до теории. Поэтому ИДУ вряд ли можно признать сформировавшейся политической организацией. Основная задача ИДУ – построение исламского государства на

---

¹⁴⁹ Организации, запрещённые на территории РФ.

территории Узбекистана, а в перспективе – во всей ЦА, в пограничных областях Китая и России. При этом свержение светских режимов в центрально-азиатском регионе предполагается осуществлять вооружённым путём. Члены боевых ячеек ИДУ имели значительный опыт ведения военных действий. Они участвовали в гражданской войне в Таджикистане на стороне Объединённой таджикской оппозиции. В 1999 г. боевики ИДУ пытались поднять мятеж в Сурхандарьинской области Узбекистана и на юге Киргизии, где вели бои с правительственными войсками.

После событий 11 сентября 2001 г. и начала АТО в Афганистане отряды ИДУ оказывали вооружённую поддержку талибам. В ходе «горячей фазы» основное ядро боевых формирований ИДУ было разгромлено, а уцелевшие боевики переместились в труднодоступные горные районы Пакистана («территория племён»), где, по имеющейся информации, продолжают проходить подготовку в лагерях международных террористов. Часть из них нелегально находилось в ЦА, в том числе в Узбекистане. Несмотря на небольшую численность, они представляли собой реальную опасность благодаря навыкам проведения террористических акций.

После андижанских событий 2005 г. в Узбекистане приобрела известность экстремистская группировка «Акрамия», созданная в 1996 г. членом ХТ А. Юлдашевым. Она включала в себя в основном жителей Андижанской области Узбекистана. Сторонники «Акрамия», придерживаясь в целом идеологии ХТ, не исключали вооружённой борьбы как средства достижения своих целей, состоящих в создании исламского халифата в рамках Ферганской долины. При этом ставка делалась на распространение в регионе радикальных исламистских идей. Особую роль в финансировании играл афганский наркотрафик. Он служил значительным источником финансирования экстремистского подполья в ЦА (по некоторым оценкам ежегодный доход в 2000-е гг. составлял 2-4 млрд долл.). Наркопреступность превратила регион в основной транзитный коридор доставки наркотиков в страны СНГ и далее в Европу. По указанному «северному маршруту» в западном направлении проходило в 2000-е гг., по разным оценкам, от 20 до 40% афганской наркопродукции. Связан-

ные с наркобизнесом криминальные структуры предпринимали попытки оказывать влияние на развитие политических процессов в различных государствах ЦА.

В 2000–2010-е гг. шли заметные трансформационные процессы, связанные с сокращением финансирования и ресурсов группировки, открытием новых тренировочных лагерей в Пакистане, включением экстремистской группы в мировые террористические сети. В частности, киргизские официальные лица предполагали, что ИДУ и уйгурские террористы формируют новую единую организацию под названием «Исламское движение Центральной Азии»: её стратегическая цель – формирование Исламского халифата сначала в Узбекистане, а затем его распространение на Таджикистан, Кыргызстан и западные районы КНР. Базой для исламистских террористов ЦА оставались северо-западные районы Пакистана, где проходили подготовку боевики из стран ЦА, а также афганцы и уйгуры. Ответом на эти угрозы стало проведение серьезных антитеррористических учений ШОС.

Интересно, что в 1990-е гг. Узбекистан и Пакистан занимали разные позиции в отношении внутриафганского урегулирования. Поддержка Пакистаном движения «Талибан» объяснялась стремлением объединить страну, устранить препятствия торговым маршрутам по территории Афганистана. В то же время способности оказывать влияние на талибов были сильно переоценены пакистанским руководством. Пакистан не смог повлиять на негативную внутреннюю политику талибов, которая привела их к международной изоляции. При этом поддержка Пакистаном движения «Талибан» на протяжении длительного периода негативно влияла на двусторонние пакистано-узбекские отношения, поскольку элиты стран ЦА видели в талибах угрозу региональной безопасности и поддерживали других участников внутриафганского конфликта¹⁵⁰.

В 2000–2010-е гг. позиции двух стран в отношении афганского урегулирования сближаются. Пакистан пересматривает

---

¹⁵⁰ Токтамысов С. Взаимодействие Пакистана и Узбекистана в контексте укрепления безопасности в Центральной Азии // Вестник РУДН. №2, 2016. С. 53-60.

свою позицию по отношению к движению «Талибан» и проводит крупные антитеррористические акции, направленные на борьбу с пакистанскими талибами на своей территории. Одной из таких акций стала военная операция в долине Сват в мае 2009 г. Хотя лидер пакистанских талибов в провинции Сват Маулана Файзулла (Maulana Fazlullah) представлял угрозу Пакистану, он сохранял лояльность «Афганскому Талибану» во главе с муллой Омаром (Mullah Omar) – «стратегическому ресурсу» Пакистана. Пакистанская стратегия была направлена на ликвидацию М. Файзулла и устранение социально-экономического неравенства, питающего конфликтогенный потенциал¹⁵¹.

С середины 2010-х гг. появляется новый элемент угрозы в сфере безопасности для государств ЦА. Им становится «Исламское государство» (ИГ)¹⁵², проводящее линию на военную, террористическую, идеологическую экспансию. Одним из последствий этого становится резкий рост количества боевиков ИГ на территории Афганистана. Если в 2014 г. их число оценивалось в 300-400 чел., то к 2017 г. – не менее 7-8 тыс.¹⁵³ По экспертным оценкам, количество выходцев из стран СНГ на территории Афганистана и Пакистана может составлять около 4 тыс. чел.¹⁵⁴

Политические элиты Центральной Азии ставят проблему радикализации ислама на одно из первых мест в ряду угроз, способных кардинально изменить ситуацию в их странах. Исламистов обвиняют в подрыве светских устоев власти и декларируемой свободы вероисповедания, планах превращения Ислама в альтернативу светскому вектору развития государств ЦА, в том числе путём создания на территории региона теократического государства. Вместе с тем проблемой остаётся отсутствие коор-

---

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² Организация, запрещённая на территории РФ.

¹⁵³ Roggio B. Taliban Mass in Northern Afghanistan to Swear Allegiance to New Emir. Long War Journal. 27.08.2015. URL: <http://www.longwarjournal.org/archives/2015/08/taliban-mass-in-northern-afghanistan-to-swear-allegiance-to-new-emir.php> (дата обращения 02.09.2018).

¹⁵⁴ Королев О. Центральная Азия – новая горячая точка на карте мира. Ликвидация угроз дестабилизации Центральной Азии становится приоритетом для России. Федеральное агентство политических новостей. 03.03.2016. URL: <http://fapnews.ru/238176-tsentralnaya-aziya-novaya-goryachaya-tochka-na-karte-mira/> (дата обращения 09.02.2019).

динации со стороны Туркменистана в контексте противодействия террористической угрозе.

Одна из основных угроз для Туркменистана – угроза от исламистских группировок со стороны границы с Афганистаном. Туркменский участок не имеет естественных препятствий и считается одним из основных коридоров угроз для ЦА и РФ. Исламисты неоднократно пытались проникнуть в регион через этот участок границы, хотя туркменские власти не раз заявляли об усиленных мерах его охраны. При этом до середины 2010-х гг. в качестве основной угрозы на южных границах Содружества (включая Туркменистан) военными должностными лицами СНГ и представителями экспертного сообщества называлась проблема нестабильности в Афганистане из-за вывода из страны войск коалиции МССБ, возможности военной победы движения «Талибан» и связанного с ней усиления военной, экстремистской, наркотической, террористической экспансии на соседние страны, в первую очередь на государства ЦА. Туркменистан в этом контексте предпринимал определённые меры. Так, в 2014 г. состоялся первый визит министра обороны Ирана в Туркменистан, а глава государства Бердымухаммедов провёл ряд встреч в рамках саммита ШОС с президентами Ирана, Монголии, Председателем КНР, чиновниками меньшего ранга из Индии и Пакистана.

Однако активизация террористической группировки ИГИЛ¹⁵⁵, захватившей целый ряд крупных городов, населённых пунктов и территорий на Ближнем Востоке, установившей контроль над углеводородными месторождениями, получившей доступ к огромным людским, финансовым, военным, стратегическим ресурсам, изменила ситуацию. Взаимоотношения ИГИЛ и «Талибан» неоднозначны: они часто выступают как противники. Так, 11 июня 2018 г. боевики ИГИЛ и «Талибан» вступили в бой на приграничной с Туркменистаном территории Афганистана. В результате талибы потеряли пять человек, ИГИЛ – трёх. В конце 2017 г. командующий вооружёнными силами НАТО и США в Афганистане генерал Д. Николсон заявил о концентрации боевиков ИГИЛ на севере Афганистана, в провинциях, граничащих с Туркменистаном (Герат, Фарьяб). Причём, по

---

¹⁵⁵ Организация, запрещённая на территории РФ.

его словам, ИГИЛ ставил своей целью пополнение рядов именно с помощью готовых примкнуть к ним пакистанских талибов.

В целом до середины 2010-х гг. Туркменистану удавалось пресекать появления на своей территории группировок религиозных экстремистов. Но затем ситуация начала обостряться. Появилась информация о гибели в 2014–2017 гг. более 210 пограничников. Так, в мае 2017 г. в города Мары и Туркменабад были доставлены тела 37 военнослужащих подразделений Государственной пограничной службы, погибших на туркмено-афганской границе в результате боестолкновений с афганскими бандформированиями. Согласно экспертным оценкам, туркменская территория используется боевиками в качестве укрытия при проведении антитеррористических операций афганской армией. В 2015–2017 гг. в Туркменистане были задержаны более 250 туркменских граждан, сторонников «Талибана» и ИГИЛ.

Одновременно с этим активизировались контакты спецслужб Туркменистана с исламистскими группировками. Некоторые эксперты сообщали о передаче афганским группировкам боеприпасов (около 250 автоматов и пулемётов Калашникова, до 20 противотанковых гранатомётов, 2 БМП-3). Туркменские пограничники получили указание не реагировать на проникновения нарушителей из Афганистана на отдельных участках границы. При этом официально Туркменистан отрицал наличие угрозы на афганской границе, и направил соответствующую ноту в адрес Казахстана после заявления Н. Назарбаева, озвучившего совместную с В.В. Путиным позицию об определённых опасениях за ситуацию на туркмено-афганской границе.

Таким образом, на сегодняшний день вызовы, которые формируют терроризм, экстремизм и незаконный оборот наркотиков, представляют собой серьёзную угрозу безопасности ЦА. Для эффективного противодействия им нужны совместные действия государств и международных организаций, заинтересованных в сохранении стабильности на центрально-азиатском пространстве.

Россию и страны ЦА связывают отношения стратегического партнёрства и союзничества. Вопросы безопасности рассматриваются в качестве общих проблем, решение которых возмож-

но в тесном взаимодействии друг с другом. В двустороннем формате активно сотрудничают между собой военные и правоохранительные ведомства РФ и центрально-азиатских государств, их антинаркотические и специальные службы. Ведётся соответствующая работа и по линии многосторонних структур – СНГ, ОДКБ, ШОС. Предпринимаются шаги по повышению эффективности деятельности Антитеррористического центра СНГ. Его региональная оперативная группа в Бишкеке занимается сбором и систематизацией информации о различных террористических и экстремистских организациях и группах, действующих в Центральной Азии.

ГЛАВА 9. РАДИКАЛЬНЫЙ ИСЛАМИЗМ КАК РАСТУЩАЯ УГРОЗА ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В последние годы общей тенденцией для большинства европейских стран стал резкий рост радикального исламизма. Террористические атаки (расстрел редакции юмористического журнала «*Charlie Hebdo*», нападение на концертный зал «Батаклан» в Париже, теракты в Ницце, Берлине, Стокгольме) не имеют аналогов по численности жертв, резонансу и жестокости в сравнении с атаками левых или правых террористов.

Потенциал исламистских радикалов в Европе

Совокупная численность радикальных исламистов в ЕС составляет десятки тысяч человек. Среди основных группировок исламистов, действующих в странах ЕС, следует выделить «Исламское государство»¹⁵⁶, «Джебхат-ан-Нусра»¹⁵⁷, «Аль-Каиду»¹⁵⁸ и её ответвления, «Хизб ут-Тахрир»¹⁵⁹ и пр.

Правоохранители стран ЕС признают, что в Сирии в рядах радикалов воюют сотни граждан ЕС, преимущественно мигрантов с Ближнего Востока. При этом они не только едут воевать на Ближний Восток, но и готовят и совершают теракты в самой Европе. Так, за 2019 г. аналитики Европола насчитали 119 случаев проведения, планирования и подготовки терактов радикаль-

---

¹⁵⁶ Организация, запрещённая на территории Российской Федерации.

¹⁵⁷ Организация, запрещённая на территории Российской Федерации.

¹⁵⁸ Организация, запрещённая на территории Российской Федерации.

¹⁵⁹ Организация, запрещённая на территории Российской Федерации.

ными исламистами, в ходе которых погибло 10 и было ранено 27 человек¹⁶⁰. По подозрению в участии в террористической деятельности было арестовано более 1000 человек¹⁶¹. Всего с сентября 2001 г. по май 2021 г. (без учёта атаки на башни Всемирного торгового центра) было зафиксировано более 440 террористических атак на территории ЕС, РФ и стран Восточной Европы, не входящих в ЕС¹⁶². Европа в последние годы перестала быть «тихой гаванью» и превращается в арену разгула радикального исламизма.

Идеологическая составляющая исламистского экстремизма

Под исламизмом правоохранители и политологи понимают форму политического экстремизма с религиозным подтекстом. При этом исламисты выступают за реализацию всех положений ислама не только как свода нравственных установок и религиозных догматов, но и как универсального средства регулирования социальных, юридических, экономических и политических отношений. Подобная доктрина во многом прямо противоположна сложившимся за последние 200 лет либеральным устоям европейского общества. Исламисты пытаются построить некую модель идеального государства. А средством реализации своих целей избрали террор и геноцид.

Большинство группировок радикальных исламистов стремятся создать глобальный халифат и позиционируют свою исламистскую идеологию как альтернативу светской демократии. Несмотря на то что большинство исламистов выступают за восстановление халифата только в мусульманском мире¹⁶³, они активно используют антизападную пропаганду для продвижения сво-

---

¹⁶⁰ EU Terrorism Situation & Trend Report (Te-Sat) 2020. URL: <https://www.europol.europa.eu/activities-services/main-reports/european-union-terrorism-situation-and-trend-report-te-sat-2020> (дата обращения 27.06.2021).

¹⁶¹ Источник: EU Terrorism Situation and Trend Report (TE-SAT), 2016; цит. по: URL: <https://www.europol.europa.eu/crime-areas-and-trends/crime-areas/terrorism> (дата обращения 28.08.2018).

¹⁶² Islamic Terror in Europe (Since 2001). URL: <https://thereligionofpeace.com/attacks/europe-attacks.aspx> (дата обращения 27.06.2021).

¹⁶³ Hizb ut-Tahrir. Ideology and strategy. URL: https://www.counterextremism.com/sites/default/files/threat_pdf/Hizb%20ut-Tahrir-01262018.pdf (дата обращения 12.10.2018).

их целей, включая вербовку неофитов в самих западных странах. В своей пропаганде они выдвигают тезис о якобы имеющем место унижении и угнетении мусульман в европейских странах, что позволяет консолидировать мусульман из различных стран, используя эффект диаспоры, живущей в удалении от исторической родины.

Исламисты нередко используют беженцев для вербовки неофитов. Так, в интервью газете «*Rheinische Post*» глава Федерального ведомства по охране Конституции ФРГ Ханс-Георг Маасен заявил, что салафиты действуют в образе филантропов и сотрудников образовательных организаций. Они намеренно вступают в контакт с мигрантами и приглашают их в определённые мечети, чтобы завербовать для своих целей¹⁶⁴.

Подобный агрессивный подход свойственен далеко не всем направлениям в исламе. Наиболее экспансивным представляется ваххабизм – радикальная версия ислама суннитского толка, ставшая государственной идеологией в Саудовской Аравии, Катаре и др. Выделяется также салафизм, призывающий к возвращению ислама к исходным корням, состоянию первых веков существования этой религии. Эту идеологию исповедует большинство экстремистских джихадистских группировок на Ближнем Востоке и их ячейки в Европе.

Что же касается исламизма и либерализма, которые сейчас оказались противопоставлены в Европе, то здесь вполне уместно говорить о двух антагонистических общественно-религиозных доктринах, так как либерализм, несмотря на свой декларируемый атеизм, может считаться своего рода эрзац-религией.

Формулируя основные идеологические признаки исламизма, прежде всего следует выделить совершенно отличное от европейского понимание прав человека: неравноправие женщин; смертная казнь, в том числе за инакомыслие (как в случае с журналистом Хаштоги и известным шиитским проповедником Нимр ан-Нимром, казнённым в Саудовской Аравии в начале января 2016 г.¹⁶⁵); отрицание демократии как фундаментального

---

¹⁶⁴ Яковина И. Мигранты в Европе: главные риск. URL: <http://www.colta.ru/articles/society/8494> (дата обращения 10.10.2018).

¹⁶⁵ Казнь шиитского проповедника в Саудовской Аравии привела к массовым

принципа европейской идентичности.

Исламисты отрицают светское законодательство европейских стран, требуя ввести наряду с ним, а то и вместо него нормы шариатского права. Исламисты отрицают принцип разделения властей светского государства, считая, что властитель государства должен сочетать в себе элементы духовной и светской власти. Тем самым они выступают за резко авторитарный характер государства. При этом идеологи радикального исламизма во все не этатисты, в отличие от европейских консерваторов и правых. Для них религия и конфессиональная принадлежность – основные элементы, а национальная, этническая, государственная принадлежность отходят на второй план. Именно это делает исламизм интернациональной идеологией, охватывающей выходцев из разных этнических групп, но исповедующих одну религию.

Деятельность радикальных исламистов в разрезе стран ЕС

Исследователи и правоохранители ведут постоянный мониторинг деятельности исламистов в различных странах Европы. Результаты регулярно публикуются в отчётах правоохранительных ведомств ЕС, Европола и пр. В настоящей главе мы приведём анализ активности радикальных исламистов в крупнейших странах Европы.

Германия

Германия в течение последних лет стала одной из мишеней радикальных исламистов. Один из самых резонансных терактов был совершён 19 декабря 2016 г., когда рождённый в Тунисе Анис Амри въехал на грузовике в толпу людей на рождественском рынке в Берлине, убив 12 и ранив ещё 48 человек. Террористическая организация «Исламское государство» взяла на себя ответственность за нападение через своё новостное агентство *Атаq*. 23 декабря 2016 г. Амри был остановлен для проверки документов итальянской полицией в Милане и убит в перестрелке.

Самый последний теракт в Германии был совершён в июне 2021 г., когда мигрант из Сомали зарезал трёх женщин в супер-

---

протестам. ТАСС, 02.01.2016. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2569672> (дата обращения 15.10.2018).

маркете¹⁶⁶. Немецкие правоохранители приводят данные, согласно которым, начиная с 11 сентября 2001 г. (своеобразной точки отсчёта в плане выхода исламистского террора за пределы Ближнего Востока), в результате террористических атак исламистов погибло больше граждан ФРГ, чем от рук Фракции Красной Армии, которая действовала в Германии почти тридцать лет.

Ещё в 2014 г. Федеральная уголовная полиция предупреждала, что наибольшая террористическая угроза в ФРГ исходит именно от радикальных исламистов. По данным Федерального ведомства по охране Конституции, по состоянию на 2020 г. в Германии проживало 28715 исламистов и джихадистов¹⁶⁷. Это на 2,5 % больше, чем в 2019 г. Количество лиц с салафитскими устремлениями выросло в 2020 г. на 2300 человек по сравнению с 2016 г.¹⁶⁸

Власти Германии признают, что одним из факторов роста радикальных исламистских настроений среди проживающих в ФРГ мусульман служат антиисламские заявления и провокации в СМИ (по аналогии с карикатурами на пророка Мухаммеда во французских и датских СМИ)¹⁶⁹. Это важная тенденция, не свойственная, например, Франции, где Э. Макрон открыто противопоставляет французское секулярное общество не только радикальному исламизму, но порой и исламской цивилизации в целом.

Власти Германии предупреждают, что лица, ищущие убежища в стране, подвергаются риску радикализации под воздейст-

---

¹⁶⁶ Islamic Terror in Europe (Since 2001). URL: <https://thereligionofpeace.com/attacks/europe-attacks.aspx> (дата обращения 27.06.2021).

¹⁶⁷ Verfassungsschutzbericht 2020. S. 196. URL: https://www.verfassungsschutz.de/SharedDocs/publikationen/DE/2021/verfassungsschutzbericht-2020.pdf;jsessionid=56CBD34A3D96979A54C0A381B38204E3.intranet662?__blob=publicationFile&v=5 (дата обращения 27.06.2021).

¹⁶⁸ Verfassungsschutzbericht 2017 – Fakten und Tendenzen – Kurzzusammenfassung. S. 25. URL: <https://www.verfassungsschutz.de/de/oeffentlichkeitsarbeit/publikationen/verfassungsschutzberichte/vsbericht-2017-kurzzusammenfassung> (дата обращения 17.09.2018, Verfassungsschutzbericht 2020. S. 197. URL: https://www.verfassungsschutz.de/SharedDocs/publikationen/DE/2021/verfassungsschutzbericht-2020.pdf;jsessionid=56CBD34A3D96979A54C0A381B38204E3.intranet662?__blob=publicationFile&v=5 (дата обращения 17.06.2021).

¹⁶⁹ Verfassungsschutzbericht 2020. S. 188. URL: https://www.verfassungsschutz.de/SharedDocs/publikationen/DE/2021/verfassungsschutzbericht-2020.pdf;jsessionid=56CBD34A3D96979A54C0A381B38204E3.intranet662?__blob=publicationFile&v=5 (дата обращения 17.06.2021).

вием проживающих в ФРГ джихадистов, которых в стране насчитывается около 10800 человек¹⁷⁰. Правоохранительные органы отмечают, что различные террористические группировки использовали миграционные маршруты для инфильтрации своих боевиков в Германию. По состоянию на конец 2020 г. немецкие правоохранители насчитали в совокупности около 1070 лиц, преимущественно выходцев из стран Ближнего Востока и Магриба, которые, начиная с 2012 г., выехали сражаться в рядах террористических организаций в Сирии и Ираке¹⁷¹. Примерно треть из них вернулась в Германию и представляет потенциальную угрозу.

Создание спящих ячеек радикалов и различных организаций шло и ранее. Помимо салафитов из стран Ближнего Востока в Германии уже давно активно действуют группировки пантюркистов, турецких радикалов-гюленовцев и пр. В таблице 1 приведена численность наиболее крупных группировок радикальных исламистов, действующих в ФРГ (по состоянию на 2020 г.).

Таблица 1

Салафиты	12150
Хесболла	1250
Хамас	450
Хизб ут-Тахрир	600
Братья мусульмане	1450
Таблиги Джамаат	650
Милли Герюс	10000

Источник: Verfassungsschutzbericht 2020. URL: https://www.verfassungsschutz.de/SharedDocs/publikationen/DE/2021/verfassungsschutzbericht-2020.pdf;jsessionid=56CBD34A3D96979A54C0A381B38204E3.intranet662?__blob=publicationFile&v=5.

Франция

Франция – одна из главных мишеней для радикальных исламистов. В отличие от Германии, радикальные исламисты устраивали теракты во Франции и ранее, что было обусловлено затяжной войной в Алжире. Теракты не закончились и после её окончания. В 1994–1996 гг. Франция была жертвой серии напа-

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ Verfassungsschutzbericht 2020. S. 189. URL: https://www.verfassungsschutz.de/SharedDocs/publikationen/DE/2021/verfassungsschutzbericht-2020.pdf;jsessionid=56CBD34A3D96979A54C0A381B38204E3.intranet662?__blob=publicationFile&v=5 (дата обращения 17.06.2021).

дений боевиков Алжирской вооружённой исламистской группы (*GIA*). В декабре 1994 г. боевики *GIA* угнали французский самолёт в Алжире, предположительно, с целью взорвать его над Парижем. В 1995–1996 гг. *GIA* устроила серию взрывов во Франции, в результате которых было убито 16 и ранено более 300 человек. Одна бомба была заложена рядом с еврейской школой, при взрыве было ранено 14 человек. В последние годы Франция испытала ряд смертоносных терактов, в том числе: нападение в июле 2016 г. в Ницце, атаки активистов ИГИЛ в ноябре 2015 г. в Париже, а также нападение на редакцию сатирического журнала «*Charlie Hebdo*» и кошерные супермаркеты в январе 2015 г.

11 декабря 2018 г. радикал-исламист Шариф Шафт, родившийся во Франции, расстрелял из пистолета несколько человек в Страсбурге. Преступник был хорошо известен полиции, так как уже неоднократно совершал злодеяния на территории Германии и Франции¹⁷². Через два дня он был ликвидирован полицейским спецназом. 23 марта 2018 г. 26-летний Редуан Лакдим захватил автомобиль в г. Каркассон, убив пассажира и ранив водителя. Затем он ранил находящегося рядом с ним полицейского. Боевик-исламист поехал в близлежащий г. Требек в супермаркет. Там убил двух человек и взял нескольких других в заложники, требуя освобождения Салаха Абдесалама, подозреваемого в нападении на ночной клуб в Париже в ноябре 2015 г. В результате четверо были убиты, включая офицера полиции, обменявшего себя на заложника, а трое ранены. Позже полиция обнаружила три самодельных взрывных устройства в супермаркете. ИГИЛ взяло на себя ответственность за этот теракт через канал *Amaq*.

Первый крупный террористический акт на территории Франции за последние годы произошёл 7 января 2015 г., когда нападавшие, действующие от имени йеменского филиала «Аль-Каиды», ворвались в офис французского сатирического журнала «*Charlie Hebdo*» с автоматами, убив 12 человек. Через несколько дней другой боевик ворвался в кошерный супермаркет

---

¹⁷² Теракт на ярмарке в Страсбурге. Все подробности. Корреспондент.net, 12.12.2018. URL: <https://korrespondent.net/world/4042512-terakt-v-strasburhe-napadavshiyi-uekhal-na-taksy> (дата обращения 13.12.2018).

в Париже и убил там пять человек, включая полицейского.

13 ноября 2015 г. 8 боевиков ИГИЛ произвели ряд терактов в Париже и его окрестностях (в кафе, ресторанах и концертном зале). Было убито 130 человек и 350 ранено. 14 июля 2016 г. проживавший в Ницце уроженец Туниса врезался на грузовике на набережной в толпу гулявших, праздновавших День взятия Бастилии, убив 86 человек и ранив более 430. 13 июня 2016 г. активист ИГИЛ напал на двух полицейских в их доме в Магनावилле, а 26 июля 2016 г. два боевика ИГИЛ ворвались в приходскую церковь в Сен-Этьене в Нормандии и убили священника.

Начиная с 2015 г., во Франции в результате террористических актов было убито более 240 человек¹⁷³. Террористы чаще всего декларировали принадлежность ИГИЛ. Последние теракты во Франции были осуществлены в Нанте и Бордо в мае 2021 г.: ранено 4 человека, из них 3 полицейских¹⁷⁴.

Все эти теракты наглядно свидетельствуют о большой опасности, исходящей от радикальных исламистов. По состоянию на 2016 г. правоохранители насчитали 15000 подозреваемых в терроризме. Франция – крупнейший поставщик боевиков из Европы в Ирак и Сирию: на стороне террористических группировок воевало более 2000 граждан Франции¹⁷⁵. Серьёзной проблемой для страны остаётся миграция и распространение радикального исламизма в тюрьмах. По различным оценкам, в исправительных учреждениях страны находилось на тот момент свыше 1400 лиц, придерживавшихся радикального исламизма¹⁷⁶.

Как и в других странах Европы, джихадисты добились успеха в радикализации и вербовке французских граждан в Интернете и в ходе личных контактов. В ноябре 2014 г., ИГИЛ выпустило пропагандистское видео, направленное на французских мусульман, призывая джихадистов совершать нападения во Франции, если они не могут попасть на подконтрольную ИГИЛ

---

¹⁷³ Extremism in France. URL: https://www.counterextremism.com/sites/default/files/country_pdf/FR-10112018.pdf (дата обращения 12.10.2018).

¹⁷⁴ Islamic Terror in Europe (Since 2001). URL: <https://thereligionofpeace.com/attacks/europe-attacks.aspx> (дата обращения 13.12.2018).

¹⁷⁵ Extremism in France. URL: https://www.counterextremism.com/sites/default/files/country_pdf/FR-10112018.pdf (дата обращения 12.10.2018).

¹⁷⁶ Ibid.

территорию. Группировка также запустила журнал на французском языке «*Dar al Islam*». Нередки случаи вербовки несовершеннолетних в Интернете с помощью пропагандистских видеороликов, направленных именно на эту возрастную категорию.

Радикализация мусульманской общины, рост числа и масштабов терактов в конце концов привели к резким заявлениям президента Франции Э. Макрона о необходимости «просвещённого ислама» во Франции, который бы «жил в мире с республикой, уважал бы принцип отделения церкви от государства и был бы свободен от иностранного влияния»¹⁷⁷. Эти заявления вызвали предсказуемо резкую реакцию не только главного оппонента Макрона из исламского мира – президента Турции Эрдогана, но и ряда других лидеров исламских стран. Таким образом, мы наблюдаем раскручивание маховика взаимного отчуждения старой Европы и мигрантов из мусульманских стран и представителей их стран-доноров.

Великобритания

В отличие от прошлых лет, когда основную угрозу представляли террористические организации, участвовавшие в конфликте в Ольстере, сейчас правоохранители Великобритании особо выделяют радикальный исламизм. ИГИЛ определяется как самая значимая экстремистская угроза Соединённому Королевству и его интересам. Это обусловлено ростом количества радикальных исламистов в Великобритании и совершённых ими терактов. В июне 2015 г. сочувствующий ИГИЛ террорист убил 30 британских туристов в Тунисе. В декабре того же года, исламист-одиночка напал с ножом и ранил трёх пассажиров на станции метро *East London*. Последние теракты в Великобритании, совершённые радикальными исламистами, пришлись на июнь и сентябрь 2020 г. В ходе этих актов пострадало 5 человек¹⁷⁸.

Соединённое Королевство сталкивается с проблемой радикализации мусульманской общины. По состоянию на октябрь 2016 г., около 850 британских граждан отправились воевать на

---

¹⁷⁷ Почему Макрон поднял меч Карла Мартелла. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5c2bb5cbea03980abdc8fd6/pochemu-makron-podnial-mech-karla-martella-5f9bbefbd3910530e0d257a02> (дата обращения 21.06.2021).

¹⁷⁸ Islamic Terror in Europe (Since 2001). URL: <https://thereligionofpeace.com/attacks/europe-attacks.aspx> (дата обращения 27.06.2021).

стороне различных джихадистских организаций в Ираке и Сирии¹⁷⁹. В январе 2016 г. министр иностранных дел Филипп Хэммонд заявил, что, начиная с 2012 г., «600 британских граждан были перехвачены, пытаясь добраться до Сирии»¹⁸⁰. Он объяснил эти успехи более тесным сотрудничеством с турецкими властями. Даже по самым скромным оценкам, британцы составляют один из крупнейших по иностранным контингентам в рядах ИГИЛ. Всего же численность лиц, разделяющих идеологию джихадизма и исламизма, доходит в Великобритании, по данным некоторых исследователей, до 25 тыс. человек¹⁸¹. Это самая высокая цифра среди европейских стран.

Также много граждан Великобритании отправилось воевать на Ближний Восток. В октябре 2016 г. правоохранители насчитали порядка 850 человек. При этом британские суды вынесли приговоры более 70 лицам за попытку покинуть страну с целью участия в террористической деятельности. Среди граждан Великобритании оказалось несколько высокопоставленных офицеров террористических отрядов, например, пресловутый «Джихади Джон», уроженец Кувейта, имеющий гражданство Соединённого Королевства.

Также Великобритания сталкивается с угрозой возвращения иностранных боевиков. По данным Би-би-си, примерно половина воевавших в Сирии и Ираке граждан Великобритании вернулись обратно. Британский эксперт по вопросам терроризма Дэвид Андерсон предупредил в январе 2016 г., что слабая безопасность и открытые границы на британском побережье, причалах и небольших портах могут обеспечить лёгкий доступ в страну для возвращающихся боевиков¹⁸².

В противовес этому, начиная с 2014 г., около сотни граж-

---

¹⁷⁹ United Kingdom: Extremism and Terrorism. URL <https://www.counterextremism.com/node/13520/printable/pdf> (дата обращения 13.10.2018).

¹⁸⁰ EU counter-terrorism chief reveals number of «home grown» Islamic radicals feared to be in UK estimated to be «20,000 to 25,000». URL: <https://www.sott.net/article/360811-EU-counter-terrorism-chief-reveals-number-of-home-grown-Islamic-radicals-feared-to-be-in-UK-estimated-to-be-20000-to-25000> (дата обращения 13.10.2018).

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² United Kingdom: Extremism and Terrorism. URL <https://www.counterextremism.com/node/13520/printable/pdf> (дата обращения 13.10.2018).

дан страны отправились воевать против ИГИЛ, в основном на стороне курдских отрядов ополчения¹⁸³.

Среди наиболее резонансных терактов, совершённых исламистами в Великобритании, следует указать следующие.

Взрыв на станции лондонского метро Парсонс-Грин 15 сентября 2017 г., в результате которого было ранено 30 человек. Этот теракт был четвёртым только за 2017 г., ответственность за который взяло на себя ИГИЛ.

Теракт на Лондонском мосту 3 июня 2017 г., когда Юсеф Загба, Хурам Батт и Рашид Редуан задавили фургоном нескольких человек. После наезда на пешеходов террористы атаковали с ножами людей на соседнем рынке. Нападавшие убили 8 человек и ранили ещё 48. Ответственность также взяло на себя ИГИЛ.

22 мая 2013 г. нигерийские исламисты Майкл Адеболахо и Майкл Адеповаль убили 25-летнего военнослужащего Ли Ригби возле Королевских артиллерийских казарм в Вулвич, Южный Лондон. Террористы пытались при этом обезглавить тело солдата.

Власти Великобритании ведут мониторинг радикальных исламистских организаций. Согласно Акту о противодействии терроризму (*Terror Act 2000*), власти могут запрещать организации, если в их действиях наблюдаются призывы к терроризму, насилию, межнациональной розни и пр. По данным на конец 2017 г., в Великобритании насчитывалось несколько десятков попавших под запрет организаций радикальных исламистов. Однако это не означает, что их активисты прекратили свою деятельность.

Швеция

Швеция – одна из стран, наиболее притягательных для мигрантов в силу своего высокого социального стандарта. Рост численности граждан страны с миграционным происхождением растёт год от года. Однако культурное разнообразие, которое так высоко ценят либеральные политики, оказалось одной из причин того, что Швеция стала также целью радикальных исламистов. Ещё в конце XX в. Швеция стала тихой гаванью для различных групп исламистов. Так, известный марокканский диссидент,

---

¹⁸³ Там же.

участник покушения на короля Марокко Ахмед Рами жил в Швеции с середины 1990-х гг., вёл активную пропагандистскую работу, причём в основном его деятельность была направлена против Израиля. Его интернет-портал «Радио Ислам» часто публиковал работы различных историков-ревизионистов из Европы и США.

По словам шведской службы безопасности, наибольшая угроза терроризма в Швеции связана с исламским экстремизмом, в частности, речь идёт о пропаганде насилия. Террористические угрозы в Швеции, как правило, обусловлены военной и финансовой поддержкой Швецией международных миротворческих и контртеррористических миссий за рубежом (Ирак, Афганистан). По мнению шведских правоохранителей, внутри Швеции радикалы-исламисты с большей вероятностью будут поддерживать терроризм за рубежом посредством вербовки активистов, финансирования или облегчения поездок боевиков на Ближний Восток¹⁸⁴.

Положение Швеции как тихой гавани для террористов подтверждают случаи участия граждан этой страны в войнах на Ближнем Востоке. Порой биографии террористов весьма примечательны и очень хорошо отражают миграционную ситуацию в стране. В феврале 2015 г. 29-летний швед Михаил Николаевич Скрамо, принявший ислам и взявший имя Абу-Ибрагим аль-Сведи (*Abo Ibrahim al-Swedi*), опубликовал видео, призывавшее других скандинавов присоединиться к ИГИЛ в Сирии. Скрамо вырос в Гётеборге и предположительно переехал в Ракку (Сирия) в сентябре 2014 г. с женой и двумя маленькими детьми¹⁸⁵.

Ряд громких терактов провели исламисты и в Швеции. 7 апреля 2017 г. уроженец Узбекистана Рахмат Акилов протаранил грузовиком толпу пешеходов за пределами торгового центра *Athens* в Стокгольме, убив 5 человек и ранив 15. Этот теракт побудил правительство Швеции усилить надзор за экстремистами, а также расширить обмен информацией между шведскими органами правоохранения.

---

¹⁸⁴ Sweden: Extremism & Counter-Extremism. URL: https://www.counterextremism.com/sites/default/files/country_pdf/SE-01082018.pdf (дата обращения 01.11.2018).

¹⁸⁵ Там же.

Вскоре после этого теракта, 16 июня 2017 г., начальник Шведской службы безопасности Андерс Торнберг заявил, что численность исламских экстремистов в Швеции увеличилась с 200 в 2007 г. до «тысяч» в 2017 г.¹⁸⁶ Согласно Торнбергу, большинство экстремистов находится в крупных городах: Стокгольм, Гётеборг, Мальме. Хотя Торнберг сказал, что только несколько находившихся в стране экстремистов готовы и способны совершать теракты, он предупредил, что угроза подобных атак внутри страны стала более актуальной¹⁸⁷.

В последующие годы Швецию сотрясло ещё несколько терактов. В марте 2021 г. в городе Ветланда мигрант напал на прохожих с топором, ранив 7 человек¹⁸⁸.

Рост радикализации исламистов внутри страны неизбежно приводит к изменениям в отношении коренного населения к мигрантам. Несмотря на всю пропаганду мультикультурного общества до 40% населения страны считают мигрантов-мусульман потенциальной угрозой и причиной роста терроризма¹⁸⁹.

Борьба правоохранительной системы с радикальным исламом

Правоохранительные службы европейских стран и Европол ведут мониторинг и работы по противодействию распространению идеологии радикального исламизма. Однако переломить ситуацию им пока не удаётся.

Исследователи приводят следующие цифры по Европе в целом. Большинство арестованных за терроризм, подготовку терактов и экстремистскую деятельность относились к группировкам джихадистов. В 2014 г. было проведено 395 арестов, в 2015 г. – 687, а в 2016 г. – 718¹⁹⁰. Следует отметить, что рост этих цифр произошёл только за счёт Франции. Причин несколько –

---

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ Islamic Terror in Europe (Since 2001). URL: <https://thereligionofpeace.com/attacks/europe-attacks.aspx> (дата обращения 27.06.2021).

¹⁸⁹ Sweden: Extremism & Counter-Extremism. URL: https://www.counterextremism.com/sites/default/files/country_pdf/SE-01082018.pdf (дата обращения 01.11.2018).

¹⁹⁰ Trends in Extremist Violence and Terrorism in Europe through End-2016. P. 7. URL: <https://www.csis.org/analysis/trends-extremist-violence-and-terrorism-euro-pe-through-end-2016> (дата обращения 12.09.2018).

общее число выходцев из стран исламского мира и радикальных исламистов, более жёсткий подход к исламским радикалам со стороны французского правительства. В других странах ЕС ситуация более спокойная, но, по мнению некоторых исследователей, проявления подобного рода экстремизма стараются официально не замечать для сохранения имиджа гостеприимных для иностранцев стран.

Одновременно заметно сокращение арестов джихадистов, возвращающихся из зон конфликтов (в основном Ирак и Сирия), с 141 в 2015 г. до 77 в 2016¹⁹¹.

Руководящие лица стран ЕС отдают себе отчёт в росте данной угрозы. В частности, французский президент Э. Макрон назвал контртерроризм своей главной внешнеполитической целью. Правительства отдельных стран ЕС проводят различные просветительские и пропагандистские кампании по предотвращению распространения радикальных взглядов. В январе 2015 г. французское правительство начало кампанию *Stop-Djihadisme*, которая включает в себя онлайн-ресурсы, помогающие французским гражданам сообщать о подозреваемых в терроризме, а также обучают граждан тому, что делать в случае нападения.

Правительство начало эксперимент по изоляции подозреваемых в терроризме от остальной части заключённых, но объявило о его остановке в конце октября 2016 г. из-за неэффективности.

В сентябре 2016 г. правительство Франции открыло первый из 12 центров дерадикализации в небольшом городке к западу от Парижа. Эта программа, в отличие от тюремного эксперимента, призвана реабилитировать людей, ставших объектом вербовки радикалов. Но данная программа также сразу начала давать сбои. В январе 2017 г. один из участников программы был арестован после попытки отправиться в Сирию. Аналогичные программы работают и в других странах Европы.

Как и во Франции, в тюрьмах Великобритании содержится всё больше выходцев из мусульманских стран (в силу роста миграции, а также сильной криминализации в беднейших слоях населения, среди которых самый высокий процент мигрантов).

---

¹⁹¹ Там же.

По данным правоохранителей, это создаёт опасность радикализации исламистов в тюрьмах. Данному вопросу посвящено крупное исследование, проведённое британским министерством юстиции¹⁹². Его авторы пришли к тем же выводам, что и спецслужбы Франции. Главной рекомендацией стало изолирование заключённых исламистов от основной массы заключённых, профилактика, попытки дерадикализации и пр.

Помимо программ адаптации и реабилитации исламистов власти европейских стран активно прибегают к запретительным мерам. В 2017 г. из Австрии было выслано около 50 имамов, обвиняемых в пропаганде радикального исламизма в духовных центрах. Это вызвало бурю негодования в некоторых мусульманских странах. Другим примером служит запрет сетевой организации салафитов «*Lies!*», которая распространяла экстремистскую литературу в городах Германии в ходе уличных пикетов. Данная структура действовала в ФРГ много лет.

Обращают на себя внимание следующие тревожные тенденции. Во-первых, большинство террористов и их сообщников – лица, давно известные полиции как «склонные к насилию», нередко на их счету уже целый ряд правонарушений. И тем не менее либеральное законодательство в Европе и боязнь правоохранителей перегнуть палку и получить ярлык «ксенофобов» дают возможность злоумышленникам реализовывать свои преступные замыслы. Во-вторых, практически все теракты, совершённые в Европе в последние годы, были направлены на простых граждан, а не на видных политиков. Исключением стало нападение на редакцию французского журнала. Складывается ощущение, что заказчики и спонсоры террористических организаций джихадистов и салафитов намеренно стремятся создать в массовом сознании европейцев образ ислама как религии убийц и фанатиков с целью подогреть исламофобию и раскрутить ещё больше спираль межконфессиональной и межэтнической напряжённости. Случится ли в Европе в результате этого больша́я

---

¹⁹² Summary of the main findings of the review of Islamist extremism in prisons, probation and youth justice. Published 22 August 2016. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/islamist-extremism-in-prisons-probation-and-youth-justice/summary-of-the-main-findings-of-the-review-of-islamist-extremism-in-prisons-probation-and-youth-justice#key-findings> (дата обращения 13.10.2018).

межэтническая война и балканизация, о чём предупреждал в своих книгах известный немецкий журналист Удо Ульфкотте? Этот вопрос остаётся открытым.

Каковы причины роста радикализации мигрантов из мусульманских стран в Европе? Исследователи выделяют несколько моментов. Это, прежде всего, фактор параллельных миров. Многие мигранты образуют диаспоры как государства в государстве со своими законами и нравами. Во-вторых, слишком сильны различия в европейском секуляризме и исламе. Повестка современного либерализма – трансгуманизм, популяризация нетрадиционных половых связей, разрушение семьи и т.п. абсолютно неприемлемы для мусульман. В-третьих, исламофобия европейских ультраправых и евроскептиков, выражающаяся в демонстрациях против строительства мечетей, а также меры ряда европейских стран по запрету на ношение традиционной мусульманской одежды и пр. укрепляют в сознании европейских мусульман мысль о враждебности европейцев не только к ним как к индивидам, но и к исламу как к религии в целом.

В свою очередь, каждый теракт, совершённый радикальными исламистами, резко повышает градус исламофобии в европейском обществе. После взрывов в Лондоне 7 июля 2005 г. опросы общественного мнения среди студентов из мусульманских стран выявили, что 31% респондентов ощущал негативное отношение общества к мусульманам, а до теракта подобные ощущения были только у 5% респондентов¹⁹³.

Усилия одних только правоохранителей не способствуют исправлению ситуации. Наиболее продуктивным способом борьбы с радикальным исламом должно стать налаживание взаимодействия между госорганами, общественными организациями и религиозными центрами мусульман, духовными лидерами диаспор. Не секрет, что среди правоохранителей европейских стран не так много экспертов, способных дать адекватный анализ духовной исламской литературы с целью определения, относится ли она к умеренному или к радикальному исламу. Без

---

¹⁹³ Wojtowicz Anna. Islamic radicalization in the UK: index of radicalization. P. 21. URL: <https://www.ict.org.il/UserFiles/Islamic%20Radicalization%20in%20UK.pdf> (дата обращения 26.06.2021).

тесного взаимодействия с духовными лидерами мусульманской диаспоры в Европе и странах традиционного ислама не обойтись. В противном случае маховик взаимного отчуждения и радикализации европейцев и мусульман будет только раскручиваться, что в самом пессимистичном варианте может привести к масштабным межэтническим и межконфессиональным конфликтам на просторах Европы.

ГЛАВА 10. МИГРАЦИОННЫЙ ВОПРОС В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ ТУРЦИЕЙ И ЕС НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В 2015–2017 гг. Европа столкнулась с массовым притоком мигрантов. В основном это были сирийские беженцы, спасавшиеся от войны, беспорядков и других проблем в своей стране. На фоне «общеевропейской истерии» из-за роста иммиграции заметно участились визиты европейских политиков в Турцию. Эта страна приняла наибольшее число сирийских переселенцев, и стала играть важную роль для ЕС в качестве буферной зоны, сдерживавшей миграционные потоки, направленные в Европу.

О значении Турции как аккумулятора сирийских беженцев свидетельствовал, в частности, саммит ЕС 19-20 октября 2017 г. в Брюсселе. Даже канцлер Германии Ангела Меркель, которая неоднократно высказывалась за прекращение переговоров с Анкарой о вступлении в ЕС, на саммите предпочла этого не требовать, заняв сдержанную позицию. Берлин выступил за продолжение переговоров с Турцией, но с определёнными финансовыми ограничениями. Более того, Меркель похвалила Турцию за помощь в остановке потока мигрантов в Европу в рамках сделки с ЕС. Как сообщил Председатель Европейского совета Дональд Туск, Еврокомиссии было дано задание «продумать, следует ли урезать и переориентировать средства», предусмотренные Турцией в рамках переговоров о вступлении в ЕС как полноправного члена.

Предварительный совместный план действий по миграции предполагал финансовую помощь ЕС в размере 3 млрд евро, ускоренный процесс отмены визовых требований для турецких

граждан в Шенгенской зоне и активизацию переговоров о вступлении Турецкой Республики в ЕС. Он был согласован лидерами Евросоюза и Турции ещё 15 октября 2015 г. на саммите ЕС в Брюсселе.

Турция, согласно достигнутым договорённостям, должна была помочь в вопросах охраны общих со странами ЕС границ, улучшить условия проживания беженцев в стране, предотвратить отток мигрантов в ЕС со своей территории и облегчить процедуры возвращения «нелегалов» на родину. Предполагалось, что в скорейшее время будут уточнены детали плана, в том числе его финансовая составляющая, и стороны перейдут к реализации согласованных положений. То, что их выполнение должно начаться немедленно, было прописано в самом предварительном плане. По мнению ряда экспертов, договорённости между Анкарой и Брюсселем позволяли говорить о том, что в турецко-европейских отношениях наметилась «тенденция к ускоренной активизации»¹⁹⁴.

Прогнозом о том, удастся ли Анкаре при сохранении столь сложных проблем в области прав человека продвинуться в процессе евроинтеграции, в беседе с корреспондентом МИА «Россия сегодня» поделился в конце 2015 г. президент турецкой Ассоциации по правам человека Озтюрк Тюркдоган: «Евросоюз подписал с Турцией соглашение по мигрантам, которое противоречит беженскому праву. Поскольку у людей, бегущих от войны, есть право на убежище в других странах. Евросоюз с Турцией своим соглашением нарушили это право. ЕС уступил Турции в обмен на уменьшение потоков беженцев, направляющихся в Европу. Турция же в обмен на заключение этого соглашения потребовала от ЕС отмены визового режима для своих граждан. Поэтому соглашение это носит исключительно политический характер, и не соответствует правам человека»¹⁹⁵. Он отме-

---

¹⁹⁴ Kutlay M., Akcalı Ö., Mülteci Krizi ve Türkiye-AB İlişkilerinde Eksen Kayması Riski, USAK Analiz, Avrupa Analizleri Serisi No: 1, Analiz No: 29, Ekim 2015. URL: www.usak.org.tr/images_upload/files/Book%201e.pdf (дата обращения 12.10.2018).

¹⁹⁵ Gadjiev A., İHD Başkanı: Türkiye adeta fiili başkanlıkla yönetiliyor. Sputnik Türkiye, 20.04.2016. URL: www.tr.sputniknews.com/politika/20160420/1022267799/Turkiye-Avrupa-Davutoglu-Suriye-multeci.html (дата обращения 02.09.2018).

тил, что в стремлении договориться с Анкарой по вопросу удержания беженцев на территории Турции Брюссель оказался готов закрыть глаза на преследование инакомыслящих и курдскую проблему в Турции.

Европейская комиссия поддержала план предоставления гражданам Турции безвизового въезда в страны шенгенского соглашения с оговоркой, что все 72 условия, необходимые для отмены визового режима со странами ЕС, будут выполнены в кратчайшие сроки. Говоря о перспективах визовой либерализации, бывший руководитель Департамента стратегического планирования МИД Турции, вице-президент Турецко-азиатского центра стратегических исследований Мурат Бильхан отметил тогда, что рекомендация – это ещё не практические шаги по отмене визового режима, которого настойчиво добивается Турция. Для реализации рекомендации необходимо согласие Европарламента и Еврокомиссии.

Эксперт сказал: «Надеемся, что решение по отмене виз для граждан Турции будет приниматься в ЕС не как обычно, с применением права вето, а с помощью применения метода квалифицированного большинства. Только в этом случае можно будет рассчитывать на позитивную развязку данного непростого процесса. Так или иначе, на этом пути Турции ещё предстоит решить очень много сложных проблем. Но нужно помнить, что после одних взаимных шагов навстречу друг другу могут последовать и другие. Безусловно, мы оценили шаг Еврокомиссии. Однако понимаем, что он не появился на ровном месте. Ведь Анкара пошла на беспрецедентный для Турции шаг. Она отменила визы для граждан всех европейских стран. Думаю, в решении Еврокомиссии определённую, как минимум психологическую, роль сыграло и данное решение турецкого правительства. Поскольку Турция, как известно, так и не смогла выполнить все 72 условия, необходимые для отмены визового режима со странами ЕС»¹⁹⁶.

28 сентября 2016 г. Еврокомиссия приняла решение о выде-

---

¹⁹⁶ Gadjev A., Türkiye-AB vize muafiyeti sürecinin bir perspektifi var mı? Sputnik Türkiye, 05.05.2016. URL: www.tr.sputniknews.com/columnists/20160505/1022567512/Turkiye-AB-vize-Schengen.html (дата обращения 10.08.2018).

лении помощи сирийским беженцам в Турции. Как говорилось в сообщении, «Еврокомиссия подписала два прямых гранта на сумму 600 миллионов евро для поддержки в области образования и здравоохранения сирийских беженцев и принимающих их сообществ в Турции»¹⁹⁷. Эти деньги представляли собой часть согласованного в конце июля 2016 г. транша. Так называемый Фонд для беженцев в Турции, рассчитанный на 2016 и 2017 гг., был создан для борьбы с миграционным кризисом, охватившим страны ЕС. Его должны были наполнять страны Евросоюза (в объёме 2 млрд евро) и бюджет Евросоюза (1 млрд евро), который в значительной степени состоит из взносов тех же стран ЕС.

Еврокомиссия сообщила, что все страны ЕС предоставили «удостоверения о взносе» необходимых средств в фонд. На 2016 г. было определено 34 проекта на сумму 1,252 млрд евро. Из этой суммы лишь 467 млн евро было перечислено. При этом общий объём ассигнований на имплементацию гуманитарных и негуманитарных мер в рамках Фонда для беженцев в Турции находился на тот момент на уровне 2,239 млрд евро. ЕК не уточнила связь между средствами на конкретные проекты и размерами ассигнований. В сообщении также отмечалось, что Турция всё ещё не выполнила 7 требований для отмены визового режима с Евросоюзом¹⁹⁸.

10 мая 2017 г. ЕС и Турция отменили намеченную на 13 мая двустороннюю встречу высокого уровня, в ходе которой планировалось обсудить в том числе вопрос о предоставлении гражданам Турции безвизового въезда в страны шенгенского соглашения. По мнению ряда экспертов, это стало ещё одним свидетельством неискренности сторон в стремлении сблизиться друг с другом.

Рассуждая о проблемах в отношениях ЕС и Турции, вице-президент Института международных стратегических исследо-

---

¹⁹⁷ Князева М. Еврокомиссия выделит 600 млн евро помощи сирийским беженцам в Турции. РИА Новости, 28.09.2016. URL: www.ria.ru/syria/20160928/1478046954.html (дата обращения 12.08.2018).

¹⁹⁸ Facility for Refugees in Turkey: EU signs grants worth €600 million to help refugees on education and health. European Commission – Press release, Brussels, 28.09.2016. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-16-3191_en.htm (дата обращения 10.08.2018).

ваний Камер Касым отметил, что ЕС стремился преподнести визовую либерализацию как некую привилегию. Но Турция имела на это полное право, поскольку находилась в Таможенном союзе с ЕС. Этот факт, по его мнению, уже налагал на Брюссель обязательство отменить визы в отношении граждан Турции. Профессор Касым подчеркнул: «Представьте себе, что предприниматели из Испании и Турции решили продать свои товары в Польше. В то время как испанский предприниматель даже не задумывается о визах, турецкий предприниматель должен пройти соответствующие визовые процедуры. Это порождает недобросовестную конкуренцию. Во избежание такой несправедливости необходимо было уже давно создать все условия для того, чтобы Турция могла пользоваться этим правом. Однако до сих пор Брюссель не шёл на это. И только оказавшись в непростом положении в связи с миграционным кризисом, ЕС вынужден был пойти на сделку с Турцией. Анкара ждёт, что Брюссель будет неукоснительно выполнять свои обязательства в рамках подписанного соглашения по мигрантам»¹⁹⁹. В противном случае, сказал он, Турции придётся пересмотреть решение о миграционной сделке, поскольку вопрос о безвизовом режиме для граждан Турции не мог быть предметом торга.

20 июня 2017 г. в Берлине на организованной немецким фондом имени Фридриха Эберта конференции *Europe Calling*, тогдашний глава Европарламента Мартин Шульц заявил, что процесс либерализации визового режима с Турцией был приостановлен из-за авторитарных действий президента Эрдогана. По мнению М. Шульца, Турция не выполнила условия, которые были предпосылками для либерализации визового режима. «Среди невыполненных критериев – закон о защите данных и анти-террористический закон, мы требовали его реформирования. Он не только не реформирован, а применён для снятия иммунитета с депутатов парламента, для признания недействительными их мандатов с целью, я считаю, достижения двух третей, квали-

---

¹⁹⁹ Gadjeiev A., USAK Başkan Yardımcısı: Brüksel’de bazı çevreler vize muafiyetine karşı. Sputnik Türkiye, 11.05.2016. URL: www.tr.sputniknews.com/columnists/20160511/1022683511/Turkiye-Avrupa-vizeler.html (дата обращения 10.08.2018).

фицированного большинства для введения президентской системы правления», – сказал Шульц. По словам главы Европарламента, происходившее в тот момент в Турции с журналистами и депутатами противоречило любой основной ценности парламентской демократии. «Ввиду подобного образа действий, который не является единственным примером авторитарного образа действий президента Р.Т. Эрдогана, я чувствую себя вынужденным не открывать процесс либерализации визового режима, – заключил М. Шульц и добавил, – от 2,2 до 2,4 миллиона беженцев находятся, по разным оценкам, в Турции. А это значит, что, если мы хотим помочь беженцам, мы должны будем, хотим мы этого или нет, работать с Турцией. Поэтому я изначально был за то, чтобы искать решение вместе с Турцией. Но я против того, чтобы платить правительству в Анкаре любую цену»²⁰⁰.

В ответ на это Р.Т. Эрдоган пригрозил ЕС выходом Турции из миграционного соглашения. В конце июля 2017 г. Еврокомиссия всё же одобрила выделение 1,4 млрд евро на поддержку сирийских беженцев в Турции из 3 млрд ранее обещанных.

24 июля 2017 г. председатель Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер заявил, что в случае введения Анкарой смертной казни Евросоюз остановит переговоры о присоединении страны к ЕС. Одни турецкие эксперты к данному заявлению отнеслись с недоумением, поскольку переговоры Турции с ЕС и без того были фактически приостановлены, и никаких серьёзных подвижек с 2004 г. не было. По их мнению, заявления Брюсселя никак не должны были повлиять на решение турецких парламентариев о возобновлении применения смертной казни. Другие предположили, что отсутствие смертной казни – важный показатель турецкой демократии, приближающейся к европейским стандартам, а потому вводиться смертная казнь не будет.

В интервью корреспонденту МИА «Россия сегодня» профессор Мурат Бильхан отметил, что в случае введения Турцией смертной казни все каналы взаимодействия между этой страной и ЕС были бы немедленно остановлены на неопределённый

---

²⁰⁰ Тимофеева А. Шульц: либерализация визового режима с Турцией заморожена из-за Эрдогана. РИА Новости, 20.06.2016. URL: www.ria.ru/world/20160620/1449324714.html (дата обращения 10.08.2018).

срок. По его словам, «в Турции многие не рады такой перспективе, и ... более 50% населения выступит против возобновления применения смертной казни как меры наказания. Поскольку это станет регрессивным шагом для турецкой демократии»²⁰¹.

Эксперт в области мировых проблем и международной безопасности Турецкого института стратегических исследований в Анкаре Генджехан Бабиш так прокомментировал перспективу введения в Турции смертной казни и возможную реакцию на это Брюсселя: «В Турции после попытки военного переворота начались споры вокруг введения смертной казни. В последний раз смертная казнь была применена в Турции в 1984 году. Из турецкого права смертная казнь была исключена в 2004 году. Однако, несмотря на это, каких-либо конкретных подвижек в отношениях между Турцией и ЕС так и не наблюдалось. Поэтому отношения между Турцией и ЕС неверно рассматривать только через призму применения смертной казни. Было бы так, Турция уже давно была бы в ЕС»²⁰². Он также отметил, что споры на подобные темы периодически возникали в отношениях между Анкарой и Брюсселем и раньше. Он дал прогноз, что требования ЕС не повлияют на решение турецких парламентариев по вопросу введения смертной казни, потому что это внутреннее дело Турции, и турецкий народ сам будет выбирать, в каких условиях ему жить. Европейские перспективы Турции на тот момент, по его мнению, были достаточно туманны.

Несмотря на сохранявшиеся разногласия между Анкарой и Брюсселем по поводу реализации договорённостей по мигрантам, глава МИД Турции Мевлют Чавушоглу заявил, что ЕС должен предоставить безвизовый режим турецкой стороне не позднее октября 2017 г. В ответ на это официальный представитель Еврокомиссии Мина Андреева 1 августа 2017 г. сказала, что либерализация визового режима связана с выполнением Анкарой

---

²⁰¹ Gadjev A. İdam cezasının geri getirilmesi, Türkiye'nin AB ile bütün kanallarını kapatır. Sputnik Türkiye, 25.07.2016. URL: www.tr.sputniknews.com/columnists/20160725/1024068416/ab-turkiye-idam-ceza.html (дата обращения 10.08.2018).

²⁰² Gadjev A. Türkiye-AB ilişkilerinin geleceği idamın geri getirilip getirilmeyeceğine mi bağlı? Sputnik Türkiye, 25.07.2016. URL: www.tr.sputniknews.com/columnists/20160725/1024071327/turkiye-ab-idam-cezasi-ab.html (дата обращения 10.08.2018).

конкретных критериев, и никаких поблажек не будет. Очевидно, что Турция выполнять эти критерии, особенно в области смягчения законодательства по терроризму, в условиях чрезвычайного положения в стране и продолжающейся борьбы против РПК не стала бы.

На вопрос о том, каковы в этом случае перспективы отмены виз для турецких граждан в 2017 г. и чем руководствовался М. Чавушоглу, требуя от ЕС конкретных сроков, экс-депутат турецкого парламента, советник председателя Партии «Саадет» по международным делам Ойя Акгёненч Мугисуддин указала, что власти ЕС спокойно наблюдали за попыткой государственного переворота в Турции, а затем выступили с критикой не путчистов, а законных властей страны. Она подчеркнула: «Анкара в очередной раз убедилась в неискренности Брюсселя. От нас они требуют выполнения всех критериев и дополнительных требований по соглашению о реадмиссии нелегальных мигрантов. Сами же не только не торопятся с выполнением своих обязательств по данному соглашению, но и периодически создают новые преграды. Такое впечатление, будто в Брюсселе готовы на всё, лишь бы не отменять визы для граждан Турции. Несмотря на весь этот негатив, идущий со стороны Брюсселя, Турция продолжает вести переговоры с ЕС. Очевидно, что выполнять все абсурдные требования Брюсселя Анкара не намерена. В Турции рассчитывают на отказ ЕС от столь недальновидной политики в отношении нашей страны. Теперь, когда Евросоюз стремительно теряет свою привлекательность, Анкара в переговорах с Брюсселем будет более настойчивой и менее сговорчивой. Маски сброшены, и все показали свои истинные лица. Не думаю, что ЕС в этом году предоставит Турции безвизовый режим. Скорее, Брюссель найдёт ещё какие-нибудь дополнительные преграды, чтобы не идти на это»²⁰³.

В начале августа 2017 г. канцлер Австрии Кристиан Керн предложил прекратить переговорный процесс о вступлении Турции в Евросоюз. Ранее, как известно, Австрия и Греция призва-

---

²⁰³ Gadjeiev A. AB, vize muafiyetini tanımamak için ek güçlükler çıkartacak. Sputnik Türkiye, 03.08.2016. URL: www.tr.sputniknews.com/columnists/20160803/1024204278/ab-turkiye-vize-avrupa.html (дата обращения 10.08.2018).

ли ЕС задуматься об альтернативе сделке с Турцией по беженцам. Страны ЕС всерьёз задумались о возможном запасном варианте. Своими соображениями о том, как в таких условиях будут складываться отношения между Турцией и ЕС и каким может стать план «Б» по беженцам, поделился уже цитировавшийся выше Г. Бабиш. Он выразил сожаление, что ЕС больше не желал принимать мигрантов и рассматривал Турцию как отстойник для беженцев. Последняя уже не справлялась с этой ношей и требовала от ЕС помощи, которая постепенно стала предметом торга. Это, в свою очередь, привело к новым преградам в отношениях между Турцией и ЕС. По его мнению, Евросоюз в любом случае не стал бы вести переговоры об отмене виз со страной, где количество беженцев исчисляется миллионами. Это же негативно повлияло и на перспективы Турции получить полноценный безвизовый режим.

С другой стороны, Брюссель вынужден был решать проблему с беженцами именно с Турцией. И любые альтернативные варианты без турецкого участия были бы обречены на неудачу. Единственной географически реальной альтернативой Турции могла бы стать Греция, но её сложное финансовое положение означало бы для ЕС ещё большие расходы по сравнению с турецким кордоном. Эксперт добавил: «Поэтому Брюсселю придётся работать с Анкарой, но это не ставит её в выгодное положение, поскольку и ей необходимо решить проблему мигрантов в собственной стране. Напротив, повестка переговоров Турции и ЕС осложнилась новыми, гораздо более сложными проблемами, что ещё больше омрачает и без того туманные европерспективы Анкары»²⁰⁴.

Президент турецкой Ассоциации по правам человека О. Тюркдоган, рассуждая о возможных альтернативах и перспективах соблюдения прав мигрантов, подчеркнул, что соглашение между Турцией и ЕС по мигрантам было недопустимым с точки зрения законодательства о беженцах. На тот момент (осень 2017 г.) страна была полностью погружена во внутренние про-

---

²⁰⁴ Gadjeiev A. Sığınmacı sorunu ancak Suriye’de barış sağlandıktan sonra çözülebilir. Sputnik Türkiye, 05.08.2016. URL: www.tr.sputniknews.com/columnists/20160805/1024242184/suriye-avrupa-turkiye-siginmaci.html (дата обращения 10.08.2018).

блемы из-за неудачной попытки государственного переворота. Миграционная сделка, заключённая ЕС и Турцией, по его мнению, представляла собой попытку устранить следствие, а не решить саму проблему.

Причина миграционного кризиса была в гражданской войне в Сирии, и если бы ЕС действительно хотел помочь мирному населению этой страны, ему следовало бы всеми силами способствовать мирному урегулированию, что, в свою очередь, предотвратило бы массовую миграцию в другие страны. О. Тюркдоган уточнил: «Поэтому европейцам нужно сфокусировать свои усилия, прежде всего, на вопросах обеспечения мира в Сирии. Однако они теряют свою энергию на какие-то планы и соглашения, недопустимые с точки зрения прав человека. Пусть лучше избавят сирийцев от террористических группировок, расположенных в Сирии близ турецких границ. Если эти проблемы удастся решить, то, увидите, подавляющее большинство сирийцев вернётся к себе на Родину. И Европа избавится от наплыва беженцев. В противном случае Европе придётся ещё долго бороться с политическими и социально-экономическими проблемами у себя и торговаться по поводу беженцев. Не нужно забывать, что беженцы – тоже люди, которые имеют права. Нельзя устраивать политические торги за счёт нарушения их неотъемлемых прав»²⁰⁵.

* * *

В последние годы европейцы были обеспокоены массовым притоком мигрантов из стран Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки и стали больше внимания уделять Турции, посвящая ей заметную часть заседаний своих саммитов, в надежде придать ей функции так называемого «буфера и аккумулятора беженцев», которые в 2015–2017 гг. использовали турецкую территорию как плацдарм для массивного наступления на «богатую Европу».

Очевидно, что обещания уступок стране, которую многие в Европе считают «неевропейской», вряд ли были бы возможны, если бы тяжесть бремени беженцев не ощутили ведущие страны ЕС, вынужденные принимать не только сирийцев. Позицию

---

²⁰⁵ Ibid.

ЕС достаточно красноречиво в своё время озвучил тогда ещё будущий, а ныне уже бывший председатель Европейского совета Херман Ван Ромпёй. Ещё в 2004 г., когда турецко-европейское сближение достигло своего пика, он заявил: «Турция – не часть Европы и никогда не станет её частью. Расширение ЕС за счёт Турции не может быть приравнено к любым расширениям, имевшим место в прошлом. Универсальные ценности, которые воплощают могущество Европы и которые являются фундаментальными ценностями Христианства, потеряют силу с присоединением большого исламского государства – такого, как Турция»²⁰⁶. Высказывания о нежелании примкнуть к ЕС исходят и от самих турок: в январе 2015 г. президент Р.Т. Эрдоган заявил, что уже неважно, примут ли его страну в ЕС или нет, добавив, что Турция не та страна, которая будет умолять о том, чтобы её приняли в Европейский союз²⁰⁷.

ГЛАВА 11. ИСЛАМ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ ГЕРМАНИИ

Для современной общественной жизни Германии характерно множество конфликтов и проблем, вызванных миграционными процессами. В их эпицентре мусульманское сообщество. Его фрагментированность и многообразие бросают серьёзный вызов социальной политике ФРГ, в основе которой лежит кооперационная модель взаимодействия с негосударственными акторами. Однако организации, представляющие исламскую часть немецкого общества, сталкиваются с мощными культурно-идеологическими и институциональными барьерами в своих безуспешных попытках интегрироваться в существующую систему. Определить факторы успешного сотрудничества мусульманских ассоциаций с правительствами земель и федеральным правительством – одна из важнейших задач в поиске путей трансформации системы. Особое внимание в этом контексте стоит уде-

---

²⁰⁶ Анищенко Н. Господин председатель Lenta.Ru, 20.11.2009. URL: www.lenta.ru/articles/2009/11/20/eu/ (дата обращения 10.09.2018).

²⁰⁷ AB'ye: Dilenmeyiz, Hürriyet, 25 Ocak 2015. URL: www.hurriyet.com.tr/ab-ye-dilenmeyiz-28042852 (дата обращения 10.08.2018).

лять проектам в образовательной сфере ФРГ.

Современное общество Германии

ФРГ на сегодняшний день имеет одну из самых развитых систем социального обеспечения в мире. Как и в других европейских странах того же уровня развития, социальная статья бюджета является крупнейшей. В 2018 г. на выполнение социальных программ было потрачено почти 996 млрд евро (25,1% ВВП страны)²²². Однако мощные миграционные процессы подвергают сильному давлению власти страны и ставят под сомнение их способность давать адекватные ответы на диверсифицированные и многоуровневые запросы различных групп населения.

Для современного германского общества характерна высокая степень фрагментарности и поляризации, что объясняется болезненными и непростыми интеграционными процессами. В их эпицентре мусульмане. Немецкие исламские общины стали формироваться после окончания Второй мировой войны, когда ФРГ стала проводить политику привлечения рабочей силы из-за рубежа, в основном из Турции. К 2015 г. количество мусульман составило примерно 4,5 млн человек. Подавляющее большинство из них – сунниты, ранее проживавшие в Турции.

Начало миграционного кризиса ознаменовало перемены в демографическом составе этой группы населения. Согласно докладу федеральной службы по делам миграции и беженцев (*BAMF*), доля выходцев из Турции уменьшилась до 50,6% в декабре 2015 г., а доля мусульман из ближневосточных стран (Сирии, Ирака) существенно возросла до 17,1%. Согласно отчёту бывшего министра внутренних дел ФРГ Томаса де Мезьера за 2015, 2016 и 2017 гг. в Германию прибыло 900 тыс., 300 тыс. и 190 тыс. человек соответственно, и это только зарегистрированные беженцы. Больше всего мусульман прибыло из Сирии: почти 48 тыс. чел. в 2017 г. Следующими по численности группами оказались выходцы из Ирака, Афганистана и Эритреи, а также Турции. Другая новая тенденция – увеличение количества искателей убежища из Тропической Африки. Результатом «арабской весны» стало устранение барьеров для массовой ми-

---

²²² Wirtschaftswachstum und Beschäftigung. BMF 2019. URL: www.bundesfinanzministerium.de (дата обращения 09.01.2021).

грации жителей этого континента²²³.

В настоящее время проводится много исследований, пытающихся предсказать ход развития миграционных процессов в Европе. Особенно интересными они представляются в контексте влияния пандемии на уровень жизни и благосостояния как европейских стран, так и традиционных источников миграционных потоков, а также санитарных и логистических возможностей приёма новых беженцев. Исследование *Pew Research Center* рассматривало сценарий близкий к тому, который воплощается в жизнь сейчас – сценарий «нулевой миграции». Но даже в нём мусульманская часть населения Европы к 2050 г. должна с нынешнего уровня в 4,9% вырасти до 7,4%. Это объясняется большей рождаемостью и тем, что в среднем мусульмане моложе европейцев почти на 13 лет. «Средний» сценарий предполагал, что потоки беженцев прекратятся с середины 2016 г., но регулярная миграция в Европу сохранится. В этих условиях в 2050 г. мусульмане могут достичь 11,2% населения Европы²²⁴.

Мусульмане в Германии уже сейчас – значительная часть населения, потребности которой невозможно игнорировать во всех сферах жизни (политической, культурной и социальной), нормативный идеал которой – общество всеобщего благосостояния. Как ориентир и цель он появился во времена индустриализации Германии во второй половине XIX в. и ассоциируется с личностью канцлера Отто фон Бисмарка. Именно он первым ввёл обязательное медицинское страхование для рабочих в 1883 г. и проложил курс в социальном законодательстве на достижение общества всеобщего благосостояния, принцип которого закреплён в ст. 20, параграфе 1 и ст. 28 Основного закона ФРГ²²⁵. Регулирование социальной сферы – постоянный процесс поиска компромисса по различным вопросам с соблюдением прин-

---

²²³ Доклад Федерального службы по делам миграции и беженцев URL: <https://www.bamf.de/SharedDocs/Anlagen/EN/Forschung/BerichtsreihenMigrationIntegration/Wanderungsmonitoring/wanderungsmonitoring-jahresbericht-2019.html?jsessionid=CD27A783082C6743C284A45903EEAAA6.internet531> (дата обращения 10.01.2021).

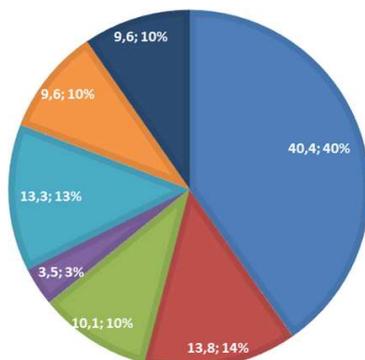
²²⁴ Исследование тенденций миграции *PEW Research center*. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2016/08/02/number-of-refugees-to-europe-surges-to-record-1-3-million-in-2015/> (дата обращения 08.01.2021).

²²⁵ Основной закон ФРГ.

ципов нейтральности государства и паритета между политическими партиями и негосударственными акторами, в число которых входят некоммерческие и религиозные организации. Одна из характерных черт данного взаимодействия – продолжительное и несправедливое нарушение этих принципов в отношении организаций, представляющих интересы мусульман, которых в Германии более 6 млн.

Исламские организации в ФРГ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ МУСУЛЬМАН К РЕЛИГИОЗНЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ, %

■ Турецко-исламский союз	■ Объединение исламских культурных центров
■ Исламское сообщество - Милли Гёрюш	■ Алевитское сообщество Германии
■ Прочие	■ Не участвующие
■ Нет данных	

Источник: Islamisches Gemeindeleben in Deutschland im Auftrag der Deutschen Islam Konferenz. BMF 2018. URL: https://www.bmi.bund.de/SharedDocs/downloads/DE/publikationen/themen/heimat-integration/dik/islamisches-gemeindeleben-in-deutschland-kurzfassung.pdf?__blob=publicationFile&v=2 (дата обращения 10.02.2021).

Удовлетворением запросов такой большой части общества занимается множество исламских религиозных организаций, которые призваны объединять мусульман, но одновременно оказываются причиной их разобщения. Одной из первых ассоциаций мусульман, появившихся на территории ФРГ, была Исламская община в Германии (*Islamische Gemeinschaft in Deutschland*). Она представляет собой объединение исламских центров в более чем 10 немецких землях. Основные источники финансирования – пожертвования, взносы и продажи публикуемых мате-

риалов. *IGD* была инициатором формирования форума всех мусульман Германии – Центрального совета мусульман в Германии (*ZMD*). В него входят 35 организаций и почти 300 мечетей²²⁶, хотя он и не выполняет свою функцию репрезентации интересов всех мусульманских групп. Деятельность *IGD* затронула и сферу образования, в которой ключевую проблему подготовки имамов и преподавателей религиоведения было предложено решить посредством учреждения Европейского института гуманитарных наук. Данная инициатива вызывает неоднозначную реакцию властей и общества из-за связей между *IGD* и организацией «Братья-мусульмане» (запрещена в РФ), член которой и был основателем *IGD*. Ещё один пример наличия тесных связей двух организаций – то, что главой Исламского центра в Мюнхене в начале 1980-х гг. был лидер «Братьев-мусульман» Махди Акеф. В отношении *DITIB*, турецко-аффилированной мусульманской организации, высказываются сомнения, связанные с её тесным сотрудничеством с государственными органами Турции.

В дебатах о данных религиозных организациях ощутимы скорее политические, нежели юридические мотивы. Согласно немецкому законодательству религиозная ассоциация вправе подчиняться другому государству, как в случае *DITIB*. Ни зарубежное финансирование само по себе, ни организационная связь как таковая не подрывают статус *DITIB* как религиозного сообщества. Однако правомерность её существования зависит от того, было ли решение о такой взаимосвязи принято демократичным путём, при достижении консенсуса и независимо от внешних акторов. Религиозная организация может быть лишена своего статуса только в случае нарушения ей положений Основного закона ФРГ.

Тем не менее с начала 2019 г., правительство ФРГ приняло решение приостановить финансирование данной крупнейшей мусульманской ассоциации. Большая часть средств выделялась на проекты против экстремизма и на помощь беженцам. На совместные проекты властями ФРГ с 2012 г. было потрачено почти 6 млн евро. Однако сильная взаимосвязь организации с ту-

---

²²⁶ IGD Annual Report 2020. URL: <https://www.dmgonline.de/medien/artikel/ein-nachwort-fuer-das-jahr-2020/> (дата обращения 07.01.2021).

рецким правительством стала, по заявлениям министерства внутренних дел ФРГ, основной помехой продолжению сотрудничества²²⁷. Принимая во внимание особенности немецкого законодательства, данные действия не могут рассматриваться иначе как преследующие исключительно внешнеполитическую цель – оказание давления на Турцию. Это противоречит принципу нейтралитета, лежащему в основе религиозного законодательства ФРГ, а немецкое правительство тем самым жертвует ценностями гражданского общества ради решения политической задачи.

В Мюнстере несколько мусульманских организаций ведут ожесточённую кампанию против Главы Центра исламской теологии Вестфальского университета Моханада Кхорхида. Он получил множество угроз и ему была предоставлена полицейская охрана. Университет продолжил поддерживать его, и в конце концов критика прекратилась. Уроженец Ливии 44-летний Кхорхид своими популярными книгами «Ислам – это милосердие» и «Бог верит в людей» вызвал раздражение у консервативных групп мусульман. Ещё больше недовольства вызвали его появления в немецких ток-шоу, где его представляли как голос ислама. Он открыто выступает против ультраконсервативных мусульман, которых поддерживают небольшие, но быстро растущие молодёжные группы, требующие включения положений Шариата в законодательство.

Однозначного ответа, что важнее для молодых мусульман Германии (их религиозная община или государство), не существует. Согласно опросам, 59% мусульман чувствуют «сильную связь» со своей религиозной общиной. Подобное чувство связи с Германией, напротив, испытывают только 40% опрошенных. Но по сравнению с остальным населением это довольно высокий процент. Лишь 32% всех немцев так же чётко идентифицируют себя с Германией. Это значит, что чувство принадлежности к Германии у мусульман выражено сильнее, чем у населения в целом.

Это выражается и в доверии, которое мусульмане испыты-

---

²²⁷ Germany cuts funding to DITIB. DW. URL: <https://www.dw.com/en/germany-cuts-funding-to-largest-turkish-islamic-organization-ditib/a-45297763> (дата обращения 08.01.2021).

вают к государственным институтам. 73% немецких мусульман доверяют немецкому суду, хотя в среднем лишь 49% немецкого населения считают, что на немецкий суд можно полностью положиться. В 2009 г. 61% мусульман выразили доверие немецкому правительству, деятельность которого в то время поддерживали всего 36% населения²²⁸.

Противоречия в отношениях *DITIB* и государственных властей Германии не остались без внимания и других мусульманских организаций. Некоторые из них воспринимают данную ситуацию как опасный прецедент ущемления прав ассоциаций и несправедливого ограничения их деятельности. Иные видят возможность продвинуть свои позиции за счёт конкурента. *DITIB* действует в более чем 900 мечетях Германии и занимается подготовкой имамов для многих образовательных программ в школах, хотя большинство имамов, работающих в ассоциации, приезжают из-за рубежа.

Разногласия между властями и *DITIB* для других мусульманских организаций открывают перспективы продвижения собственных программ религиозного образования. «Мы не можем постоянно жаловаться на то, что в немецких мечетях и школах проповедуют иностранные имамы, и при этом ничего не предпринимать», – говорит председатель Центрального совета мусульман Германии (*ZMD*) Айман Мазиек. Эта ситуация подтверждает отсутствие единства среди мусульманских организаций по самым насущным вопросам, что ослабляет их способность представлять интересы целевых групп как совместно, так и по отдельности.

Институциональные барьеры в ФРГ

Данную тенденцию можно проследить на примере предоставления статуса публично-правовой корпорации (ППК), который даётся религиозным группам после их регистрации и проверки властями. Он позволяет религиозным организациям облагать верующих церковным налогом (9% подоходного налога), который собирается государственными финансовыми учреждениями. Го-

---

²²⁸ Nordbruch, Götz. Religiosität und Zugehörigkeit: Junge religiöse Muslime in Deutschland. URL: <https://www.bpb.de/apuz/32655/islamische-jugendkulturen-in-deutschland?p=all> (дата обращения 12.12.2020).

сударство удерживает 2-4% от собранной суммы, а остальные средства ассоциации могут использовать по своему усмотрению. Такого рода взаимоотношения, наряду с финансированием социальных проектов неправительственных организаций, формируют основу кооперационной модели в социальной сфере.

Но не все запросы на получение ППК статуса рассматриваются одинаково. Христианским организациям гораздо проще его получить, потому что у всех земель, кроме Бремена и Гамбурга, есть традиции субсидирования католических и протестантских церквей, которые были заложены ещё до становления Веймарской республики. Примерно 180 религиозных групп имеют безналоговый статус, в том числе католическая церковь, баптисты, свидетели Иеговы, меннониты. Но среди множества мусульманских организаций его сумели получить только две – группы Ахмадие в землях Гессен и Гамбург²²⁹. Такая диспропорция между христианскими и мусульманскими организациями указывает на вопиющее нарушение принципов паритета и нейтральности и порождает представление об институализированном притеснении мусульманской части населения и групп, представляющих его интересы.

Тем не менее институциональные барьеры – это лишь симптомы более глубокого идеологического раскола в немецком обществе, угрожающего его гармоничному развитию. Будучи классическими проводниками диалога между населением и властями, данные организации одновременно обладают собственной субъектностью и включены в институциональную систему. Суть и причины их поведения внутри и вовне удачно объясняет организационно-социологическая теория Керстин Розенов. Она связывает идеи неоинституционализма о том, что жизнедеятельность организации – продукт регулятивного, нормативного и идеологического влияния институциональной среды, в которой она находится, с предположениями теории организационного поведения о критической важности интересов её участ-

---

²²⁹ Integration und Religion aus der Sicht von Türkeistämmigen in Deutschland. URL: https://www.uni-muenster.de/imperia/md/content/religion_und_politik/aktuelles/2016/06_2016/studie_integration_und_religion_aus_sicht_t_rkeist_mmig_er.pdf (дата обращения 07.01.2021).

ников²³⁰. Таким образом, НКО и религиозные организации, ориентированы в первую очередь не на достижение максимальной эффективности, а на получение и сохранение легитимности в глазах населения, которая обеспечивает доступ к ресурсам, необходимым для существования²³¹.

Специфика целей и характер деятельности мусульманских организаций в Германии, их репутация и отношения с властями, которые серьёзно отличаются от положения, занимаемого христианскими НКО, предопределено теми группами, чьи интересы они представляют. Это по большей части общины мигрантов, старающиеся интегрироваться в немецкое общество и одновременно сохранить свою идентичность. Процесс адаптации большинства мусульман к жизни в Германии далёк от завершения и часто приобретает конфликтный характер, поэтому мусульманские религиозные организации сталкиваются с барьерами, порождаемыми дисфункцией принципов, лежащих в основе официальной кооперационной модели социальной политики ФРГ.

Данный институциональный барьер предопределяет финансовую сторону деятельности мусульманских организаций: она в корне отличается от той структуры, которую имеют протестантские и католические организации.

Для большинства негосударственных организаций федеральные средства – это значительная часть бюджета, перечисляемая в форме ассигнований. Основной проверке при этом подвергаются целесообразность их финансирования из федерального бюджета и возможность их выполнения за счёт денег только одной федеральной земли. Для получения средств есть несколько возможностей: обращение через центральные организации (в случае если организации объединены с каким-либо центральным органом на федеральном уровне) и обращение через земельные правительства (так как в отдельных случаях средства передаются именно через земельные органы организациям на

---

²³⁰ Rosenow K. Refugee Protection Standards in Transition: Studying German NGO's and Public Administrations // *Refugee Survey Quarterly*. 2020. №39(1). P. 76-99. DOI: 10.1093/rsq/hdz015

²³¹ DiMaggio P.J., Powell W. The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields // *The New Institutionalism in Organizational Analysis*. Chicago, 1991. P. 63-82.

местах для выполнения молодёжных инициатив).

В социальной сфере ФРГ действуют два основополагающих принципа. Первый: забота о самих себе и согражданах – это обязанность граждан, а государство участвует только тогда, когда нет другого выхода. Второй принцип субсидиарности соответствует первому: приоритет отдаётся общественной инициативе. Таким образом, вместо создания государственной структуры для решения социальных проблем сначала осуществляется поиск проектов социальных организаций, а затем финансируются наиболее перспективные.

Общественные организации участвуют в конкурсе заявок на реализацию проектов из списка, в котором обычно значатся: консультации, врачебная, информационная, правовая и организационная помощь. Одна из самых проблемных – помощь наркозависимым. Она особенно важна для мигрантов и беженцев, чьё низкое благосостояние делает их чрезвычайно податливыми к различного рода зависимостям. К сожалению, в отношении мусульманских религиозных организаций существует сильное предубеждение. И власти, и общественность опасаются возможного рекрутирования особенно уязвимых членов общества в радикальные группировки.

Взглянув на систему социальных проектов Гессена за 2019 г.²³², можно увидеть чёткую диспропорцию в распределении сфер, в которых участвуют религиозные организации различных конфессий: христианские НКО вовлечены практически повсеместно, а мусульманские организации участвуют по большей части только в образовательных, интеграционных проектах и тех, что направлены на противодействие экстремизму. Отсюда и существенная разница в бюджетной структуре. Например, региональное отделение *Diakonie* в земле Гессен получает 66% доходов от местных властей (прямые дотации или гранты), 21% – это средства церкви, а 5% – взносы и пожертвования. В то же время *VIKZ*²³³, действующая в том же регионе, получает лишь

---

²³² Hessen Hilfsprojekte 2019. URL: <https://dumusstkaempfen.de/projekte> (дата обращения 05.01.2021).

²³³ VIKZ Annual Report 2019. URL: <https://vikz.de/index.php/ueber-uns.html> (дата обращения 10.01.2021).

15% своего бюджета от властей.

Взаимодействие государства и мусульманских организаций в образовательной сфере

В большинстве общеобразовательных учреждений занятия, посвящённые протестантским и католическим религиозным учениям, организуются совместно с соответствующими церквями (как и уроки иудаизма, если набирается достаточно желающих). Организации и местные власти разрабатывают программы курсов, а зарплату учителя получают из бюджетных средств. Что касается ислама, то в землях Бавария, Баден-Вюртемберг, Берлин, Гессен, Нижняя Саксония, Северный Рейн – Вестфалия, Рейнланд-Пфальц, Саар и Шлезвиг-Гольштейн школьники также могут пройти курс обучения, раскрывающий основы данной религии. В Баварии слушателями курсов религиоведения в 2019 г. стали 15 тыс. учащихся в 219 начальных и 118 средних школах. Камнем преткновения остаётся вопрос о том, кто должен заниматься обеспечением педагогических кадров для данных курсов. В Баварии и Шлезвиг-Гольштейне власти сами готовят и назначают преподавателей ислама, поскольку хотят полностью контролировать информацию, которую учителя предоставляют школьникам, и не доверяют в этом аспекте местным религиозным организациям²³⁴, считая их взгляды недостаточно либеральными. Такая ситуация накаляет отношения властей как с самими НКО, так и с общинами мусульман в целом.

Успешным примером кооперации властей и мусульманских религиозных организаций должно было стать «религиозное соглашение» между правительством Рейнланд-Пфальца и *DITIB*, а также тремя другими мусульманскими НКО (*Schura Rheinland-Palatinate*, *Ahmadiyya* и *Association of Islamic Cultural Centers*). Но в августе 2019 г. переговоры об организации мусульманского религиозного образования на территории земли были официально прекращены, когда результаты двух проверок указанных организаций поставили под сомнение их независимость

---

²³⁴ Die Rolle des Staates bei der Ausbildung von Imamen in Deutschland und in Frankreich. Master européen de gouvernance et d'administration (MEGA 2019–2020) November 2020. URL: <http://www.mega-master.eu/wp-content/uploads/2020/04/MEGA-10-Gruppe-A-Ausbildung-von-Imanen.pdf> (дата обращения 09.01.2021).

от турецкого правительства, а следовательно, и их соответствие конституционным нормам. К тому же власти классифицировали *DITIB* и *Schura* как «подозрительные» организации²³⁵.

Официальным поводом для отмены потенциального партнёрства правительства Баден-Вюртемберга с местными религиозными организациями в сфере образования в 2018 г. по заявлению министра Винфрида Кретшмана стало «отсутствие единой организации, представляющей интересы всех мусульман»²³⁶. Подобная официальная позиция властей демонстрирует их нежелание искать компромисс с существующими местными организациями. На самом деле мусульманское сообщество далеко от единства, в нём множество течений, нередко вступающих в конфликт друг с другом по идеологическим, политическим и социальным вопросам. Эта же раздробленность характерна и для христианского сообщества, где католическая организация *Cari-tas* и протестантская *Diakonie* представляют интересы далеко не всех христиан, но в их отношении подобные комментарии не высказываются. Вместо этого министр предложил учредить суннитский образовательный фонд, который бы служил медиатором диалога властей и различных мусульманских ассоциаций²³⁷. Этот проект оказался неудачным, и власти не смогли прийти к единому решению по поводу новой модели исламского религиозного образования. Но тем не менее продолжает функционировать старая система контрактного преподавания. Такой результат был вполне предсказуем всё по тем же причинам, которые официально послужили предлогом для отказа мусульманским организациям – обособленность мусульманских общин. Создание новой структуры неспособно устранить сложности диалога с ними.

Ввиду того, что многие земли не желают сотрудничать с мусульманскими религиозными ассоциациями в реализации совместных образовательных проектов, они предпочитают искать собственные возможности для подготовки специалистов по ис-

---

²³⁵ Rosenow K. Op. cit.

²³⁶ Расширение религиозного образования. URL: <http://dumraikk.ru/musulmanegermanii-nastaivayut-na-rasshirenii-religioznogo-prosveshheniya/> (дата обращения 10.01.2021).

²³⁷ Там же.

ламу. В июне 2018 г. берлинский университет Гумбольдта учредил Институт исламской теологии и заявил о начале подготовки имамов и преподавателей религиоведения в 2019 г. Власти Берлина предоставят 13,8 млн евро для осуществления данных программ до 2022 г. В феврале 2019 г. правительство Баден-Вюртемберга объявило о начале подготовки мусульманских капелланов для исправительных учреждений, чтобы более не полагаться на внешние организации. В том же месяце властями была запрещена деятельность 3 из 16 работающих в тюрьмах на территории региона имамов, подготовленных некоммерческими мусульманскими организациями, под предлогом их связей с исламистскими организациями. Подобные опасения, или скорее предубеждения, характеризуют отношение земельных властей к мусульманским организациям в целом. Дискриминация по религиозной принадлежности сказывается на взаимоотношениях государства даже с самыми либеральными из мусульманских ассоциаций и исламским сообществом в целом. Подводя итог опыта их сотрудничества, можно утверждать, что большая часть мусульман-мигрантов и организаций, представляющих их интересы, стремятся интегрироваться в уже существующие немецкие институты. Иное дело – широко распространённая исламофобия в органах власти ФРГ, которая бросает тень как на отношения с мусульманскими организациями, так и на авторитет Германии, пренебрегающей принципами взаимодействия с религиозными организациями, которые провозглашаются основополагающими.

* * *

Общественный раскол ФРГ проявляется в двух формах: идеологической и институциональной. С одной стороны, светское демократическое общество, настойчиво пропагандирующее свои ценности, а с другой – общины мигрантов, попытки интеграции которых затрудняются как по внешним, так и по внутренним причинам. Радикальные группы с обеих сторон эксплуатируют проблематику совместимости ислама со светскими ценностями, настаивая на отсутствии возможности компромисса. Но данный вопрос остаётся дискуссионным и не имеет однозначного ответа.

Фрустрация мусульман только усиливается распространённой исламофобией и институционализированной дискриминацией, которая особенно ярко проявляется со стороны государства в отношении организаций, представляющих интересы мусульман. Сотрудничество с ними со стороны властей ограничивается только образовательными, интеграционными и анти-экстремистскими проектами, в то время как множество других аспектов социальной сферы остаётся без поддержки правительства ФРГ.

Тем самым нарушаются установленные немецким государством принципы паритета и религиозной нейтральности, лежащие в основе кооперационной модели социальной политики Германии. В отличие от христианских организаций, финансирование которых из федеральных средств составляет до 60% их бюджета, мусульманские ассоциации практически не получают государственных дотаций, а их предложения или попытки диалога не воспринимаются всерьёз в силу разобщённости. Итогом становится необходимость поиска путей объединения умеренных групп мусульман для чёткого и конкретного представления их интересов и успешного противостояния внутренним радикальным элементам. Дисфункция существующей системы удовлетворения социальных потребностей ФРГ требует переоценки её эффективности и поиска путей её трансформации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В XXI в. вопрос диалога цивилизаций получил новые импульсы. Вслед за Самюэлем Хантингтоном, провозгласившим в своём одноимённом труде «столкновение цивилизаций» ещё в 1990-е гг., всё большее число европейских и американских авторов пишут о проблеме и опасностях миграционных процессов. И это не только маргиналы из числа правых ультрас. Активиста Социал-демократической партии Тило Сарацина, написавшего в 2010 г. буквально взорвавшую Германию и всю Европу книгу «Германия саморазрушается», никак нельзя отнести к неонацистам. И тем не менее именно немецкий финансист вывел дискуссию о сосуществовании в Европе как минимум двух

культур на принципиально новый уровень. Табу с темы кризиса мультикультурализма было снято.

Сейчас тема места ислама в едином европейском культурном, политическом и экономическом пространстве – одна из ведущих. Поэтому неслучайно, что именно Институт Европы РАН взялся за комплексное изучение данной проблематики. К написанию монографии были привлечены ведущие специалисты – политологи, экономисты, религиоведы – из различных исследовательских институтов РАН, ВУЗов, практикующие специалисты, представители разных народов и конфессий. В итоге получилось полноценное междисциплинарное исследование, охватывающее широкий спектр вопросов, объединённых одной супертемой: какой будет Европа в свете роста миграции из стран исламского мира, роста экономического и политического веса лиц с миграционным происхождением в ЕС? Как будут трансформироваться (и будут ли) органы государственного управления, законодательные акты, нормы морали под влиянием «новых европейцев»?

На сегодняшний день исследователи отмечают институциональную дискриминацию мусульманских религиозных объединений в некоторых странах Европы, что даёт повод их представителям чувствовать себя в неравноправном положении по сравнению с другими конфессиями, прежде всего христианскими. Одновременно с этим со стороны некоторых представителей мусульманской диаспоры слышатся требования интегрировать нормы шариата в европейское законодательство, отменить запреты на ношение традиционной женской одежды и пр. С другой стороны, правящие круги европейских стран пытаются вести диалог со своими новыми согражданами, используя паттерны европейской бюрократии, говоря о «политическом исламе», распространении норм светскости на исламское сообщество в Европе. С учётом господства примата ультралиберализма среди политического класса и СМИ в большинстве стран ЕС попытка привести к единому знаменателю традиционное общество и общество постмодерна не представляется реалистичной.

Наконец, помимо линии разлома между коренным населением и «новыми европейцами», зачастую выходцами из мусуль-

манских стран, своя линия разлома проходит в самих мусульманских диаспорах Европы – между умеренными мусульманами, стремящимися интегрироваться в общества стран пребывания, и радикалами, пытающимися сохранять изоляцию и навязывать обществу свои правила и нормы (в частности шариат). Это ещё более усложняет ситуацию в межрелигиозном и межкультурном диалоге.

Какой будет Европа в контексте роста роли исламского фактора в культурно-политическом плане? В настоящее время в контексте диалога цивилизаций мы наблюдаем три основных полюса. Это либеральная, секулярная, постнациональная Европа, постепенно трансформирующаяся в Соединённые Штаты Европы в форме ЕС как супергосударства. Её идеологические маркеры – либерализм в его крайнем проявлении, борьба за права человека и различных меньшинств, нивелирование таких социальных институтов и общностей, как семья, этнос, нация, Родина в пользу единого наднационального секулярного образования. Это Европа технократов из Брюсселя, особой закрытой касты чиновников, новых вершителей судеб европейских народов. К её идеологическим инструментам можно отнести трансгуманизм, культурный марксизм, гендерную повестку. Это доведённый до идеологического максимума постмодерн, дальше которого, наверное, действительно «конец истории», как его называл американский философ Френсис Фукуяма.

При этом современные либералы выступают под лозунгом защиты прав мигрантов, беженцев, рассматривая это как анти-тезис позиции евроскептиков и консерваторов. Но традиционные религиозные ценности мусульман иногда не менее чужды европейским либералам, как и европейский консерватизм и традиционализм. Парадоксальным образом исламские фундаменталисты порой говорят на языке, более понятном европейским традиционалистам, а не либералам, которые питают надежды на формирование «демократического» ислама, более адаптированного к либеральной повестке современной Европы.

Вторым идеологическим полюсом можно считать европейский традиционализм с опорой на такие базовые ценности, как семья, народ, Родина, религия, на отстаивание которых ориен-

тирована их трактовка концепции прав человека. Это будет Европа Отечества, пусть даже и в институциональном формате существующих систем европейской интеграции, но без превращения ЕС в некое супергосударство с нивелированием национальных и культурных различий. Это также можно назвать «цветущей сложностью», говоря языком русского мыслителя XIX в. Константина Леонтьева. В этой «цветущей сложности» европейских этносов, несомненно, найдётся место и мусульманской составляющей, благо ислам имеет давние исторические корни на европейском континенте. Не стоит забывать, что в Европе есть полноценное государство с традиционным исламским обществом – Албания, а также организованные и административно самостоятельные мусульманские сообщества (например, в Боснии и Герцеговине).

В этом контексте, однако, остаётся открытым вопрос о выработке идеологической повестки европейского традиционализма и консерватизма, которые находятся под жёстким натиском левой и либеральной идеологий. Их противники постоянно приводят тезис о перерастании национализма в нацизм и пугают европейских обывателей тем, что европейские правые в случае прихода к власти начнут своё государственное переобустройство со строительства концлагерей для инакомыслящих, мигрантов, геев и пр. Несостоятельность данных утверждений очевидна, но европейский обыватель сильно зависит от общественно- и медийного мнения, которое формируют преимущественно представители либерального идеологического полюса. Представители консерваторов подвергаются жёсткому давлению и ostracismу, а если речь идёт о влиятельном политике, то в ход пускаются самые гнусные инструменты чёрного пиара. Вспомним случай с политическим убийством лидера Австрийской Партии Свободы Х.-К. Штрахе, скандальное видео с которым в компании провокаторши, сыгравшей роль племянницы русского олигарха, не только раскололо партию, но и поставило крест на дальнейшей карьере одного из самых сильных политиков консервативного полюса ЕС.

Другая проблема европейского традиционализма и консерватизма – отсутствие однозначной религиозно-политической

повестки. Для многих европейских правых интеллектуалов христианство – религия, якобы не отвечающая идеалу национально мыслящего человека. Этим обусловлены попытки, например, Новых правых во Франции и Германии (Аллен де Бенуа, Доминик Веннер, Пьер Кребс, Андреас Молау и пр.) вернуться к древним дохристианским верованиям или обойтись установкой на светскость как наследием Французской революции. Тем самым европейский традиционализм находится в прокрустовом ложе идеологии 1789 г., подсознательно боясь вернуться к «весне Средневековья» как к колыбели европейской культуры, то есть духовному наследию первых веков существования европейских государств – Карла Мартелла, Роланда, Сиды Воителя, а в духовном плане – Франциска Ассизского, Бозция, Фомы Аквинского и других светил европейского богословия и философии.

И, наконец, третьим идеологическим полюсом современной Европы все заметнее становится ислам. При всём разнообразии направлений и конфессиональных различий он представляет собой более гомогенное в культурном, политическом и идеологическом плане явление, чем и привлекает неопитов из числа коренных европейцев. Безусловно, национальный фактор здесь уходит на второе и даже на третье место перед лицом религиозного, но основной набор традиционных консервативных ценностей здесь налицо – это семья, религия, Родина, отстаиваемые совокупностью единоверцев и пр.

Поэтому можно сказать, что ислам в Европе всё отчётливее конкурирует с двумя прочими идеологическими полюсами. Попытки либералов создать некое синтетическое явление под собирательным названием «просвещённый ислам», о котором недавно высказался французский президент Э. Макрон после убийства радикальным исламистом школьного учителя, в очередной раз (!) распространяя оскорбительные для всех мусульман карикатуры на Пророка, являются, на наш взгляд, заведомо проигрышными.

Более логичным видится наведение мостов между европейским традиционализмом и исламом, благо в истории есть примеры такой синергии в лице Рене Генона. Однако для большин-

ства европейских правых исламизация Европы видится основной опасностью, что делает такой альянс в настоящий момент не слишком вероятным. Поэтому вопрос о том, какой культурно-религиозный полюс станет доминирующим, пока остаётся открытым.

Настоящая монография представляет собой также попытку открыть широкому кругу читателей и исследователей малоизвестные имена и аспекты исламского богословия и культуры, которые как раз и могут стать мостами, связывающими традиционные европейские и исламские ценности. Немалая часть монографии посвящена анализу радикального исламизма и экстремизма. Это неслучайно. Каждый новый теракт, совершённый в Европе – это удар по имиджу всего ислама и вода на мельницу исламофобии. В этой связи крайне актуальным видится и анализ угроз безопасности в регионе Центральной Азии, особенно в контексте вывода американских войск из Афганистана, который одномоментно превратил этот регион в один из самых потенциально нестабильных во всей Евразии. Здесь также кроется большой потенциал как для потоков беженцев в Европу, так и для радикализации выходцев из этих стран.

Европа в наши дни представляет собой крайне многогранное, сложное культурно-религиозное и политическое явление, векторы развития которого предполагают различные сценарии. Задача всех европейцев – и коренных, и «новых» – это удержание континента от опасности скатывания в новое межконфессиональное и межэтническое отчуждение, которое может перерасти в открытое противостояние. В этом, в частности, состоит задача исследователей, занимающихся данной сложной, но крайне важной проблемой.

ЛИТЕРАТУРА

Ал-Хушани Мухаммад ибн Харис. Книга о судьях (Китаб ал-кудат). (Пер. с араб., пред., прим. и указ. К.А. Бойко) / отв. ред. А.Б. Куделин. М.: «Наука», 1992. 231 с.

Астахова Лариса. Интерпретативная антропология религии Клиффорда Гирца: религиозные практики как сети значений // Государство, религия и церковь в России и за рубежом. 2013. №3(31). С. 162-177.

Бабич И.Л. Исламские ценности в жизни кавказских эмигрантов во Франции (1919–1939 гг.) // Исламоведение. 2016. №1(27). С. 5-15.

Бабич И.Л. Современное исламское движение в Кабардино-Балкарии // Бабич И.Л., Ярлыкапов А.А. Исламское возрождение в современной Кабардино-Балкарии: перспективы и последствия. М.: РГБ, 2003. С. 48-61.

Бабич И.Л. Социокультурные и политико-правовые аспекты адаптации кавказских мусульман в современной Европе (постановка проблемы) // Социодинамика. 2015. №1. С. 1-10.

Бартольд В.В. Сочинения: Т. VI. Работы по истории Ислама и Арабского халифата. М.: Главная редакция восточной литературы, Наука, 1966. 785 с.

Безопасность Европы / под ред. В.В. Журкина. М.: Весь мир, 2011. 752 с.

Бекирова Э. Ш., Халилев Р. А. Ислам в Крыму: современное состояние и перспективы развития // Проблеми сучасної педагогічної освіти. Педагогіка і психологія. 2013. №40(1). С. 285-289.

Бигиев М. Взгляд на верование людей в божество. Избранные труды. В двух томах. / Т. I. (Пер. с осман.: Хайрутдинов А.Г.). Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. 336 с.

Биссон Л.С. Интеграция иммигрантов в ЕС и России: разница в подходах // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2018. №6. С. 112-118. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran62018112118>

Бойко К. А. Арабская историческая литература в Испании. VII – первая половина XI века. М.: Наука, 1977. 299 с.

Большая Европа в глобальном мире: новые вызовы – новые

решения / под ред. Ал.А. Громыко (сост., авт.). М.: ИЕ РАН, 2013. 144 с.

Булатов А. Ислам в Крыму: от трагического прошлого к проблемам современности // Россия и мусульманский мир. 2013. №4(250). С. 51-74.

Генон Рене. Влияние исламской цивилизации на Европу // Вопросы философии. 1991. №4. С. 54-57.

Германия. 2014. Ч. 2. / под ред. В.Б. Белова. М.: ИЕ РАН, 2015. 120 с.

Германия на перекрестках истории. Проблемы внутренней и внешней политики в контексте трансформации международных отношений. Сб. статей / под общ. ред. А.А. Слинко; отв. ред. С.И. Дмитриева. Воронеж: Издательство Воронежский государственный университет, 2016. 201 с.

Гинцбург И.И. Арабская медицина и произведения Авиценны «Канон» и «Урджуз» – по еврейским рукописям Института востоковедения Академии Наук СССР // Труды Второй Сессии Ассоциации арабистов. 19-23 октября 1937 г. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1941. С. 34-48.

Гирц Клиффорд. Интерпретация культур. Культурология. XX век. (Пер. с английского) / науч. ред.: Елфимов А.Л., Матешук А.В. М.: Издательство «Российская политическая энциклопедия», 2004. 560 с.

Глобальная перестройка / отв. ред. А.А.Дынкин, Н.И. Иванова. М.: Весь мир, 2014. 528 с.

Год планеты: экономика, политика, безопасность. М.: Издательство Идея-Пресс, 2015. 480 с.

Грибовский В.С. Исламский вызов Европе // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2018. №3(3). С. 190-194. DOI: 10.15211/vestnikieran32018190194

ЕврАзЭС и интеграционный опыт ЕС / под ред. М.Г. Носова. М.: ИЕ РАН; Русский сувенир, 2009. 172 с.

Европа XXI века. Новые вызовы и риски / под общ. ред. А.А. Громыко, В.П. Фёдорова. М., СПб.: Нестор-История, 2017. 584 с.

Интеграция инокультурных мигрантов: перспективы инокультурализма / под ред. И.П. Цапенко, И.В. Гришина. М.:

ИМЭМО РАН, 2018. 233 с. DOI: 10.20542/978-5-9535-0538-3

Жирмунский В.М. Алишер Навои и проблема Ренессанса в литературах Востока // Сравнительное литературоведение. Л.: Наука, 1979. С. 174-185.

Иванченко Е.А. Мусульманская община во Франции: проблемы религиозной и культурной интеграции // Вестник Могилёвского государственного университета. 2009. №2-3(33). С. 47-52.

Иеромонах Александр (Синяков) Французское понятие светскости // Мы в России и Зарубежье. 2006. №3(42). С.29-32.

Ислам в истории и культуре Крыма: учеб. пособие для учителей общеобраз. школ / под ред. А. Исмаилова. Э Муратовой; Симферополь: Таврида, 2013. 388 с.

Кардини Ф. Европа и ислам. История непонимания. СПб.: Александрия, 2016. – 326 с.

Квашнин Ю.Д., Кузнецов А.В., Трофимова О.Е., Четверикова А.С. Миграционный кризис в ЕС: национальные ответы на общий вызов // Мировая экономика и международные отношения. 2017. №1, т. 61. С. 97-107. DOI: 10.24411/2073-6487-2019-10008

Клинова М.В. Государство и частный капитал: от теории к практике взаимодействия в европейских странах. М.: Магистр, 2011. 397 с.

Кондратьева Т.С. Западная Европа перед лицом «миграционного кризиса» // Актуальные проблемы Европы. 2016. №3. С. 201-207.

Миграционный кризис в современной Европе и перспективы его разрешения (сб. науч. трудов) // Актуальные проблемы Европы. 2016. №4. 246 с.

Западная Европа перед вызовом иммиграции: сб. науч. трудов // Актуальные проблемы Европы. Вып. 1 / ред.-сост. Кондратьева Т.С., Новоженова И.С. М.: ИНИОН РАН, 2005. 220 с.

Крачковский И.Ю. Арабская культура в Испании. АН СССР. Ин-т востоковедения. Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1937. 32 с.

Крачковский И.Ю. Арабская поэзия в Испании // Культура Испании. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 77-118.

Крачковский И.Ю. Полвека испанской арабистики // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Т.

IV. Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1930. С. 1-32.

Кузнецов А.В., Фитуни Л.Л., Рыжкова Е.А., Трофимова О.Е., Филоник А.О. Исламские финансы и их специфика в Европе // *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. №12, т. 61. С. 52-62. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-12-52-62

Лаупихлер К. Школьная социальная работа в Германии: Общие 173 условия, концепции и практический опыт // *Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского*. 2012. № 4. С. 84-92.

Лист Ф. Национальная система политической экономии. М.: Европа, 2005. 382 с.

Лункин Р.Н. Религиозная политика лидеров ведущих стран ЕС в свете миграционного кризиса // *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. 2018. №3(3). С. 185-189. DOI: 10.15211/vestnikieran32018185189

Лункин Р.Н. Религиозный фактор в Европе: интересы церкви и интересы политиков // *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. 2018. №4(4). С. 218-226. DOI: 10.15211/vestnikieran42018218226

Лункин Р.Н. Религия и кризис европейской идентичности: политические подходы // *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. 2018. №4(4) 2018. С. 205-211. DOI: 10.15211/vestnikieran42018205211

Мир 2035. Глобальный прогноз / под ред. А.А. Дынкина; ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН. М.: Магистр, 2017. 352 с.

Монтгомери Уотт У. Влияние ислама на средневековую Европу. М.: Наука. 1976. 128 с.

Муратова Эльмира. Ислам в современном Крыму: индикаторы и проблемы процесса возрождения. Симферополь: ЧП «Эльиньо». 2008. 236 с.

Муратова Эльмира. Мусульмане Крыма в новых политических реалиях // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2016. № 5. С. 163-171.

Мухетдинов Д. К вопросу о российском мусульманстве // *Ислам в современном мире*. 2015. № 4, т. 11. С. 81-90.

Мухетдинов Д., Хабутдинов А. Крым: мусульманская община в контексте общего развития региона // *Ислам в современном мире*. 2014. №4(36). С. 51-58.

Пигулевская Н.В. Культура сирийцев в средние века. М.: Наука, 1979. 272 с.

Пигулевская Н.В. Сирийские и сиро-тюркский фрагменты из Хара-Хото и Турфана // Советское востоковедение. Т. I. М.: Л., 1940. С. 212-234.

Померанец Г.С. Иммигранты в Европе: Проблемы социальной и культурной адаптации: сб. науч. тр. // Актуальные проблемы Европы. №1. М.: ИНИОН РАН, 2006. С. 60-89.

Понкин И.В. Светскость государства. М.: Издательство Учебно-научного центра довузовского образования, 2005. 196 с.

Потемкина О.Ю. Иммиграционная политика Европейского союза. М.: ИЕ РАН; Русский сувенир, 2010. 129 с.

Похлёбкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах и фактах. IX–XX вв. Вып. II. Войны и мирные договоры. Книга 1: Европа и Америка. М.: Международные отношения, 1995. 782 с.

Похлёбкин В.В. Татары и Русь. 360 лет отношений Руси с татарскими государствами в XIII–XVI вв. (1238–1598). М.: Международные отношения, 2001. 189 с.

Рубинский Ю.И. Мир и Европа, т. 1 // Приметы времени: в 3-х т. М.: ИЕ РАН, 2018. 440 с.

Сарабьев А.В. Терпение как искусство скрывать нетерпимость, или Долгосрочная стратегия Братьев-мусульман по изменению Ближнего Востока // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12, №4. С. 183-208. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-183-208

Священный Коран с комментариями на русском языке. Н. Новгород: Издательский дом «Медина», 2007. 1742 с.

Следзевский И.В. Десекуляризация мирового сообщества как источник напряжённости в международных отношениях и мировой политике // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11, №4. С. 30-45. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-4-30-45

Современная Германия. Экономика и политика / под общ. ред. В.Б. Белова. М.: ИЕ РАН; Весь мир. 2015. 720 с.

Токтамысов С. Взаимодействие Пакистана и Узбекистана в контексте укрепления безопасности в Центральной Азии // Ве-

стник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2016. №2. С. 53-60.

Трофимова О.Е. Мусульмане и ислам в Западной Европе // МЭиМО, 2019. №109. С. 52-62.

Трофимова О.Е., Четверикова А.С. Наднациональный формат и национальные особенности миграционной политики стран ЕС // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. №1, т. 20. С. 6-23.

Трофимова О.Е. Роль иностранных мигрантов в формировании человеческого капитала в ЕС // Вестник ИЭ РАН. 2015. №6. С. 137-150.

Филатов С., Лункин Р. Карачаево-Черкесия. Религиозно-общественная жизнь российских регионов. Т. II / науч. ред. С. Филатов. М.; СПб.: Летний сад, 2016. 512 с.

Хайрутдинов А. Философия божьей милости в трудах Мусы Джаруллаха Бигеева. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing RU, 2017. 154 с.

Холостова Е.И. Социальная работа: учебное пособие. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2005. 216 с.

Худякова Л.С., Сидорова Е.А. Миграционная политика Европейского Союза: новые стратегии и перспективы // Экономические стратегии. 2019. №7(165). С. 66-73. DOI: 10.33917/es-7.165.2019.66-73

Франция на пороге перемен: экономика и политика в начале XXI века / отв. ред.: А.В. Кузнецов, М.В. Клинова, А.К. Кудрявцев, П.П. Тимофеев). М.: ИМЭМО РАН, 2016. 285 с. DOI: 10.20542/978-5-9535-0460-7

Цароева М. Пантеон ингушей. М.: Изд-во Триумф, 2016. 543 с.

Цароева М. Следы древних цивилизаций в языках и культуре ингушей и чеченцев. М.: Триумф, 2016. 320 с.

Еврейская поэзия средневековой Испании / под общ. ред. Хаима Ширмана; пер., биогр. поэтов и коммент. В. Лазариса. Иерусалим: Библиотека-Алия, 1981. 164 с.

Эберман В. Медицинская школа в Джундишапуре // Записки Коллегии Востоковедов при Азиатском Музее Российской Академии наук. Т. 1. Л.: РАН, Главнаука, Госиздат, 1925. С. 47-72.

Бигиев М. Рэхмэт илаһия борһаннары. Оренбург: Вақыт,

1911. 96 с. (Арабская графика, татаро-османский яз.).

Бигиев М. Инсаннарның гакыйда илаһияларына бер назар. Оренбург: Вақыт, 1911. 25 с. (Арабская графика, татаро-османский яз.).

Albert, M. Soziale Arbeit im Wandel – Professionelle Identität zwischen Okonomisierung und ethischer Verantwortung, Hamburg: VSA Verlag 2006. 125 S.

Bauberot J., Vers un nouveau pacte laïque? Paris, éd. Seuil, 1990. 272 p.

Beyond memory: the Crimean Tatars' deportation and return. Greta Lynn Uehling. New York: Palgrave Macmillan, 2004. 294 p.

Cesari J. Être musulman en France: Associations, militants et mosquées. Institut de recherches et d'études sur les mondes arabes et musulmans. 1994. 367 p.

Dagmar, S. Just a Piece of Cloth: German Courts and Employees with Headscarves. *Industrial Law Journal*. 2004. P. 68-73.

DiMaggio P.J., Powell W. The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields. *The New Institutionalism in Organizational Analysis*. Chicago. 1991. P. 63-82.

Esping-Andersen G. Welfare states in the 21st Century. In: Pierson C., Castles F. (eds.) *The Welfare State Reader*. Cambridge: Polity Press, 2006. P. 160-175.

Ester P., Vinken H. Debating Civil Society: On the Fear for Civic Decline and Hope for the Internet Alternative. *International Sociology*. 2002. №4. P. 659-680.

Fenger H.J.M. Welfare regimes in Central and Eastern Europe: Incorporating post-communist countries in a welfare regime typology. *Contemporary Issues and Ideas in Social Sciences*. 2007. №5. P. 30-41.

Frégosi F. Penser l'islam dans la laïcité. Paris, Fayard, 2008, 486 p.

Fulchiron H. La nationalité française. Paris. 2000. 127 p.

González Palencia A. Historia de la literatura árabe-española. Barcelona. 1945. 380 p.

González Palencia A. Historia de la España musulmana. Barcelona. 1929. 224 p.

- Gunon R. L'influence de la civilisation islamique sur l'Europe // Etudes traditionnelles. 1950. №12. P. 209-216.
- Leclerc L. Histoire de la médecine arabe. T.1. Paris. 1876. 597 p.
- Les musulmans de France et la République. Fayard, 2008. 486 p.
- Müller F.W.K. Uigurica IV. Berlin. 1931. 300 s.
- Müller F.W.K. Uigurica III. Uigurische Avadāna-Bruchstücke (I-VIII). APAW. 1922. № 2.
- Opitz K. Die Medizin im Koran. Stuttgart. 1906. 110 s.
- Pérouse de Monclos M.-A. L'Afrique, nouvelle frontière du djihad? P.: La Découverte, 2018. 160 p.
- Puschmann Th. Handbuch der Geschichte der Medizin. Jena. Band 1. 1902. – 1172 s.
- Rachanti G.R. Zur Heilkunde der Uiguren. SPAW. Berlin. 1930. S. 451-473.
- Rachanti G.R. Zur Heilkunde der Uiguren. SPAW. II. Berlin. 1932. S. 401-448.
- Rachanti G.R. Türkische Turfan Texte, VII, SPAW. 1936.
- Ramadan T. Être musulman européen. Edition Tawhid. 1999. 460 p.
- Rosenow K. Refugee Protection Standards in Transition: Studying German NGO's and Public Administrations. Refugee Survey Quarterly. 2020. №9(1). P. 76-99.
- Schröter S. Politischer Islam. Stresstest für Deutschland. Gütersloher Verlagshaus. 2016. 384 s.
- Straub, U. Image und Öffentlichkeitsarbeit der Jugendhilfe: Beziehungsarbeit mit der Öffentlichkeit // Forum Erziehungshilfen. 2001. №7. S. 264-272.
- Szczepanikova A. Chechen Women in War and Exile: Changing Gender Roles in the Context of Violence. A. Le Huérou, A. Merlin, A. Regamey and E. Sieca-Kozłowski (eds.) Chechnya at War and Beyond. Routledge. 2014. 292 p.
- Vinatier L. Tchétchènes: une diaspora en guerre, Paris, Editions Pétra, series: «Monde en migrations». 2013, 292 p.

ОБ АВТОРАХ

Бабич Ирина Леонидовна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

Биссон Любовь Сергеевна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Отдела исследований европейской интеграции Института Европы РАН.

Гаджиев Амур Гаджибабаевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института Востоковедения РАН, руководитель Центра изучения современной Турции.

Глашев Ахмат Алабиевич – соискатель Российской государственной академии Интеллектуальной собственности, адвокат, культуролог.

Камкин Александр Константинович – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Центра германских исследований ИЕ РАН, член общества «Россия – Германия».

Клинова Марина Вилениновна – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник сектора экономики европейских стран ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

Лункин Роман Николаевич – кандидат философских наук, доктор политических наук, главный научный сотрудник, заместитель директора ИЕ РАН по научной работе, руководитель Центра по изучению проблем религии и общества ИЕ РАН, главный редактор журнала «Современная Европа».

Рожин Александр Александрович – младший научный сотрудник Отдела социальных и политических исследований Института Европы РАН, аспирант ИЕ РАН.

Токтамысов Сакен Жаугаштович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Российский университет дружбы народов.

Хайрутдинов Айдар Гарифутдинович – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник ГБУ Институт истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан.

ABOUT THE AUTHORS

Babic Irina Leonidovna – doctor of sciences (history), chief scientific researcher of Ethnology and Anthropology Institute of RAS.

Bisson Lyubov Sergeevna – candidate of political sciences, senior scientific researcher of European integration studies department of Institute of Europe of RAS.

Gadzhiyev Amur Gadzhibabayevich – candidate of historical sciences, scientific researcher of Center of Near and Middle East of Oriental institute of RAS, head of Contemporary Turkey researches center.

Glashev Akhmay Alabiyevich – postgraduate of Russian academy of intellectual property, lawyer, historian of culture.

Kamkin Alexander Konstantinovich – candidate of sciences (Philosophy), leading scientific researcher of Center of German studies at Institute of Europe of RAS, member of «Russia – Germany» society.

Klinova Marina Valentinovna – doctor of economic sciences, leading scientific researcher of European countries economy sector of E.M. Primakov IMEMO of RAS

Lunkin Roman Nikolayevich – doctor of political sciences, head scientific researcher of Religion and society issues center of Institute of Europe of RAS, deputy director of IE RAS for scientific work, editor-in-chief of «Sovremennaya Evropa».

Rozhin Alexander Alexandrovich – junior scientific researcher of Social and political studies department of Institute of Europe of RAS, postgraduate of IE RAS.

Toktamysov Saken Zhaugashtovich – candidate of sciences (history), senior lecturer of Russian history department of RUDN university.

Khayrutdinov Aydar Garifutdinovich – candidate of sciences (Philosophy), senior lecturer, senior scientific researcher of GBU, Sh. Mardzhani History institute of Academy of Sciences of Tatarstan Republic.

**В 2019–2021 гг. были выпущены следующие
доклады Института Европы**

363. Большое Причерноморье: политика, экономика, безопасность. Отв. ред. О.В.Буторина. ДИЕ РАН № 363. М., 2019 г.
364. Итоги правления Терезы Мэй. Под ред. Е.В.Ананьевой. ДИЕ РАН № 364. М., 2019 г.
365. П.В.Осколков. Правый популизм в Европейском союзе. ДИЕ РАН № 365. М., 2019 г.
366. А.И.Шумилин. Ближневосточные конфликты: европейский подход. ДИЕ РАН № 366. М., 2019 г.
367. И.Н.Щербак. Роль ООН, ЕС и ОБСЕ в кризисном урегулировании. ДИЕ РАН № 367. М., 2019 г.
368. Германия. 2019. Отв. ред. В.Б.Белов. ДИЕ РАН № 368. М., 2020 г.
369. Е.П.Тимошенкова. Партийно-политическая система Германии в период канцлерства А.Меркель. ДИЕ РАН № 369. М., 2020 г.
370. Денежно-кредитное регулирование в России и ЕС. Отв. ред. А.И.Бажан. ДИЕ РАН № 370. М., 2020 г.
371. Л.С.Биссон. Регулирование легальной миграции в Европейском союзе. ДИЕ РАН № 371. М., 2020 г.
372. Европа в поиске новых решений. Отв. ред. Р.Н.Лункин, П.В.Осколков. ДИЕ РАН № 372. М., 2020 г.
373. К.А.Годованюк. «Глобальная Британия» в преддверии брекзита. ДИЕ РАН № 373. М., 2020 г.
374. Коалиционные правительства в современной Европе: шансы и риски. Отв. ред. В.Я.Швейцер. ДИЕ РАН № 374. М., 2020 г.
375. А.А.Синдеев. Проблемы трансформации европейской безопасности в работах российских политологов. ДИЕ РАН № 375. М., 2020 г.
376. Выборы в Вишеградских странах 30 лет спустя. Особенности избирательных кампаний 2019–2020 гг. Отв. ред. Л.Н.Шишелина, Р.Н. Лункин. ДИЕ РАН № 376. М., 2020 г.
377. В.И.Мироненко. Украинский транзит. Опыт ситуационного анализа. ДИЕ РАН, № 377. М., 2020 г.
378. Итоги первого года правительства Б.Джонсона. Отв. ред. К.А.Годованюк ДИЕ РАН, № 378. М., 2020 г.
379. Германия. 2020. Под ред. В.Б.Белова. ДИЕ РАН № 379. М., 2021 г.
380. М.В.Ведерников. Словакия: от европейской идеи до членства в ЕС. ДИЕ РАН № 380. М., 2021 г.
381. Р.Н.Лункин. Страхи и надежды европейцев на фоне пандемии. ДИЕ РАН, № 381. М., 2021 г.

«Reports of Institute of Europe» published in 2019–2020

363. The Wider Black Sea Region: Politics, Economy, Security. Ed. by O.V.Butorina. Reports of the IE RAS, № 363. M., 2019.
364. Theresa May's Governance – Summing Up. Ed. by E.V.Ananicheva. Reports of the IE RAS, № 364. M., 2019.
365. P.V.Oskolkov. Right-Wing Populism in the European Union. Reports of the IE RAS, № 365. M., 2019.
366. A.I.Shumilin. The Middle East conflicts: European Approach. Reports of the IE RAS, № 366. M., 2019.
367. I.N.Shcherbak. The role of the UN, EU and OSCE in crisis regulation. Reports of the IE RAS, № 367. M., 2019.
368. Germany. 2019. Ed. by V.B.Belov. Reports of the IE RAS, № 368. M., 2020.
369. E.P.Timoshenkova. A party political system in Germany at the time of Angela Merkel' chancellorship. Reports of the IE RAS, № 369. M., 2020.
370. Monetary regulation in Russia and the EU. Ed. by A.I.Bazhan. Reports of the IE RAS, № 370. M., 2020.
371. L.S.Bisson. Legal migration governance in the European Union. Reports of the IE RAS, № 371. M., 2020.
372. Europe in search of new solutions. Ed. by R.N.Lunkin, P.V.Oskolkov. Reports of the IE RAS, № 372. M., 2020.
373. K.A.Godovanyuk. «Global Britain» in the run-up to Brexit. Reports of the IE RAS, № 373. M., 2020.
374. Coalition Governments in Contemporary Europe: chances and risks. Ed. by V.Ya.Shveitser. Reports of the IE RAS, № 374. M., 2020.
375. A.A.Sindeev. Problems of transformation of European security in the works of Russian political scientists. Reports of the IE RAS, № 374. M., 2020.
376. Elections in V4 countries after 30 years. Features of 2019–2020 electoral campaigns. Ed. by L.N.Shishelina, R.N.Lunkin. Reports of the IE RAS, № 376. M., 2020.
377. V.I.Mironenko. Ukrainian transit. Situation analysis experience. Reports of the IE RAS, № 377. M., 2020.
378. The results of the first year of Boris Johnson's government. Ed. by K.A.Godovanyuk. Reports of the IE RAS, № 378. M., 2020.
379. Germany. 2020. Ed. by V.B.Belov. Reports of the IE RAS, № 379. M., 2021.
380. M.V.Vedernikov. Slovakia: from European idea to EU membership. Reports of the IE RAS, № 380. M., 2021.
381. R.N.Lunkin. Fears and Hopes of the Europeans in the context of Pandemic. Reports of the IE RAS, № 381. M., 2021.

Научное издание

МУСУЛЬМАНЕ В ЕВРОПЕ

Сосуществование,
взаимодействие,
межцивилизационный диалог

Монография

Доклады Института Европы

№ 382

Подписано в печать 24.05.2021. Формат 60×90 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 9,875
Тираж 300 экз. Заказ № 2570

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Европы Российской академии наук
125009 Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3.
Тел.: 495-692-10-51, факс: 495-629-92-96.
E-mail: europe-ins@mail.ru
Web: <http://www.instituteofeurope.ru>

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812) 235-15-86